S 32/523

преосвящ. иерем

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 213
ПОЛКА 4
№ 538

I 32
523

Л 32
523

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ

ІЕРЕМІЯ,

ЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ,

И ВОСПОМИНАНІЯ ЕГО

О ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМЪ ИННОКЕНТІИ,

АРХІЕПИСКОПѢ ХЕРСОНСКОМЪ И ТАВРИЧЕСКОМЪ.

Нижній-Новгородъ.
Печ. въ типогр. Нижегор. Губер. Правлен.
1886.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать позволяется. Москва, 20 февраля 1886 года. Цензоръ, Протоіерей *Платонъ Капустинъ.*

Преосвященнѣйшій Іеремія, бывшій Епископъ Нижегородскій. Его біографія, кончина, погребеніе и посмертное завѣщаніе.

1884 года, декабря мѣсяца, 6-го числа, въ 11½ часовъ дня, въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ скончался Преосвященнѣйшій Іеремія, бывшій Епископъ Нижегородскій (1851—1857), съ 1857 года пребывавшій на покоѣ—сперва въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ — въ Городецкомъ Ѳеодоровскомъ—Балахнинскаго уѣзда — и, наконецъ, въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

Въ Бозѣ почившій Святитель, благословенный отъ Господа долготою дней, рѣдкою въ наше время, 85½ лѣтъ—было житія Его земнаго, отъ лѣтъ дѣтства и до самой блаженной кончины своей отличался своею подвижническою жизнію, незнавшею отдыха въ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, своею ревностію о славѣ Божіей, о благѣ церкви и отечества, своею нестяжательностію и самоотверженною любовію къ ближнимъ, готовою придти на помощь и къ безпомощной старости, и къ безпріютному сиротству дѣтей, и къ безъисходному горю несчастныхъ, и ко всякой нуждѣ церковной, общественной и частной, особенно тамъ, гдѣ потребность на покрытіе той или другой нужды вызывалась необходимостію

поддержанія и устроенія Храмовъ Божіихъ, иноческихъ обителей, учебныхъ заведеній, духовныхъ и гражданскихъ, для воспитанія въ нихъ учащихся, въ духѣ православія и патріотизма, какъ будущихъ дѣлателей на поприщѣ непостыднаго пастырства и доблестнаго гражданства. Это былъ предъизбранный и, съ ранней юности, Богомъ уготованный, живой сосудъ въ честь, исполненный благодатнаго свѣта и елея, упоминаемыхъ въ святомъ Евангеліи. Это былъ свѣтильникъ горящій, свѣтящій и ближнихъ и дальнихъ теплотою Евангельскаго свѣта и любви, яже по Возѣ, всѣхъ согрѣвающій.

Преосвященный Іеремія родился въ 1799 году, 10 апрѣля, Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, въ селѣ Георгіевскомъ, что на рѣкѣ Соснѣ, въ Донъ впадающей, отъ причетника Іоанна Яковлевича и жены его Маріи Ѳеоктистовны и названъ Иродіономъ. Первоначальное ученіе преподано было ему въ домѣ родителей. „Родители мои, пишетъ самъ Преосвященный въ своихъ воспоминаніяхъ, содержали и блюли меня съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ. Для меня установлена была общая, семейная молитва. Поставивъ меня на прилавокъ у святыхъ иконъ, заставляли читать по-часту акаѳистъ Сладчайшему Іисусу и Святителю Николаю. У матери моей не было иного наставленія, иной материнской слезной мольбы къ дитяти нѣжно любимому, какъ сіе: „молись, молись, всегда молись, молись втайнѣ, молись ночью, молись предъ всякимъ урокомъ своимъ и всякимъ дѣломъ“.

Въ 1808 году, 29 апрѣля, въ день преполовенія, отецъ и мать отрока Иродіона съ молитвою и слезами отвезли его въ г. Ливны къ діакону Игнатію для приготовленія къ поступленію въ Семинарію. Любовію, а паче по молитвамъ родителей, отрокъ Иродіонъ такъ хорошо и успѣшно былъ приготовленъ, что въ 1810

году поступилъ прямо въ 4-й классъ (синтаксисъ) семинаріи, находившейся въ городѣ Сѣвскѣ Орловской губерніи, въ которой въ 1819 г. кончилъ курсъ ученья со степенью студента. Молитва, уединенная въ березовой Сѣвской рощѣ и тайная, нощная, въ пустыхъ камерахъ, была любимѣйшимъ и усладительнымъ упражненіемъ ученика Иродіона Соловьева. Живая, открытая набожность его была противна нѣкоторымъ сверстникамъ, и они, понося его и лицемѣромъ, и ханжею, нерѣдко наносили ему побои по головѣ и взадъ, когда онъ поклонится низкимъ поклономъ. И оскорбленный юноша молился за своихъ оскорбителей въ рощѣ, между развѣсистыми березами. Его набожность, его примѣрное благонравіе обратили на себя вниманіе и мѣстнаго семинарскаго начальства, и бывшаго въ то время Орловскаго Преосвященнаго Досиѳея, который въ 21 день ноября 1814 года посвятилъ его въ чтеца и книгодержца.

По окончаніи семинарскаго курса, Иродіонъ Соловьевъ опредѣленъ былъ учителемъ Сѣвскаго духовнаго училища по греческому языку и инспекторомъ. Ректоромъ былъ тогда Іеромонахъ Іаковъ, (впослѣдствіи Епископъ Саратовскій, а потомъ Нижегородскій), который сердечно полюбилъ своего юнаго сослуживца и своими частыми бесѣдами располагалъ и наклонялъ мысли его къ монашеству. Будучи въ цвѣтѣ возраста, полный жизни и здоровья, 20 лѣтній юноша-инспекторъ и учитель почувствовалъ въ тайникѣ души своей страшную борьбу мыслей, чувствованій и намѣреній. Съ одной стороны—онъ чувствовалъ въ душѣ своей пламенное стремленіе въ монастырское уединеніе, съ другой—видѣлъ многообразныя ласки, услуги и предложенія со стороны міра, видѣлъ желаніе своихъ родителей видѣть его въ супружеской жизни и въ санѣ священника и, въ этой борьбѣ, не разъ взывалъ въ молитвѣ къ Господу: „Покажи ми, Господи, путь, въ онь же пойду, яко къ тебѣ взяхъ, душу мою“! Плодомъ сей святой борьбы было то, что юный борецъ

Христовъ живо почувствовалъ въ своей душѣ силу словъ Премудраго: суета суетъ и всяческая суета,— возъимѣлъ ко всему мірскому охлажденіе, даже среди обаяній и веселостей міра, и рѣшилъ однимъ ударомъ порвать всѣ связи, всѣ сношенія съ міромъ... Нѣсколько разъ рѣшался даже тайно удалиться, оставивъ должность, всѣхъ и все... Но безъ совѣта съ людьми опытными, уже искусившимися въ подвигахъ иноческой жизни, приводить свое намѣреніе въ исполненіе считалъ не безопаснымъ для себя. А потому, какъ Никодимъ къ Господу нощію, пошелъ онъ съ своими завѣтными думами къ нѣкоему старцу Геннадію, славившемуся своею назидательностію и наставленіями: что речетъ онъ о немъ и объ его пламенномъ стремленіи къ святому иночеству? Благочестивый старецъ, выслушавъ исповѣдь сердца пришедшаго юноши—учителя и инспектора, наизусть прочиталъ ему многія длинныя мѣста изъ писаній отеческихъ объ отшельнической жизни и тутъ же вручилъ ему свой посохъ—съ тѣмъ, чтобы юноша, не заходя въ квартиру свою, прямо отъ него — старца шелъ (это было зимою) въ Брянскія лѣса. Иродіонъ Соловьевъ былъ въ это время 21-го года; но, усмотрѣвъ не зрѣлость внушенія старческаго, преслушалъ оное. Между тѣмъ, нѣкая *тоска по отчизнѣ* всюду преслѣдовала этого избранника Божія. Чтобы скрыть ее отъ людей, въ обществѣ, надо было прибѣгать къ мѣрамъ притворства и нѣкотораго рода маскировки. Стремленіе скорѣе развязаться съ міромъ и вступить въ стѣны какой либо обители постоянно поддерживалось въ немъ мыслію о близости смерти. „Память смертная, говоритъ Преосвященный Іеремія, была вложена въ меня матерью, съ самаго ранняго дѣтства. Отправляя меня въ семинарію съ родителемъ и, снабдивъ всѣмъ и на нужды и на утѣшеніе, не забывала вручить мнѣ мѣшечекъ копѣечекъ и кисейное полотенце. „Копѣечки, говорила она, раздай нищимъ, а полотенцемъ этимъ, въ случаѣ своей смерти, попроси накрыть себя во гробѣ“.

Три года учительства и инспекторства Иродіона Соловьева прошли для него, какъ время борьбы съ своими помыслами и привели его къ рѣшительному убѣжденію, что онъ долженъ послѣдовать единственно внутреннему влеченію своего сердца и оставить все... „Уволясь отъ учительства, говоритъ онъ, на нѣсколько мѣсяцевъ я поставилъ себя въ состояніе испытанія, вблизи къ соблазну и поползновенію для юности. Во время самоиспытанія занимался чтеніемъ святаго Златоуста, котораго слово къ Θеодору падшему наиболѣе пало на мое сердце, и ходилъ такъ же къ Богослуженіямъ въ церковь, въ которую нѣкто Герасимъ (помяни его Господи!) приносилъ съ сбоею Бесѣды Михаила, Митрополита Петербургскаго, въ красной оберткѣ, чтобы священникъ произносилъ ихъ каждый праздникъ и воскресенье". Повидимому, для любителя иноческой жизни, въ данное время, препятствій къ осуществленію его страстнаго желанія сдѣлаться инокомъ болѣе не существовало и не могло быть... Уволившись отъ всѣхъ должностей, онъ, какъ говорится, былъ вольная птица. Но на дѣлѣ вышло иное, вышло такъ, какъ и во снѣ не могъ представить себѣ отшельникъ—Иродіонъ Соловьевъ. Преосвященный Гавріилъ, въ то время бывшій Епископъ Орловскій (впослѣдствіи Архіепископъ Рязанскій) вспомнилъ, что одинъ изъ старшихъ учителей, именно онъ, Соловьевъ, еще не пристроенъ къ мѣсту и, отечески жалѣя его, прислалъ къ нему своего письмоводителя предложить священническое мѣсто въ г. Болховѣ, при Покровской церкви. Искушеніе неожиданное, предложеніе внезапное, а потому и борьба съ ними была не посильная для человѣка, только что добровольно поставившаго себя въ положеніе самоиспытанія. „Не помысливъ, „говоритъ Преосвященный въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ рукахъ имѣю и, увидѣвъ мѣсто и прочее, я съ благодарностію принялъ отъ Архипастыря и мѣсто и благословеніе на бракъ..., и отправился въ г. Болховъ. Здѣсь всматривался я въ приходъ, и въ сотоварищество, и въ будущее

семейное родство и, все облюбовавъ, я не прежде однако рѣшился приступить къ совѣщаніямъ о бракѣ, какъ помолясь въ Болховскомъ монастырѣ и отслуживъ молебенъ Царицѣ небесной, купно съ будущими родными. По выходѣ изъ церкви, перешедъ чрезъ ровъ, отдѣляющій монастырь отъ города и, увидѣвъ обитель зеленѣющуюся, я плѣнился ею болѣе, нежели невѣстою, и, оставивъ всѣхъ, устремился въ чащу рощи... одинъ, чтобы прислушаться къ сердцу, и помолиться, и подышать вольнымъ воздухомъ. Молитва общая совершена, —къ ней и внутреннюю свою въ сугубой мѣрѣ я присовокупилъ сію: Господи, покажи мнѣ путь, въ онь же пойду..., покажи, и не даждь совратитися отъ того, что указуешь мнѣ втайнѣ, но понятно"... И Милосердый внялъ моленію его. Любовь къ иночеству такъ воздѣйствовала въ немъ, что, при общемъ въ преднареченномъ для брака домѣ жалѣніи и плачѣ, онъ, среди ночи, простился и пустился въ обратный путь въ мѣстопребываніе Преосвященнаго. И здѣсь, явившись къ Преосвященному Гавріилу, представилъ прошеніе объ опредѣленіи его послушникомъ въ Площанскую пустынь, съ возвращеніемъ брачнаго билета. Преосвященный удивился, но, узнавъ давнюю, постоянную рѣшимость просителя въ иночество, изволилъ на прошеніи написать: «*Грядущаго ко Мнѣ не иждену вонъ*, глаголетъ Господь. Но просителя опредѣлить не въ пустынь Площанскую, а въ Брянскій, печерскій монастырь».

Вотъ какъ описываетъ любитель иноческой жизни свое путешествіе въ назначенный для житія его Брянскій, печерскій монастырь и свое пребываніе въ немъ: „Въ мартѣ, поспѣшно, все бросивъ въ квартирѣ и взявъ въ кожаной котомкѣ двѣ рубашки, по грязному пути, съ посошкомъ въ рукѣ и съ запиской отъ упомянутаго Герасима къ іеромонаху Смарагду, я пустился въ путь (около 200 вер.) пѣшкомъ, тужа и радуясь, уповая и страшась, моляся и о пути, одинъ, съ воплемъ крѣп-

кимъ, и обуреваясь помыслами. Все пѣшествіе, кажется, столько же орошалось слезами, сколько весеннимъ дождемъ. Тяжкая была туга на душѣ, при воспоминаніи о минувшихъ почтовыхъ разъѣздахъ и сравненіи ихъ съ настоящимъ странничествомъ во гладѣ и хладѣ. Но и среди туги сей, среди хлада и голода, Ангелъ Хранитель не допустилъ мнѣ озрѣться вспять, подобно женѣ Лотовой. Спасаясь отъ треволненій міра, я едва не погрязъ въ волнахъ Десны рѣки, рѣшась ввѣрить себя для переправы чрезъ рѣку разлившуюся малому челноку и ребенку-кормчему. (Установленная переправа, по причинѣ сильнаго двухдневнаго вѣтра, прекращена была вовсе). Смерть потопная была на волоскѣ, и я уже приготовился ее встрѣтить, призывая милосердіе Божіе. Ловкость ребенка-кормчаго, его мужественное приказаніе мнѣ: „Закрой глаза и ницъ наклонись“, летаніе челнока отъ волнъ во всѣ стороны—неизгладимы въ душѣ моей, выну за спасеніе сіе Господу Богу и Ангелу Хранителю благодарной! Взошедъ на гору, я увидѣлъ печерскую, Брянскую обитель, въ которую шествовалъ..... Но, по дѣйствію разстлѣнной природы моей и, конечно, по козни вражіей, обитель печерская вовсе не такъ представилась мнѣ, какъ Волховская: сія краше всѣхъ красотъ мірскихъ мнѣ казалась, а та—Брянская—страшною до того, что, взглянувъ на нее, я упалъ подъ многовѣковымъ дубомъ и съ мѣста не могъ сдвинуться—дотолѣ, пока весь выплакался и изнемогъ отъ воплей къ Господу, доселѣ ощутительно ведшему меня, такъ сказать, за руку, а теперь оставившему меня одного. Чего не передумалъ я и не перечувствовалъ въ эти страшные часы! Возвратился бы, но рѣка, а наиболѣе нѣкая сила не позволяли мнѣ сдѣлать ни одного обратно шага. Наконецъ, побѣда надъ страхованіями разными и надъ малодушіемъ одержана, съ помощію благодати, и борьба въ духѣ кончилась. Я всталъ и пошолъ ко вратамъ святой обители. Не смѣя войдти, сѣлъ на лавочкѣ, ожидая: не

выдетъ ли кто изъ братіи и не введетъ ли меня внутрь крѣпкихъ стѣнъ ея! Вышелъ послушникъ, и я попросилъ его довести меня до Смарагда (къ іеромонаху Смарагду имѣлось письмо). „Пожди, пока возвращусь оттуда, куда иду“ былъ отвѣтъ его мнѣ. Пождавъ не мало, и мокрый, и озябшій, и голодный, я, наконецъ, введенъ внутрь обители. Вошедъ въ нее, я шелъ до Смарагда, съ великимъ страхомъ представляя свои немощи и суровость инока старца... Но какъ я изумился, увидавъ въ Смарагдѣ ласковаго, радушнаго, веселаго, разговорчиваго человѣка. „Ты голоденъ, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, я сведу тебя въ трапезу: подкрѣпись, потомъ представлю тебя игумену“. Это было въ среду на третьей недѣлѣ святой Четыредесятницы. Отецъ игуменъ Амвросій принялъ меня съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ.... и, не разъ прочитывая въ билетѣ слова—инспекторъ и учитель въ число послушниковъ, долго истязалъ меня... Наконецъ, позвавъ Смарагда, отдалъ меня въ его полное, старческое распоряженіе и сказалъ мнѣ, чтобы я повиновался ему, какъ самому Христу и велѣлъ поклониться въ ноги.... Монастырскія послушанія отецъ Смарагдъ назначалъ мнѣ по порядку, возводя отъ нижнихъ—чернорабочихъ, кухонныхъ и дворныхъ—къ высшимъ, церковнымъ. Переводъ отъ одного послушанія къ другому онъ производилъ съ замѣтною, но непонятною для меня поспѣшностію. Въ четыре мѣсяца я уже сталъ на пономарскую вакансію въ ранней литургіи и думалъ про себя, что въ этомъ дѣлѣ оставаться бы хоть до смерти“.

Обитель печерскую и данную ему въ ней келлію любитель иноческой жизни чаялъ имѣть своимъ гробомъ, но Промыслъ Божій судилъ иначе. Въ одинъ день посѣтилъ послушника Иродіона старецъ Смарагдъ не въ обычное свое время и сѣвъ говоритъ: „вотъ ты кончилъ уже курсъ послушническій, хотя въ малѣ потрудясь почти въ каждомъ послушаніи. Теперь тебѣ

предлежитъ иное дѣло, иное послушаніе, иной курсъ, отъ котораго ты уклонился и отвилялся разными своими и сторонними способами.... Какой? Академическій. Я уже приготовилъ все для отправленія тебя въ Московскую Академію. Горько возскорбѣлъ Иродіонъ и началъ всячески просить старца, чтобы онъ не разлучалъ его съ Обителію. „Помни, отвѣчалъ онъ, въ какомъ повиновеніи послушникъ долженъ быть къ старцу и не прекай". Возвращеніе въ міръ, пишетъ Преосвященный Іеремія, изъ котораго выйдти мнѣ было труднѣе, нежели Израилю изъ Египта и обращеніе къ школьнымъ занятіямъ, которыя въ пылкомъ юношѣ раждали одну гордыню и продерзливость и изъ которыхъ ничто почти не пошло въ дѣло въ новой моей жизни,—мнѣ казалось ужаснымъ до того, что я внутренно огорчился на старца. Зачѣмъ же я и изъ мірской жизни удалился, думалъ я? — Зачѣмъ столько вытерпѣлъ внутрь и внѣ себя? - И не скажутъ ли теперь мои друзья, знакомые и родители, что я взялся за рало и вспять возвращаюсь, по малодушію.... Я повиновался. Но по устроенію моего друга и товарища Иннокентія (Борисова), или лучше по устроенію Всеблагаго Промысла Божія, милосердовавшаго о Немъ при его высокихъ дарованіяхъ, и о мнѣ по моей слабости, вышло изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, чтобы я былъ отправленъ въ Санкт. Петербургскую Академію, гдѣ Иннокентію предлежало быть Боккалавромъ по Богословской каоедрѣ". Такимъ образомъ, проведенный чрезъ всѣ послушанія монастырскія, волею и распоряженіемъ старца—іеромонаха Смарагда, съ согласія и благословенія Преосвященнаго Гавріила и игумена Амвросія, молодой послушникъ Иродіонъ Соловьевъ отправленъ былъ, вслѣдствіе требованія коммисіи духовныхъ училищъ, въ Санктпетербургскую Духовную Академію, на казенный счетъ. Въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, 21 ноября 1824 г., постриженъ былъ въ монашество, съ именемъ Іереміи, въ Академической церкви, ректоромъ Академіи,

Преосвященнымъ Григоріемъ, Епископомъ Ревельскимъ (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій). Въ день Рождества Христова, въ томъ же году, тѣмъ же Преосвященнымъ въ Казанскомъ соборѣ рукоположенъ въ іеродіакона. Въ 1827 году 14 августа Архіепископомъ Рязанскимъ Филаретомъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій) въ церкви Псковскаго подворья, что на Васильевскомъ островѣ, рукоположенъ въ іеромонаха. Въ три года своего пребыванія въ Академіи, студентъ Іеремія Соловьевъ постоянно лелѣялъ въ себѣ мысль и желаніе, по окончаніи академическаго курса, опять возвратиться въ свою келлію, — объ одномъ этомъ помышлялъ и въ классѣ и внѣ онаго, и къ монастырскому житію уготовлялся и, чѣмъ можно было, для сего запасался, слушая и читая. И объ этомъ своемъ намѣреніи, за нѣсколько недѣль до окончанія курса, объявилъ и своимъ товарищамъ и начальству, прося оное не удостоивать его никакой академической степени. Но и тутъ вышло на дѣлѣ иное, нежели что предположилъ себѣ студентъ Іеремія Соловьевъ. Преосвященный Филаретъ, присутствовавшій тогда въ Святѣйшемъ Синодѣ, узнавши о намѣреніи Іеромонаха Іереміи возвратиться въ монастырь, пригласилъ его къ себѣ и не только не укорилъ за неискательство и не пожеланіе степени, но и похвалилъ, предложивъ ему на время переселиться въ Псковское подворье и заняться вмѣстѣ съ Владыкою святыми отцами и руководствовать учениковъ-пѣвчихъ въ ихъ ученіи". Я съ радостями многими согласился на это предложеніе, пишетъ Преосвященный Іеремія, взирая на Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, какъ на Святаго,—давно мнѣ извѣстнаго подвижника Инока-Святителя; притомъ онъ былъ лѣтъ нѣсколько Игуменомъ той Обители, которая содѣлалась мнѣ второю матеріею—свѣтской. Объявивъ о семъ Иннокентію, который также обрадовался потому, что ему и мнѣ не хотѣлось разлучиться, и Ректору, я приготовился къ перемѣщенію изъ

Академіи на Псковское подворье". Но въ это время стала праздною во второмъ кадетскомъ корпусѣ законоучительская вакансія. Высокопреосвященный митрополитъ Серафимъ искалъ достойнаго кандидата на эту должность, и жребій выпалъ на іеромонаха Іеремію Соловьева. Позванный, въ слѣдствіе этого, къ Высокопреосвященному Серафиму, отецъ Іеремія услыхалъ изъ устъ его слѣдующія слова: „Ты возвращаешься въ монастырь. Нѣтъ; ты долженъ отблагодарить церкви за три года твоего въ Академіи образованія, по крайней мѣрѣ, четырьмя годами своего служенія. Я опредѣляю тебя въ кадетскій корпусъ. Явись съ бумагами къ генералу. Но смотри, тамъ опасно. У Государя Николая Павловича все тамъ на виду". Такимъ образомъ, вмѣсто мирной обители, студентъ Академіи, іеромонахъ Іеремія занялъ мѣсто законоучителя 2-го кадетскаго корпуса и настоятеля церкви онаго. „Кадеты, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Преосвященный Іеремія, слушали меня съ любовію, и я любилъ кадетъ о Господѣ истинною и дѣятельною любовію. Ихъ съ командою не приводили въ церковь на канунѣ праздниковъ ко всенощнымъ, — но многіе изъ нихъ добровольно приходили и молились усердно, и пѣли и читали, доколѣ барабаномъ не позовутся къ ужину. Радость моя, и братская, и отеческая, и священнослужительская тѣмъ болѣе меня восхищала, чѣмъ большее число Боголюбезныхъ моихъ кадетъ видѣлъ я въ церкви подъ какой либо праздникъ. Но какъ мнѣ было прискорбно и больно...., когда, совершая бдѣніе, ни одного не сталъ я видѣть кадета, хотя, по видимому, главный, благочестивый директоръ Н. И. Демидовъ искренно пекся о томъ, чтобы кадеты были Богобоязливы и благочестивы. Между книгами, которыя предлагали въ общемъ открытомъ залѣ кадетамъ для чтенія, постоянно (прикрѣпленные къ столамъ) находились экземпляры и Новаго Завѣта. Но внезапно всѣ они приняты и во все изъяты отъ чтенія и даже отъ видѣнія кадетъ. Это ихъ

сильно возмутило и взволновало.... Одно мое увѣреніе, что священныя книги приняты на время для переплета, могло ихъ успокоить... Возскорбѣлъ и я въ душѣ моей велію скорбію о таковомъ лишеніи и обратился къ главнымъ превосходительнымъ начальникамъ съ возможными просьбами, сужденіями, притчами о возвращеніи Новаго Завѣта кадетамъ.... Но все было напрасно. Вѣчная моя благодарность отцу Иннокентію, бывшему тогда инспекторомъ Академіи! Выслушавъ мою скорбь, онъ внушалъ мнѣ настойчиво теперь же (вечеръ былъ) объявить о семъ Его Высокопреосвященству, Митрополиту.... Владыка Серафимъ трижды перекрестился, удивляясь и изумляясь безбожному дѣлу и требовалъ письменнаго рапорта. Но я сыновне умолялъ Его объ оставленіи бумажной формы, и отъ Него посланъ къ Московскому. Съ Великимъ Іерархомъ Московскимъ долго бесѣдовалъ о семъ предметѣ. Выслушавъ, съ отеческимъ осклабленіемъ, между прочимъ, онъ сказалъ: „Ты успокоилъ кадетъ тѣмъ, что священныя книги не отобраны, а взяты для переплета и будутъ возвращены. А ежели не будутъ, то какъ бы тебѣ неостаться во лжи“? Но я выразилъ несомнѣнную мою надежду на него, на Высокопреосвященнѣйшаго Серафима, на весь Святѣйшій Синодъ. Придумалъ планъ негласный, безписменный, и онъ, при помощи Божіей, удался къ величайшей радости моей, безъ скорби и стыда для тѣхъ, кои были причиною антихристіанскаго распоряженія. Отъ Высокопреосвященнаго Филарета митрополита Московскаго получилъ по сему въ даръ четки. Кадеты были въ восторгѣ, увидѣвъ Завѣтъ Христовъ на своемъ мѣстѣ“. Въ 1828 г. Іеромонахъ Іеремія причисленъ къ соборнымъ Іеромонахамъ С.-Петербургской Лавры. Въ 1829 г. Коммиссіею духовныхъ училищъ изъ кадетскаго корпуса перемѣщенъ въ Баккалавра Санктпетербургской Духовной Академіи по богословскому классу. Въ 1830 году, 4 сентября былъ назначенъ въ Кіевъ на должность инспектора Кіевской Духовной Академіи, а 5-го октября посвященъ въ санъ

Архимандрита въ Александро-Невской Лаврѣ Преосвященнымъ Никаноромъ, Епископомъ Ревельскимъ (въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій). Въ 1832 г., по порученію высшаго начальства, обозрѣвалъ Орловскую и Воронежскую семинаріи съ училищами ихъ. Въ 1834 году опредѣленъ былъ ректоромъ Кіевской духовной семинаріи, членомъ консисторіи и настоятелемъ Кіево-Выдубецкаго монастыря. Въ 1836 году сопричисленъ къ ордену Святыя Анны 2-й степени. Въ 1837 году, по порученію Кіевскаго Митрополита Филарета, обозрѣвалъ монастыри Кіевской епархіи. Въ томъ же году опредѣленъ предсѣдательствующимъ членомъ комитета по устроенію Кіево-Софійскаго духовнаго училища. Въ 1838 году опредѣленъ настоятелемъ Кіево-Братскаго монастыря. Въ томъ же году обозрѣвалъ Волынскую духовную семинарію. Въ 1839 году сдѣланъ ректоромъ Кіевской Духовной Академіи. „Кстати теперь же и сіе замѣчу, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Преосвященнѣйшій Іеремія, о своей академической ректурѣ. И семинарская ректура была выше силъ моихъ,—почему я бѣжать хотѣлъ отъ ней, а паче потому, что слышалъ уже возглашенія нѣкоторыхъ лицъ объ Архіерействѣ моемъ. А меня тѣ же лица предъизбрали въ ректора Академіи. Помня и зная себя, мнѣ это чудно и странно было, и неимовѣрно, не смотря на извѣщенія. Меня обуяло чувство страховъ и опасеній. И что же? Помнится, какъ теперь, нѣкто, по имени Димитрій, извѣстное, почтенное въ церкви лицо, но не святитель Димитрій, взялъ меня въ одинъ прекрасный день и повелъ у подножія одной высокой горы. Иду, но не слыша отъ него, къ какой ведетъ меня высотѣ, я отрекаюсь, умоляю его оставить меня, плачу горько. Но Димитрій въ отвѣтъ на все мое говоритъ одно: нѣтъ, нѣтъ,—иди, иди, я не оставлю тебя..... Это было, если не наканунѣ, то весьма близко около памяти святителя Димитрія. Тогда сказалъ я себѣ: вѣрно—не избѣжать мнѣ высоты академической ректуры. Въ 1840 г.

обозрѣвалъ Херсонскую семинарію въ Одессѣ и Кишиневскую въ Бессарабіи. Въ томъ же году награжденъ орденомъ Святаго Владиміра 3-й степени. Въ 1841 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, по всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода, Высочайше утвержденъ въ Епископа Чигиринскаго, Кіевской митрополіи Викарія, и въ сей санъ 3 апрѣля—въ четвертокъ Святыя Пасхи нареченъ, а 6 апрѣля, въ недѣлю антипасхи, хиротисанъ въ великой церкви Кіевопечерской Лавры Филаретомъ, митрополитомъ Кіевскимъ соборнѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ Вологодскимъ (Борисовымъ) и Іосифомъ, бывшимъ Епископомъ Смоленскимъ, на покоѣ въ Лаврѣ пребывавшимъ. Новопоставленный Епископъ навсегда простился съ Кіевскою Духовною Академіею 7-го мая того 1841 года въ день отданія Пасхи. Вотъ его собственноручная замѣтка, по этому случаю, на Богослужебной книгѣ, въ концѣ службы въ среду 6-й недѣли по Пасхѣ: „Господи, Іисусе Христе, Спасителю мой! Пріими отъ мене безкровное приношеніе и молитву, возносимыя мною къ Тебѣ, въ послѣдній разъ, въ качествѣ настоятеля обители Братской и ректора Кіевской Духовной Академіи. Буди на нихъ вѣчное Твое благословеніе, котораго не лиши и мене, многогрѣшнаго, и моихъ дѣлъ. Аминь. Аминь. Аминь. Даждь ми выну молитися Тебѣ благоугодно. Аминь“. Святительскій жезлъ, свыше отъ Господа предназначенный для Преосвященнаго Іереміи, видимо предъуказанъ былъ ему еще во днѣхъ его цвѣтущей юности. Этотъ знаменательный случай въ душеполезномъ чтеніи 1866 г. за февраль мѣсяцъ, на страницахъ 122 и 123, описанъ такъ: „Священникъ Іосифъ Захаровичъ Вуколовъ пришелъ къ отцу Іоанну Борисову съ студентомъ Орловской семинаріи Иродіономъ Соловьевымъ, собравшимся жениться и желавшимъ принять отъ него благословеніе на бракъ съ извѣстною ему дѣвицею. Отецъ Іоаннъ принялъ ихъ радушно и для угощенія положилъ на тарелку что то изъ мяснаго. Гости подходили къ тарелкѣ, но отецъ

Іоаннъ останавливаетъ студента и говоритъ: „Нѣтъ, братъ, намъ къ этому не надобно прикасаться; мы съ тобою икры съѣдимъ“. Потомъ разсказываетъ имъ о себѣ слѣдующее: „Я былъ въ Воронежѣ, изъ Воронежа въ Задонскѣ, изъ Задонска въ Елецъ пришелъ. Приближаясь къ Соснѣ — рѣкѣ, я хотѣлъ переправиться чрезъ нее на лодкѣ, но только сѣлъ въ нее, взялся за весло и поплылъ, она вдругъ опрокинулась и весло изъ рукъ моихъ упало,—остались при мнѣ только два посоха и жезлъ архіерейскій, которые я несъ съ собою“. Послѣ этихъ словъ отецъ Іоаннъ пошелъ въ свой чуланъ, вынесъ оттуда два посоха и жезлъ архіерейскій. Одинъ изъ посоховъ онъ вручилъ священнику съ словами: „Это вотъ тебѣ“; а другой оставилъ у себя въ рукахъ, сказавъ: „это мнѣ“; тебѣ же,—прибавилъ онъ, обращаясь къ студенту,—даю жезлъ архіерейскій. Теперь, ступайте съ Богомъ — мнѣ некогда больше бесѣдовать съ вами“, и побѣжалъ въ свой чуланъ, оставивъ гостей въ недоумѣніи. Чрезъ нѣсколько времени, помянутый священникъ предложилъ студенту опять сходить къ о. Іоанну, не скажетъ ли онъ чего либо болѣе вразумительнаго? студентъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, ужъ онъ намекнулъ мнѣ, что надобно дѣлать. Я понялъ его, жениться я раздумалъ, судьба моя рѣшена“. Вскорѣ студентъ пошелъ въ монастырь, постригся въ монахи и по времени, по милости Божіей, удостоился сана архіерейскаго“. Мысль о томъ, пишетъ самъ Преосвященнѣйшій Іеремія, куда всегда почти лежалъ путь начальнику и главѣ ученыхъ, была для меня мыслію страшною. Но когда пришло время ей осуществиться, зѣло смятеся душа моя. Чтобы воспрепятствовать исполненію уже состоявшагося избранія меня въ высшій (епископа) санъ, я помышлялъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, извѣстнымъ въ священной древности. Но вотъ, въ сонномъ видѣніи, изволилъ пожаловать ко мнѣ высокопреосвященный митрополитъ (Филаретъ), и говоритъ онъ мнѣ: „ну, не отказывайся, не упрямься; бумага о тебѣ уже пошла!..

Я пріѣхалъ тебѣ сказать". Въ отвѣтъ на это, я надвинулъ ниже свою камилавку, поникнулъ головою и горько заплакалъ. Точь-въ-точь такъ сбылось на утро: тотъ же сказанный пріѣздъ Владыки, та-же цѣль, тѣ-же слова, то-же дѣйствіе въ отвѣтъ. (Взято изъ журнала „Духовная Бесѣда"). Въ 1843 году, января 1 дня Преосвященный Іеремія Высочайшею волею перемѣщенъ на Кавказъ въ новооткрытую епархію и именованъ Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ. Объ этомъ перемѣщеніи Преосвященному Іереміи были предуказанія свыше, въ ночномъ видѣніи, помѣщенныя въ журналѣ „Духовная Бесѣда", за подписомъ самого Преосвященнаго. 1 января 1843 г., читаемъ въ журналѣ „Духовная Бесѣда", въ алтарѣ, у самаго престола великія Лаврскія церкви, въ ночномъ видѣніи, нѣкій первосвятитель, въ полномъ облаченіи (кромѣ его никого не было) велѣлъ мнѣ (Преосвященному Іереміи) преклонить колѣна, молился надъ моею грѣшною головою и, въ заключеніе своего наставленія или напутствія, внушалъ мнѣ чаще и чаще и съ любовію читать: помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей и проч... и посланіе апостола Павла къ евреямъ. Это былъ день, когда состоялся Высочайшій указъ—быть мнѣ Кавказскимъ. 11 того же января, продолжаетъ Преосвященный Іеремія, видится мнѣ, что я священнодѣйствую въ храмѣ, озаряемомъ молніеобразными осіяніями: то, думаю, храмъ, въ коемъ находятся святыя чудотворныя мощи Св. Великомученицы Варвары. Когда отъ престола исшелъ я внѣ алтаря, чтобы осѣнить народъ, вдругъ подходятъ ко мнѣ два діакона и сказываютъ, что мнѣ слѣдуетъ служить не здѣсь, а въ иномъ мѣстѣ. Гдѣ? спрашиваю; въ отвѣтъ на спросъ мой они ввели меня во храмъ, въ коемъ нѣтъ ни народа, ни зажженныхъ, кромѣ одной, свѣчъ. Вошедъ, изумляясь оплошности екклесіарха, въ св. алтарь, я сталъ въ сторонѣ, безмолвно, одинокій. Что прикажете? спросилъ ризничій. Я и самъ не знаю, отвѣчалъ я и проснулся съ сердцемъ, крѣпко бьющим-

ся. Въ этотъ день получено было митрополитомъ самое извѣстіе о назначеніи меня въ новую епархію Кавказскую. И когда Архипастырь, позвавъ меня, чтобы сообщить мнѣ эту новость, затруднялся, я предупредилъ его, сказавъ видѣнное во снѣ. „Ну, я надѣюсь, рекъ первосвятитель благодатный, Богъ дастъ тебѣ зажечь тамъ и другую и третію свѣчу“. Въ келейныхъ запискахъ Преосвященнаго, подъ тѣмъ же числомъ написано: „нынѣ, въ 4 часа по полудни, я потребованъ къ преосвященнѣйшему митрополиту и получилъ отъ него вѣсть, что 1 сего мѣсяца состоялся Именный Высочайшій указъ объ отшествіи моемъ изъ свѣтлаго, благодатію многосіяннаго Кіева, гдѣ я имѣлъ счастіе прожить 12 лѣтъ, въ страну дальнюю, церковь не только незнаменитую, но и облежимую мракомъ языческимъ и магометанскимъ, при Черномъ морѣ и горахъ Кавказскихъ находящуюся, на архіерейскую каѳедру, вновь устрояемую, то-есть о бытіи мнѣ Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ. Въ руцѣ Твои, гдѣ бы я ни былъ, предложу духъ мой, скудный, немощный, неочищенный, неудобренный — въ руцѣ Твои, Отче, Сыне и Душе Святый, Троице-Пресвятая, животворящая! Аминь. Аминь. Мнѣ еже умрети и жити—Христосъ, упованіе мое!

Изъ памятныхъ записей Преосвященнаго Іереміи о его кіевской жизни находимъ за нужное помѣстить слѣдующее: 8 марта 1841. — Послѣ литургіи прибылъ ко мнѣ въ Братскій Кіевскій монастырь нѣкто изъ собратій съ вѣстію, что его заутра въ Архимандриты посвящаютъ. Братъ сей нерѣдко мѣшалъ дѣлу и покою моему, по недоразумѣніямъ... Но сорадуясь ему, я снялъ съ себя (лучшій изъ всѣхъ) крестъ и отдалъ ему... Оказалось, что это произошло въ тотъ самый день, а можетъ быть и часъ, какъ вмѣсто Архимандритскаго креста слово Царственное утверждало мнѣ Панагію... Что воздамъ Господеви? Что—теперь иждивъ уже дни мои въ суетѣ?...

17 марта 1841.—Получилъ извѣстіе отъ Преосвященнаго Иннокентія, бывшаго Викарія, нынѣ Вологодскаго, что и мое окаянство удостоенъ быть поставленнымъ отъ Святѣйшаго Сунода въ число кандидатовъ, на Кіевское Викаріатство. А на кого падетъ жребій, Богу извѣстно. Если на Николая, Ректора С. П. А. то онъ замѣнитъ для меня Преосвященнаго Иннокентія, такъ же изъ дѣтства бывъ моему сердцу приснымъ и любезнѣйшимъ. 19.—Вѣрное получено увѣдомленіе, что 8 марта я Высочайше утвержденъ Викаріемъ Кіевской Митрополіи. Но сподоблюсь ли многогрѣшный, не очищенный отъ многихъ нечистотъ, рукоположенія Архіерейства и Благодати! Съ вѣстію срѣтилась болѣзнь, которая доселѣ одержитъ мене и препятствуетъ мнѣ самому порадоваться и принять изліяніе радости любящихъ мое недостоинство. Здѣсь для своего окаянства побуждаюсь замѣтить нѣчто приспившееся мнѣ. Еще мнѣ не было извѣстно, что я избранъ во Епископа Святѣйшимъ Сунодомъ. А приснилось. будто пріѣхать изволилъ ко мнѣ Преосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ и благодѣтель мой и вызываетъ меня изъ келлій моихъ. Одѣвшись по надлежащему выхожу къ нему; благословивъ, говоритъ: неотрекайся, ну, бумага о тебѣ пошла; я неспрашивалъ какая. А только закрылся въ камилавку свою и горько заплакалъ, и плакалъ, и проснулся съ плачемъ и праведно плакалъ..... Праведно плакалъ и во все служеніе свое Архіерейское, доколѣ Господу угодно потерпѣть мене,—буду говорить: праведно плакалъ при вѣсти объ избраніи во Епископа. О, если бы поплакать и плакать въ явѣ плачемъ Патрона моего Пророка Іереміи! Не по мнѣ санъ сей, и почести и обязанности его не по мнѣ. Другое нѣчто потому же событію въ жизни моей: за день до извѣстія о Высочайшемъ утвержденіи меня въ Архіерея, посѣтилъ меня сонмъ женъ, я принялъ ихъ за нищихъ и многимъ изъ нихъ что то далъ, но впереди ихъ были двѣ, или три дѣвы въ бѣлой одеждѣ и прекрасныя: я не смѣлъ

ничего предложить и только въ особомъ чувствѣ почтилъ и привѣтствовалъ ихъ, а онѣ всѣ меня весело чѣмъ то привѣтствовали.

Май 1842 г. — Перваго сего мѣсяца празднуется память Священномученика Макарія нетлѣнно почивающаго въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Митрополита Кіевскаго... Нѣкогда, именно 20 декабря 1842 года подъ память Священномученика Игнатія Богоносца, напалъ на меня часъ уныніе и тоска. Не могъ я превозмочь его и съ горемъ поболѣвъ о томъ, что званіе и санъ мой, а паче окаянство и нравъ мой, лишаютъ меня возможности прибѣгнуть къ кому нибудь изъ братіи и открыть ему состояніе души своей, пошелъ ко сну, совершивъ обычную молитву хуже, чѣмъ прежде. Что же? Приснилось, будто въ день Пасхи въ прекрасное время я во храмѣ, при множествѣ народа; несутъ Святыя Мощи Священномученика Макарія въ драгоцѣнной ракѣ съ подобающею честію; и я очутился подъ ракою, ею покрываемъ и защищаемъ. Тогда сталъ я укорять себя такъ: вотъ думалъ и говорилъ я, что не кому меня утѣшить, покрыть, въ случаѣ нужды защитить. А вотъ, кто можетъ мнѣ теперь что сдѣлать подъ такимъ покровомъ! Мнѣ стало весело. — За сіе въ день Рождества Христова послѣ литургіи, принесъ я благодареніе Священномученику предъ Святыми Мощами. Чувствую, что недостоинъ я, по своимъ качествамъ и дѣламъ, покровительства Его, равно какъ и прочихъ Святыхъ.

1842 года 5 подъ 6 іюня. Это было на канунѣ родительскія субботы предъ сошествіемъ Святаго Духа, приснилось, будто получилъ я письмо отъ покойныя матери моей Маріи рабы Божіей, наполненное пламенными чувствами материя любви къ сыну. Въ письмѣ между прочимъ извѣщаетъ меня, что она молится о мнѣ (чѣму вѣрую, вѣдая ея любовь ко мнѣ) и благодаритъ меня за мои Архипастырскія молитвы (ея слово). Въ по-

даркъ прислала мнѣ четки невиданной мною доброты. Отъ радости я тотчасъ проснулся и забывъ, что это во снѣ, долго искалъ окрестъ себя подарка матерняго. Господи! Помяни ее и мене во Царствіи Твоемъ.

Въ 1842 году, въ августѣ мѣсяцѣ, я былъ одержимъ болѣзнію и душевно страдалъ по грѣхамъ моимъ. Въ одинъ изъ вторниковъ Высокопреосвященному Архипастырю угодно было пожаловать въ Обитель мою и совершить обычный акаоистъ Святѣй Великомученицѣ Варварѣ съ гостемъ Могилевскимъ Архіепископомъ Исидоромъ. Я болѣзненный стоялъ въ алтарѣ и когда приблизился къ Архипастырю, по окончаніи акаоиста, онъ съ полнотою чувства сказалъ мнѣ: смотри, будь здоровъ; вотъ мы о тебѣ молились трое. (Третій былъ Преосвященный Іосифъ бывшій Смоленскій). Я благодарилъ и въ слѣдующую ночь во снѣ представилось мнѣ сіе: будто я въ служеніи, въ домовой своей церкви, подъ паникадиломъ, на которомъ множество горящихъ свѣчей и съ котораго безпрерывно сыпались на меня искры и тревожили духъ мой. Когда я въ смущеніи недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать для защиты отъ огней, падающихъ на главу мою, нѣкто взялъ меня за руку и отвелъ меня изъ подъ огней на обычное мѣсто, посреди церкви, амвонъ.—Съ того времени духъ мой сталъ спокойнѣе и тѣло крѣпче.—Огни—это искушенія, которыя, по малодушію, я не перенесъ, какъ должно.

„Новость и неустроенность епархіи и самаго края потребовали немалыхъ трудовъ и времени для приготовленія къ путешествію на Кавказъ, не безтрудному по пространству и по времени. То былъ годъ, въ который въ генварѣ тепло восходило до 10 градусовъ и древа многія олиственились и цвѣли. Около половины сего мѣсяца случилось мнѣ быть у военнаго Кіевскаго губернатора Дмитрія Гавр. Бибикова: онъ, какъ рѣдкость невиданную показалъ мнѣ вѣтвь уже разцвѣтшую.

То былъ годъ едвали не самый трудный для путешественниковъ, по чрезвычайной грязи. Не имѣла ли на то вліянія комета, являвшаяся въ февралѣ сего года и, по мнѣнію многихъ ученыхъ, бывшая причиною наводненій въ разныхъ мѣстахъ и бурь морскихъ?

Первымъ предметомъ заботы перваго Кавказскаго Пастыря было то, дабы снабдить себя утварью церковною, книгами Богослужебными, вещами для архіерейскаго служенія, для производства ставленниковъ и святынею для храмовъ потребными. Почему и распорядился онъ къ напечатанію антиминсовъ (кои въ числѣ 100 и освящены 8-го марта, въ тотъ день, въ который за два года послѣдовалъ Высочайшій указъ о возведеніи въ санъ Епископа и бытіи ему викаріемъ Кіевскимъ), граматъ ставленническихъ, присягъ, допросовъ; къ полученію св. мура; къ устроенію ризъ, стихарей, фелоней, печатей консисторіи, попечительства, домовой, каѳедральной и проч. Но какъ въ новоустрояемой епархіи Кавказской и въ краѣ еще не довольно образованномъ трудно и едвали можно было вскорости устроить домовую архіерейскую церковь; а безъ нея быть Архіерею невмѣстимо: то, во время приготовленій своихъ, сильно скорбѣлъ онъ духомъ, какъ обойтись ему безъ церкви и Богослуженія утренняго и вечерняго—въ томъ случаѣ, если квартира его будетъ далеко отъ соборнаго храма? Думалось вести съ собою множество разныхъ иконъ, чтобъ на мѣстѣ образовать изъ нихъ нѣчто подобное иконостасу; но въ одно утро посѣтили его протоіерей Іоакимъ Игнатовичъ, протоіерей и ключарь Тимоѳей Сухобрусовъ и вложили общими разсужденіями лучшую мысль: устроить иконостасъ походный, по примѣру военныхъ. Къ чему тотчасъ и приступлено. Почти въ двѣ недѣли разумнымъ мастеромъ *Іоанномъ Боханомъ*, Кіевскимъ гражданиномъ, устроенъ и тотъ св. престолъ, и тотъ св. жертвенникъ (изъ кипариса оба), на коихъ приносится теперь при домѣ Архіерея Кав-

казскаго безкровная Жертва о благоденствіи и спасеніи Кавказа, и икопостасъ на холстѣ, (уплачено триста рублей сереб., какъ значится въ приходо-расходной книгѣ 1843 года). По имени града епаршескаго, домовая церковь сооружена и освящена во имя честнаго и животворящаго креста Господня. Церковь и прочая святыня благополучно доставлены въ Ставрополь, въ великій четвертокъ страстной седмицы, въ сопровожденіи священника Іоанна Турбина и іеродіакона, кои, по безпріютству, отпущены обратно съ признательностію и награжденіемъ отъ Преосвященнаго и гражданъ. Рабамъ и рабынямъ Божіимъ, вспомоществовавшимъ въ дѣлѣ семъ и во всѣхъ сборахъ, да воздастъ Господь Богъ богатою премірною Своею милостію! Аминь.

Всѣ сборы къ путешествію на Кавказъ кончились къ 17 марта — дню Алексія Божія человѣка; а 19-го, въ субботу *крестопоклонныя* святаго поста седмицы, Преосвященный Кавказскій отбылъ изъ святаго Кіева во градъ креста на Богоданную паству свою со многими скорбями, — съ скорбію и жалѣніемъ о св. градѣ. въ коемъ, по милости Божіей, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ сподобился провести лучшія лѣта своего житія и благополучно (аще и неплодно) пройти различныя послушанія въ тамошней академіи, семинаріи и митрополіи; съ скорбію и опасеніемъ отъ представленія пути дальняго, труднаго въ мѣсяцъ самый тяжелый для слабогрудныхъ; съ скорбію наконецъ и грустью о предстоявшемъ безпріютствѣ и о житейскихъ заботахъ и попеченіяхъ, къ коимъ всегда былъ не сроденъ и неспособенъ, въ чемъ и съ дѣтства укоряли его родители, съ родительскимъ сердоболіемъ называя расточительнымъ потому, что у него не было своего ничего, а все принадлежало имѣющимъ нужду. Благотворители его, благопріятели и друзья Кіевскіе (а паче, по благоволенію Христову меньшія его братія-нищіе) проводили его въ часъ по полудни, изъ Кіево-злато-верхо-

михаиловскія обители, съ любовію скорбною и многослезною. Далѣе всѣхъ, не смотря на разливъ Днѣпра, проводилъ г. профессоръ академіи Димитрій Ивановичъ Макаровъ — нынѣ памѣстникъ Кіево-Печерскія Лавры, архимандритъ Лаврентій. 20-го, въ воскресенье, слушалъ Божественную литургію въ Бориспольской Михайловской церкви. Здѣсь вечеромъ, услышавъ пѣсни, впалъ въ грѣхъ осужденія и сдѣлалъ замѣчаніе священнику, у котораго имѣлъ ночлегъ. 21-е провелъ въ Переяславлѣ, гдѣ въ отсутствіе Преосвященнѣйшаго Гедеона, въ Святѣйшемъ Синодѣ засѣдающаго, принятъ и добрѣ упокоенъ ректоромъ (по зданіямъ убогой) семинаріи, архимандритомъ Флавіаномъ и добродѣтельнымъ сверстникомъ своимъ по Сѣвской семинаріи, протоіереемъ Павломъ Діомидовымъ, который въ дѣтствѣ и юношествѣ моемъ блюлъ мою нравственность, какъ видимый Ангелъ хранитель и котораго боялся я, какъ совѣсти. 24-е и день Благовѣщенія находились мы, путники Кавказскіе, въ знаменитой Лубенской обители. Тутъ поклонились и помолились Святителю Аѳанасію и по смерти сѣдящему бодренно—за то, что не любилъ, во временной сей жизни, лѣностно возлегать на одрѣ, подобно нѣкоторымъ.., отъ нихъ же первый сіе пишущій; воздали подобающую честь Преосвященному Амвросію Келембету, первому Святителю Оренбургскому. Говорятъ, что, прибывъ въ свой епархескій городъ, невѣдалъ, куда приклопить голову свою. Изъ устъ Кіевскаго митрополита многочастно слышалъ я отзывъ объ особенномъ разумѣ, благочестіи и благости сего Архипастыря; почтили также прахъ здѣсь же покоющагося Архимандрита Товіи, который, до намѣстничества своего въ Невской Лаврѣ, настоятельствуя въ Черноморской пустыни, многими заботами своими (коимъ къ сожалѣнію не отдали справедливости Черноморцы: да проститъ Господь виновныхъ) соорудилъ огромный трехпрестольный храмъ, киновію и проч., а по увольненіи отъ должности намѣстника, за тяжелою болѣзнію, въ Пятигорскѣ

на минеральныхъ водахъ устроилъ наскоро, съ помощію Георгіевскаго (нынѣ каѳедральнаго) протоіерея Константина Крастилевскаго, первую церковь во имя Богоматери—радости всѣхъ скорбящихъ; побесѣдовали съ Преосвященнымъ Меѳодіемъ, бывшимъ Архіепископомъ Астраханскимъ и Кавказскимъ—мужемъ доброглаголивымъ: онъ благословилъ путника Архіерея иконою Преображенія Господня, отданною на благословеніе Кавказской гимназіи, при первомъ ея посѣщеніи. Лубенская обитель—рай земный и истинное покоище святителей и прочихъ мужей, подвизавшихся для церкви Христовой. Столь же утѣшительный и отрадный роздыхъ имѣли мы въ Харьковѣ, у Преосвященнаго тамошняго Иннокентія. Мужъ сей извѣстенъ своими назидательными и сладостными сочиненіями нетокмо всей церкви россійской, но и чрезъ переводы его седмицъ, въ чужихъ краяхъ. Съ геніальными умными силами онъ соединяетъ въ себѣ сердце великодушное и благостное. Преосвященный Кавказскій съ нѣжнаго дѣтства находится въ дружелюбномъ съ нимъ союзѣ. Въ трехъ высшихъ классахъ семинаріи они паче прочихъ товарищей своихъ удостоены были вниманія и благоволенія своихъ наставниковъ и начальниковъ — особенно ректора Архимандрита Владиміра (да помянетъ его Господь во царствіи своемъ) и Гавріила (нынѣ Архіепископъ Рязанскій). Въ богословскомъ классѣ Іоаннъ (Пр. Иннокентій) и Иродіонъ постоянно сидѣли за партою вмѣстѣ и были неразлучны. Первый, по необыкновенной жаждѣ къ познаніямъ, стремился и рѣшался въ Харьковскій университетъ; а послѣдній по чувству благочестія умолялъ его оставаться въ духовномъ званіи и поступить въ св. иночество; „а ты куда, спросилъ онъ однажды Иродіона?—во священники, если Богъ дастъ“. „Нѣтъ, отвѣтилъ Іоаннъ, если такъ, то оба да будемъ монахи“. Что и сбылось, по благодати Божіей, юже видѣстѣ—ясно и многажды видѣстѣ очи наши—го спасеніе насъ грѣшныхъ.. По окончаніи курса, предлежа-

ло имъ разлучиться: Іоаннъ отправляемъ былъ въ Кіевскую Академію, въ составъ перваго академическаго курса, а Иродіонъ, по собственной своей слезной просьбѣ и по ходатайству одного изъ благотворителей своихъ, къ Преосвященному Іонѣ близкихъ, отъ поступленія въ Академію увольнялся, по надобности въ скорой для бѣдныхъ его родителей помощи. Іоаннъ, памятуя совѣщаніе объ избраніи званія, настоятельно требовалъ, чтобы отправили и Иродіона: въ противномъ случаѣ и онъ представитъ уважительныя объ увольненіи себя причины. Однако же Іоаннъ отправленъ, а Иродіонъ остался на учительской должности въ Сѣвскѣ. Тако Богу изволившему ко благу, чрезъ пять лѣтъ, они паки соединились въ Академіи С.-Петербургской, когда тотъ уже былъ іеромонахъ и баккалавръ, а сей — послушникъ Брянскаго монастыря. Съ 1824 до 1841 года постоянно были неразлучны: первѣе, какъ ученикъ съ учителемъ (1824, 1825, 1826, 1827); онъ преподавалъ мнѣ Богословскія науки; потомъ (1828, 1829, 1830) какъ сослуживцы по Академіи Петербургской; одинъ профессоромъ, инспекторомъ, другой въ баккалаврской должности, послѣ законоучительской во 2-мъ корпусѣ кадетскомъ; наконецъ въ Кіевской Академіи: 1830—1841. —Да будемъ соединены нѣкогда во царствіи небесномъ!

Въ 1841 году Преосвященный Иннокентій съ каѳедры Михайловскія Именнымъ указомъ перемѣщенъ на каѳедру Вологодскую, имѣвъ великую радость во второй разъ (въ первый по ректорѣ Академіи) видѣть преемникомъ своимъ своего изъ дѣтства сотоварища и друга и святительски участвовать въ хиротоніи его во Епископа, 6 апрѣля, въ недѣлю св. Ѳомы.

Въ Харьковъ прибыли 27 марта, въ 5 часовъ пополудни. Преосвященный Иннокентій, пріемля въ дружескія объятія уже жданнаго гостя, говорилъ: что умед-

лилъ ты, владыко? а я, и городъ пашъ надѣялись, что во всерадостный день Благовѣщенія мы или соборнѣ, или порознь оба въ разныхъ церквахъ будемъ священнодѣйствовать. „Это и исполнилось бы, отвѣтствовалъ путешественникъ, если бы въ Полтавѣ не съѣхались съ Антіохійскимъ Митрополитомъ, котораго надлежало честно выпроводить и потомъ остановиться, дабы не произошло остановки ему на пути въ Москву". Свидясь въ санѣ архіерейскомъ, чего не перечувствовали они? О чемъ не побесѣдовали! А бесѣдуя, не разъ вознесли ко Господу и сей вздохъ сердца: *грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни Господи!* 29-го, въ среду 6-я нед. поста, гость совершилъ въ домовой друга и благодѣтеля своего церкви преждеосвященную литургію и рукоположилъ нѣкоего во діакона. Наканунѣ и на другой день, посѣтилъ семинарію, монастырь Курижскій, дивный по превосходному источнику въ св. алтарѣ, подъ престоломъ и въ самомъ храмѣ находящемуся. 3-го апрѣля, въ Лазарево воскресеніе, отбылъ изъ Харькова, напутствованный молитвою и благожеланіями друга Архипастыря, совѣтами, изъ которыхъ всегда у него былъ первымъ: *береги свое здоровье и будь спокойнье*, и честною иконою Святителя и Чудотворца Николая. Икона сія въ ризѣ дарствена Кавказск. Преосвященнымъ Кавказской своей консисторіи, въ благословеніе, при предложеніи. Разставаясь далеко внѣ города, на горѣ, Иннокентій Преосвященный обнадеживалъ новымъ свиданіемъ. Даруй Господи, по беззазорно, въ радости и любви! Аминь.

Въ недѣлю Ваій, въ г. Изюмѣ, въ утрени архіерей путешественникъ былъ въ видѣ простаго монаха, въ народѣ; а въ литургіи вѣдомо и съ чествованіемъ.

По спокойномъ ночлегѣ въ Ростовѣ у благочестнаго купца, 8 апрѣля, въ день св. Апостола Иродіона,

въ чистый четвертокъ, рано переправились чрезъ Донъ, который на тотъ разъ точно былъ *тихій*. Добрый кормчій отъ души благодарилъ Бога, (а мы много паче), что далось перевезти насъ тихо и весело, что рѣдко бываетъ въ это время. Плыли около 12 верстъ. Новочеркасскъ былъ въ виду; но какъ Преосвященный рѣшился неизмѣнно прибыть на каѳедру свою ко дню св. Пасхи: то и не могъ заѣхать къ Донскому Высокопреосвященному, о чемъ весьма тужилъ и извинялся. По сю сторону Дона встрѣтилъ его чиновникъ, откомандированный отъ начальника области генералъ лейтенанта Владиміра Осиповича *Гурко* и градскаго общества. Съ г. чиновникомъ тѣмъ предпосланъ въ Ставрополь архидіаконъ Гедеонъ съ благодарностію за усердіе. Поздно въ тотъ же день, въ день своихъ имянинъ мірскихъ, уже по окончаніи стоянія, пріѣхали въ пограничное Кавказской епархіи селеніе. Здѣсь, въ квартирѣ у священника о. Сергія, благочинный сел. Ново-Егорлыкскаго, протоіерей Трофимъ Орловъ поднесъ карту всея епархіи, которая съ любовію пастырскою была принята и хранится, какъ знаменательный даръ. Возрѣвъ на нее, Преосвященный изрекъ въ духѣ: *Призри съ небесе Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, толь часто озобаемый* и проч. Каковую первую молитву свою Кавказскую и написалъ впослѣдствіи на картѣ.

Въ селеніи томъ Средне-Егорлыкскомъ, на утріе, въ великій пятокъ, отпѣли благодарственное Христу Богу молебствіе о благополучномъ прибытіи на паству. Архіерей молился въ алтарѣ, и радуясь, и ужасаясь. Вечерню слушали въ Медвѣжьемъ и участвовали въ выносѣ Плащаницы. Ночлегъ у достойнаго священника тамошняго, *Григорія Вердеревскаго*. Господу Богу споспѣшествующу, укрѣпляющу и сохраняющу, въ великую субботу, 10 апрѣля, въ день новаго своего лѣта, благополучно прибылъ онъ на новое Богоданное себѣ мѣсто, въ Богоспасаемый Ставрополь, въ сумракъ, въ 9 ча-

совъ вечера. У заставы града встрѣтили съ хлѣбомъ-солью (какъ во всякомъ селеніи встрѣчали) почетные граждане, именно: градскій голова Никита Мих. Плотниковъ, Игнатій Юд. Волобуевъ, Корнѣй Павл. Черновъ, Егоръ Ѳеод. Стасенковъ и полиціймейстеръ съ протопопомъ. Благословивъ ихъ и съ высокой горы весь градъ, Архіерей повезенъ къ собору при колокольномъ звонѣ, хотя онъ желалъ и просилъ, дабы не нарушали звономъ безмолвія и покоя великія субботы. На прагѣ собора, протопопъ, привѣтствуя рѣчью, прилично предрекъ: „Се вступаешь ты для служенія церкви Христовой въ новый для тебя градъ — *градъ Креста. Вѣдай же, что служеніе твое будетъ не безъ крестовъ и скорбей и проч. Но Господь* — Самъ Господь, помогай тебѣ и укрѣпляй тя!

Безмолвно приложась къ плащаницѣ, посредѣ храма, и на колѣнѣхъ испросивъ благословенія у распятаго за овцы Своя Пастыреначальника Господа Іисуса Христа,— благословенія себѣ и юной младенчествующей паствѣ своей, Преосвященный, въ сопровожденіи гражданскаго губернатора, генералъ-маіора Василія Семеновича Сотникова и едва не всего града, отъѣхалъ освѣщеннымъ путемъ въ домъ купца Игнатія Волобуева, у коего по указу Синода назначено ему на первый разъ помѣститься временно. Сюда тотчасъ пожаловали начальникъ области генералъ-лейтенантъ В. О. Гурко, наказный атаманъ С. С. Николаевъ и другіе чины. Вскорѣ послѣдовалъ пушечный полночный сигналъ и благовѣстъ къ Пасхальной утрени. По Божественной литургіи, Преосвященный, несмотря на усталость, сдѣлалъ честь начальнику области В. О. Гурко, бывъ въ домѣ его и благословивъ Пасху: *воздадите всѣмъ должния: ему же честь, честь,* по слову Апостола“. (Изъ автобіографіи Преосвященнаго Іереміи).

Знакомясь понемногу съ ставропольскимъ обще-

ствомъ и старался понять его съ той точки зрѣнія, которая непосредственно относилась къ обязанностямъ Архипастыря, Преосвященный увидѣлъ, что общество расположено къ благимъ предпріятіямъ и что, съ помощію Божіею, много можно сдѣлать полезнаго для церкви православной и около Чернаго моря, среди людей, чуждыхъ вѣрѣ Христовой. И Господь помогъ ему, къ его великому утѣшенію, создать всѣ учрежденія по разнымъ частямъ епархіальнаго управленія, учредить и открыть духовную семинарію, соорудить и освятить новый каѳедральный Казанскій соборъ, благоукрасить старый Троицкій соборъ, до пріѣзда Преосвященнаго въ Ставрополь единственный въ городѣ храмъ, а всего, за свое Архипастырство въ Ставрополѣ, соорудить, благоустроить и освятить до 12 церквей, включая сюда и домовыя церкви—при Архіерейскомъ домѣ, при военномъ госпиталѣ, при тюремномъ замкѣ и при губернской гимназіи. Въ память своихъ родителей Іоанна и Маріи, Преосвященный Іеремія въ 3 верстахъ отъ города устроилъ Іоанно-Маріинскую женскую обитель (нынѣ второклассный монастырь). Поводомъ къ осуществленію на дѣлѣ давняго желанія—Преосвященнаго Іереміи соорудить, въ память своихъ родителей монастырь, было слѣдующее обстоятельство: Въ одномъ почтенномъ домѣ гор. Ставрополя, гдѣ недавно былъ оплаканъ покойникъ, лично извѣстный Архипастырю и горячо любимый имъ, является сей послѣдній для выраженія своего соболѣзнованія и духовнаго утѣшенія. Войдя въ домъ и, противъ всякаго чаянія, не заставъ въ немъ никого изъ членовъ его, святитель поневолѣ остановилъ тогда взоръ свой на одной пожилой дѣвицѣ, которая въ данный моментъ въ цѣломъ домѣ была одна и предъ св. иконами читала заупокойный псалтирь по умершемъ. Изъ любопытства, спросивъ ее, кто она и давно ли занимается этимъ дѣломъ, святитель собирался уже выйдти изъ дома. Но тутъ случилось нѣчто особенное. Ободренная привѣтливостію рѣчи Архипастыря,

чтица собралась съ духомъ и, повергшись къ стопамъ его, стала прямо просить его объ учрежденіи въ гор. Ставрополѣ иноческой женской обители. Озадаченный такою важною просьбою, святитель остановился и, послѣ минутнаго раздумья, спросилъ; „а гдѣ средства?,— Богъ поможетъ Вамъ! смиренно отвѣтила она. — Богъ поможетъ!“ Поможетъ, это такъ: но нужны же напередъ какія нибудь жертвы и съ нашей стороны? Вотъ, на примѣръ, ты принесешь-ли что нибудь на первоначальный камень для обители? Принесу, — все, все принесу, что имѣю. — Принеси же завтра; буду ждать. И вотъ, когда на другой день принесла она полтораста руб. ассигнаціями, святитель спросилъ: все ли тутъ? Все до единой копѣйки. Святитель задумался, она же напротивъ была въ восторгѣ. Ея простотѣ деньги эти казались великимъ богатствомъ, а на самомъ дѣлѣ что можно было сдѣлать съ такимъ ничтожествомъ для такого великаго дѣла, какъ обитель? Смотря на деньги, святитель, однако, нискоблясь нисколько, сказалъ: Богъ поможетъ!...

Когда святитель, окончательно рѣшившись создать женскую обитель, сталъ часто обозрѣвать окрестности города съ цѣлію избрать болѣе удобное мѣсто для нея, когда разъ возвратился съ одной изъ такихъ поѣздокъ и, вошедши въ домъ, позвалъ къ себѣ архидіакона, чтобы спросить его, не знаетъ ли онъ такого-то домохозяина и какъ бы вызвать его къ нему и, наконецъ, когда при этомъ, противъ всякаго чаянія, услышалъ отъ архидіакона: Владыко, онъ и теперь здѣсь, на нашемъ дворѣ: о, во истину тогда возрадовался онъ, уразумѣвая духомъ, что Господь споспѣшествуетъ его начинанію. Это, вѣдь, былъ тотъ самый домохозяинъ, усадьба котораго въ тотъ день была осмотрѣна святителемъ, показалась ему болѣе другихъ пригодною для обители и которую, во что-бы то нистало, положилъ онъ пріобрѣсть для обители. И, чудное дѣло, присно

поминаемый въ обители сей рабъ Божій Іаковъ не только охотно согласился уступить усадьбу свою подъ обитель, но и пожертвовалъ ее безвозмездно въ вѣчное владѣніе ея, на что въ тотъ же день далъ и дарственную. На сей землѣ вскорѣ и была основана женская обитель Іоанно-Маріинская, со всѣми хозяйственными службами, при двухъ каменныхъ церквахъ. (Кавказскія Епарх. Вѣдомости 1884 г.).

Заботливостью Преосвященнаго Іереміи, на средства купца Гониловскаго, состроенъ большой двухъ-этажный каменный домъ для общежитія бѣдныхъ дѣтей кавказскаго духовенства. При открытіи кавказской семинаріи на проценты съ пожертвованнаго неизвѣстнымъ благотворителемъ (Преосвященный большею частію отсылалъ свои жертвы подъ именемъ неизвѣстнаго) капитала въ 8500 руб. сер., его волею опредѣлено было содержать въ семинаріи и училищѣ 7 бѣдныхъ учениковъ, подъ именемъ: 2 Антоніевыхъ, 2 Ѳедосіевыхъ, 2 Дмитріевыхъ и 1 Смарагдова. И радостію святою радовался первоначальникъ и устроитель епархіальныхъ и церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ—1-й епископъ кавказской епархіи, Преосвященный Іеремія, видя явное благословеніе Божіе на всѣхъ дѣлахъ его. „Послѣ великихъ и многихъ затрудненій, пишетъ онъ въ своихъ келейныхъ воспоминаніяхъ, неизбѣжныхъ на новой пастве всякой, тѣмъ паче Кавказской, Господь, по милости Своей и по молитвамъ молившихся о мнѣ и о дѣлѣ моемъ, возвеселилъ въ Богоспасаемомъ градѣ креста (Ставрополѣ) духъ мой многимъ и многимъ, а наиболѣе такимъ благорасположеніемъ и довѣріемъ раскольниковъ и магометанъ, что съ основательною и твердою надеждою ожидалъ я успѣха въ обращеніи тѣхъ и другихъ. Но исконный врагъ къ раззорѣнію святаго дѣла внезапно и коварно употребилъ нѣкіихъ. . Царство небесное графу Николаю Александровичу Протасову, который былъ сильнымъ заступникомъ за меня и за мое

дѣло предъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Если бы не онъ, все бы раззорено было, что началъ созидать на новоселье Епископскомъ. Этого домогались раскольники Гребенскаго, Волжскаго и Моздокскаго полковъ съ ихъ командирами... Молитва все сохраняетъ и спасаетъ.

„*Печаль*, которая снѣдала сердце Преосвященнаго Іереміи почти во все время его управленія Кавказскою паствою и не оставляла его и послѣ перемѣщенія съ Кавказской каѳедры, была причинена ему отдѣленіемъ отъ Кавказской епархіи, въ 1845 году, станичныхъ церквей Терскаго и Кубанскаго войскъ въ вѣдѣніе Оберъ-Священника Кавказской арміи. Это событіе произвело на впечатлительную натуру ревностнаго къ св. вѣрѣ и церкви Архипастыря такое сильное вліяніе, что скорбь о немъ не оставляла его даже при радостныхъ событіяхъ его личной жизни и жизни его паствы, и объ этой скорби онъ высказывался и въ перепискѣ своей, оффиціальной и частной, съ разными духовными и свѣтскими лицами, и въ многочисленныхъ замѣткахъ, писанныхъ имъ по разнымъ случаямъ и оставленныхъ на память въ библіотекѣ Ставропольскаго каѳедральнаго собора. Въ 1848 году, уже по прошествіи трехъ лѣтъ со времени упомянутаго отдѣленія казачьихъ церквей отъ Кавказской епархіи, въ отвѣтномъ письмѣ Кавказскому намѣстнику, Князю Михаилу Семеновичу Воронцову, поздравившему Преосвященнаго Іеремію съ полученіемъ звѣзды Св. Владиміра, онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Не могу скрыть отъ себя и отъ Вашей Сіятельнѣйшей особы, что если я сколько нибудь заслужилъ сіе, то развѣ моею печалію о непорядочномъ, неблагопріятномъ для православной нашей церкви, положеніи церковныхъ дѣлъ въ паствѣ Кавказской. *Эту печаль мою священнослужительскую никакое чествованіе не возметъ отъ моего сердца: ее понесу я и во гробъ предъ судилище Христово*“. Чтобы по-

нятно было, почему отдѣленіе казачьихъ церквей отъ Кавказской епархіи произвело такую глубокую скорбь въ сердцѣ Преосвященнаго Іереміи, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ поводѣ, который послужилъ къ распоряженію объ этомъ отдѣленіи и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли отъ сего. Въ маѣ мѣсяцѣ 1845 года, главнокомандовавшій Кавказскимъ корпусомъ графъ (въ послѣдствіи князь) М. С. Воронцовъ принялъ на себя лично и непосредственно командованіе наступательною экспедиціею противъ Шамиля, для чего ему нужно было переправиться на сѣверную сторону Кавказа, въ предѣлы Кавказской епархіи. Когда онъ прибылъ въ станицу Червленную, то здѣсь раскольники подали ему жалобу на стѣсненія, будто чинимыя имъ со стороны Преосвященнаго Іереміи, именно, будто онъ запрещаетъ имъ совершать Богослуженіе по ихъ обряду, не позволяетъ чинить ихъ молитвенныхъ домовъ и вынудилъ полицейское начальство взять у нихъ силою служившаго у нихъ (бѣглаго) священника. Жалоба эта была подкрѣплена наказнымъ атаманомъ Николаевымъ, который имѣлъ среди раскольниковъ многихъ родственниковъ и потому покровительствовалъ расколу. Вслѣдствіе этой жалобы, главнокомандовавшій, не спрося никакихъ объясненій отъ Преосвященнаго Іереміи и опасаясь, чтобы участвующіе въ предстоявшемъ походѣ противъ горцевъ казаки изъ раскольниковъ не повредили дѣлу по своему недовольству на чинимыя имъ стѣсненія въ религіозныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправить рапортъ къ Государю Императору и отношеніе къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, съ прописаніемъ о сказанныхъ притѣсненіяхъ раскольникамъ—казакамъ и съ просьбою о выдѣленіи всѣхъ казачьихъ церквей и духовенства сѣвернаго Кавказа изъ Кавказской епархіи въ вѣдомство Оберъ-Священника Кавказской арміи. Представленіе Намѣстника было уважено и въ іюлѣ того же года состоялось Высочайшее распоряженіе о подчиненіи церквей и духовенства Тер-

скихъ и Кубанскихъ станицъ Оберъ-Священнику Кавказскаго корпуса. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ стѣсненія Терскимъ раскольникамъ дѣлались не по распоряженіямъ Преосвященнаго Іереміи, а самими полицейскими властями, въ силу дѣйствовавшихъ узаконеній; отдѣленіе же всѣхъ казачьихъ церквей изъ подъ власти Кавказскаго епархіальнаго архіерея повело къ усиленію раскола и къ разнымъ неустройствамъ и прискорбнымъ явленіямъ въ жизни казачьяго духовенства и православныхъ казаковъ. Все это и послужило причиною глубокой печали Преосвященнаго Іереміи. Его благочестивая и въ высшей степени правдивая душа возмущена была клеветою, взведенною на него раскольниками и нисколько не провѣренною начальствомъ. Вотъ что написалъ по этому поводу покойный печальникъ Кавказской паствы въ своихъ замѣткахъ о событіяхъ 1845 года: „Его Сіятельству (Графу Воронцову) въ области многія сотни прошеній были поданы по разнымъ дѣламъ и по каждому изъ нихъ требовалъ Его Сіятельство свѣдѣній и справокъ, необходимыхъ для справедливаго рѣшенія дѣла. Но въ дѣлѣ, касавшемся Архіерея, всего епархіальнаго начальства, весьма многихъ священно и церковно-служителей и ста храмовъ, въ столь важномъ церковно-государственномъ дѣлѣ, не разсуждено было потребовать отъ меня какого нибудь свѣдѣнія. Въ древности укоряли одного святаго старца разными именами. Ты, говорили, сварливъ.—„Грѣшенъ“, отвѣтствовалъ человѣкъ Божій, „простите“.—Ты пьяница.—„Простите“. Ты нечисто живешь.—„Простите“.—Ты еретикъ. „Нѣтъ, мгновенно возразилъ старецъ, нѣтъ, я не еретикъ“.—Если бы и меня грѣшнаго обвинили въ томъ или другомъ порокѣ, я смолчалъ бы. А по дѣлу, въ коемъ обвинили не меня токмо, но все епархіальное начальство, состоящее изъ членовъ консисторіи и благочинныхъ моихъ, я обращаюсь и къ канцеляріямъ, и къ архивамъ, и къ совѣстямъ во первыхъ вождя казачьяго Степана Степановича, потомъ сотрудниковъ его

и тѣхъ самыхъ, кои составляли обвинительную бумагу, и всѣми ими свидѣтельствуюсь, какъ далеко обвиненіе то отъ истины! Но ложь и неправда не въ первый разъ торжествуютъ въ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ, по Апостолу. Въ минувшемъ августѣ пастырское вліяніе на сто церквей кончилось: онѣ поручены управленію Оберъ-Священника и составили особую нѣкую, еще небывалую церковь *пресвитеріанскую*. Что послѣдовало изъ сего? 1) Старообрядцы единовѣрческіе (въ станицѣ Ессентукской) соблазнились и прямо назвали зависимость отъ священника противною соборамъ и такою новостію, по которой не могутъ ходить въ церковь! 2) Вотъ нѣсколько мѣсяцевъ, священноцерковнослужители и храмы остаются безъ надзора, безъ совѣта, безъ распоряженій. Богъ вѣсть, что тамъ дѣется. И какъ имѣющіе нужду церковники достигнутъ до начальника своего за Кавказъ? 3) Вдовы, сироты, безмѣстные и непосвященные молодые люди не вѣдаютъ, куда и какъ обратиться—первыя за пособіемъ, вторые съ прошеніями о посвященіи или о мѣстѣ. 4) Учительство и наставленіе народа Божія, состоящія обыкновенно подъ назначеніемъ и распоряженіемъ начальства, пріостановились. Прекратилось священнѣйшее рукоположеніе. 5) Нѣтъ суда и расправы. Въ прошедшіе мѣсяцы безначалія церковнаго одному священнику на Кубани остригли казаки голову и бороду; другаго въ 20 верстахъ отъ Ставрополя связали въ оградѣ церкви; діакона въ Успенской станицѣ высѣкли. 6) Открытъ церковный портофранко, т. е. свободные и широкіе отверзлись врата размноженію раскола и отступствъ. Боюсь, чтобы тоже не произошло теперь и въ другихъ мѣстахъ, что видимъ въ Червленой, Щедринской, Старогладковской, Новогладковской, Курдюковской, т. е. разрушеніе храмовъ, упраздненіе причтовъ и вообще совращеніе въ расколъ, аще не Господь Милосердный сохранитъ и помилуетъ". Такія прискорбныя послѣдствія наскоро состоявшагося распоряженія такъ разстроили спо-

койствіе духа Преосвященнаго Іереміи, причинили ему такую глубокую печаль, что съ той поры онъ, въ теченіе всего послѣдующаго, почти пятилѣтняго, управленія Кавказскою епархіею, выражалъ свою печаль и въ письмахъ своихъ къ разнымъ іерархамъ русской церкви, въ особенности къ Кіевскому митрополиту Филарету, и въ бесѣдахъ съ разными лицами, и въ замѣткахъ, писанныхъ имъ по различнымъ случаямъ. Въ одной изъ таковыхъ замѣтокъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изливаетъ свою скорбь: „Достойно и праведно моему окаянству скорбѣть, и плачемъ пророка Іереміи, патрона моего, плакать о церкви Кавказской, которая и прежде отъ всѣхъ частныхъ церквей въ Россіи отличалась сколько опасностями и бѣдствіями внѣшними отъ сосѣднихъ мусульманскихъ народовъ, столько же и болѣе внутренними утѣсненіями и липеніями отъ раскола и благопріятства ему, къ прискорбію, нѣкоторыхъ чадъ церкви, а теперь, по видимому, предана въ жертву своеволію и расколу торжествующему и большему подверглась страданію. Праведно плакать о ней плачемъ Іереміи; и я стеню и плачу, плачу и скорблю; но купно взываю къ Твоей, о Господи Іисусе Христе, Боже мой, Пастырю всѣхъ пастырей, безпредѣльной милости и премудрости, да не посрамишь моленій моихъ, кои возносилъ я къ Тебѣ въ храмахъ Твоихъ, близкихъ и отдаленныхъ, при посѣщеніи ихъ: спаси и помилуй Святѣйшій Правительствующій Сунодъ со всѣми благочестивыми архіереи и весь освященный чинъ и причтъ церковный, и даруй имъ цѣло, безмятежно, благовѣрно и право, по преданію Св. Апостолъ и Св. Отецъ, на вселенскихъ соборахъ Духомъ Святымъ узаконенному, исправляти слово Твоея истины; заблудшія же отъ православныя вѣры еретики и отступники къ познанію истины призови; невѣрныя просвѣти, да Тя увѣдятъ,— вѣры православныя возвращеніе даруй и соединеніе Св. Твоихъ (а Кавказская Твоя церковь нынѣ разъединилась не на пользу, мню, истинѣ); совѣтовъ нече-

стивыхъ разореніе. Моленіе мое я подкрѣплялъ предстательствомъ Вашимъ, о Пресвятая Богородице, Ангели Божіи, приставленные для блюденія церквей; Св. Предтече Христовъ, Святіи Апостоли, мученицы, Святители; преподобные и вси святіи. Помяните же сіе моленіе во царствіи Вашемъ со Христомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ. Аминь. Аминь". Подъ вліяніемъ такихъ скорбныхъ мыслей и чувствъ, Преосвященный Іеремія дѣлалъ попытки къ тому, чтобы какъ нибудь поправить зло, причиненное отдѣленіемъ станичныхъ церквей отъ епархіи: писалъ скорбныя письма и къ Оберъ Прокурору Святѣйшаго Сунода, и къ имѣвшимъ тогда вліяніе на церковныя дѣла іерархамъ, высказывая при этомъ желаніе удалиться на покой, если неизмѣнится положеніе дѣлъ, происшедшее отъ сказанной перемѣны. Всѣ іерархи, съ которыми онъ велъ переску, совѣтовали ему продолжать служеніе въ Кавказской епархіи и ободряли его надеждами на лучшее будущее. Но ревностный Архипастырь не успокоивался, и въ началѣ 1848 годъ подалъ прошеніе въ Святѣйшій Сунодъ объ увольненіи его отъ управленія Кавказскою епархіею, съ дозволеніемъ проживать на покоѣ въ Кіевопечерской Лаврѣ. Вслѣдствіе этого прошенія, бывшій тогда Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода графъ Протасовъ просилъ Преосвященнаго Іеремію о сообщеніи, „какія особенныя причины могутъ побуждать его къ сему желанію и при томъ тогда, какъ вновь устроенная трудами и заботами его епархія, при окружающемъ ее иновѣрномъ населеніи, много еще нуждается въ надзорѣ пастыря, столь ревностнаго о пользахъ ея и столь коротко знакомаго съ мѣстными ея потребностями". При этомъ графъ присовокупилъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что „пламенное усердіе Преосвященнаго Іереміи къ церкви придастъ ему силы къ новымъ подвигамъ на поприщѣ, на которомъ Святѣйшій Сунодъ признаетъ служеніе его истинно полезнымъ". Въ отвѣтъ на это отношеніе Преосвященный,

6-го апрѣля того же года, писалъ Синодальному Оберъ-Прокурору, что причиною, по которой онъ и теперь и на прежнихъ мѣстахъ служенія своего неоднократно просилъ объ увольненіи его на безмолвіе, служитъ „постоянное, всегда и всюду ему присущее желаніе—окончить дни свои въ уединенномъ житіи и сойти въ оное сколь можно благовременнѣе и для души своей и для порученнаго ему дѣла Господня, дабы, въ случаѣ изнеможенія его, оно не пострадало". Кромѣ этой причины, кромѣ также вышеизложенной скорби о положеніи дѣлъ въ Кавказской епархіи, происшедшемъ отъ выдѣленія казачьихъ церквей, побужденіемъ къ просьбѣ, поданной Преосвященнымъ Іереміею въ 1848 г. объ увольненіи на покой, послужило еще слѣдующее обстоятельство, прописанное въ одной изъ его замѣтокъ, о которомъ разскажемъ собственными словами покойнаго святителя: „некрещенный татаринъ, полковникъ Казы-Гирей, потомокъ Крымскаго разорителя нашего, командовалъ полкомъ и, подъ видомъ желанія быть христіаниномъ, бросивъ своихъ женъ, замѣнилъ ихъ христіанками православной станицы Баталпашинской, гдѣ онъ имѣлъ квартиру. Какъ литераторъ, Казы-Гирей былъ въ пріятельской перепискѣ съ извѣстнымъ писателемъ нашимъ Муравьевымъ. Священникъ сказанной станицы Виноградовъ, не видя успѣха въ мѣрахъ своихъ къ спасенію женъ и дѣвъ отъ упоманутаго татарина, рѣшился отказать татарину въ освященіи пасхи въ его квартирѣ и не пошелъ изъ церкви. У татарина возгорѣлась на священника месть, и онъ пустилъ огненную на него жалобу въ Тифлись къ князю Воронцову, къ своему атаману Николаеву, неблагопріятно смотрѣвшему на открытіе епархіи, въ С.-Петербургъ и ко мнѣ на встрѣчу, когда я объѣзжалъ прикубанскую часть моей епархіи. Прежде нежели доложенъ мой о семъ происшествіи отвѣтъ Государю, послѣдовалъ извѣстный декретъ, отчисливпій казачьи станицы отъ епархіальнаго завѣдыванія. Сердцу моему тѣмъ это больнѣе, что связь и

пріязнь автора татарина съ нашимъ писателемъ М—вымъ наибольшую придала силу жалобѣ Казы-Гирея мусульманина, а мою защиту священника уставомъ церкви ослабила. Съ сего времени мое общеніе съ г. М—вымъ прервано, и онъ, равно какъ Казы-Гирей, стали въ столь враждебное отношеніе ко мнѣ, что, вѣдая вѣсь и языкъ ихъ, особенно перваго, я почелъ за лучше удалиться, чтобы Епархія, мною паче всего на землѣ любимая, не страдала за меня". Не смотря однако на все это, въ заключеніе отвѣта Оберъ-Прокурору, Преосвященный Іеремія прописалъ, что „если исполненіе его желанія (объ удаленіи на покой) по обстоятельствамъ епархіи и по столь смутному для Божіей церкви времени признается несвоевременнымъ и если онъ, при затруднительнѣйшихъ въ краѣ отдаленномъ, бранномъ и неустроенномъ отношеніяхъ, еще почитается не безполезнымъ, то онъ готовъ остаться на настоящемъ поприщѣ, сколько то будетъ возможно". Но, рѣшившись остаться правителемъ Кавказской епархіи, Преосвященный не оставилъ своей печали о неустройствахъ, вызванныхъ отдѣленіемъ казачьихъ церквей отъ епархіи, и въ началѣ слѣдующаго 1849 года послалъ докладную записку намѣстнику Кавказа Князю Воронцову, прося его ходатайства о возвращеніи православныхъ станичныхъ Терскихъ и Кубанскихъ церквей въ вѣдомство Кавказской епархіи; а копію съ этой записки послалъ къ Оберъ-Прорурору Святѣйшаго Сунода, прося его ходатайства о томъ же. Въ запискѣ этой прописано было, между прочимъ, слѣдующее: „Достойные священнослужители, живя близъ Ставрополя, епаршескаго города, и имѣя начальника за Кавказомъ, въ виду моемъ явно измѣнились въ неблаговидную и соблазнительную сторону. Самые беззаконные браки безстрашно совершаются въ станичныхъ храмахъ, вблизи отъ меня, къ соблазну христіанъ и къ моему устыженію. Чтожъ происходитъ въ удаленныхъ приходахъ?... Настоящее церковное своеволіе придало и придаетъ расколу великую силу и тор-

жество. Дѣвицы и дѣти наши (особенно сироты) берутся въ замужество или на воспитаніе раскольниками и бракосочетаваются или усыновляются въ часовняхъ беззаконными попами ихъ. Множатся и ходятъ рукописныя книги, исполненныя ужасной хулы на крестъ, на церковь, на власти. Приходскіе священники, видя это, сѣтуютъ; но одни безмолвствуютъ по безпомощности своей; иные, вѣрные своему долгу, доносятъ въ Тифлисъ, но безотвѣтными остаются." Но эти общія указанія не дѣйствовали на Воронцова, и онъ потребовалъ представленія частныхъ фактовъ того или другаго рода неустройствъ. Видя безполезность своихъ ходатайствъ, Преосвященный Іеремія, въ октябрѣ того же 1849 года, послалъ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода просьбу, въ которой высказалъ рѣшительное намѣреніе удалиться на покой и просилъ ходатайства объ этомъ. Вслѣдствіе этой просьбы Преосвященный въ концѣ того же 1849 года былъ перемѣщенъ на епископскую каѳедру въ Полтаву. Уже спустя много лѣтъ исполнилось его завѣтное желаніе о возсоединеніи казачьихъ церквей и духовенства съ Кавказскою епархіею. Это событіе совершилось въ 1867 году, при покойномъ Преосвященномъ Кавказскомъ Ѳеофилактѣ". (Кавказскія Епарх. Вѣдомости № 24, 1884 года.

Преосвященный Іеремія, не смотря на скорби Кавказскія, навсегда сохранилъ добрую память не только о Кавказѣ, но и о всѣхъ того времени представителяхъ Кавказа, въ разныхъ высокихъ званіяхъ и положеніяхъ. Кавказская епархія обязана своимъ открытіемъ бывшему начальнику Кавказской области генералу Павлу Христофоровичу Граббе, принявшему на себя ходатайство предъ Государемъ Императоромъ объ открытіи отдѣльной, самостоятельной Кавказской епархіи. До того времени, въ Ставрополѣ былъ одинъ только храмъ. Проживающій тамъ народъ православный очень часто иронически выражался объ этомъ безхраміи губернскаго

города словами: „Ужъ и видно, что Кавказъ“. Ходатайство генерала Граббе 4 апрѣля 1842 г. было осчастливлено Высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи Кавказской и Черноморской епархіи. Но Павелъ Христофоровичъ Граббе не дождался прибытія на Кавказъ—кавказскаго первоначальника — Архипастыря и, въ концѣ этого года, выбылъ изъ Ставрополя. Въ 1843 году въ январѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Ставрополь новый начальникъ Кавказской области, генералъ-лейтенантъ Владиміръ Осиповичъ Гурко. Генералъ Гурко всегда и охотно содѣйствовалъ благимъ начинаніямъ Архипастыря къ благоустроенію его новой паствы. Вторую половину 1843 года генералъ Гурко провелъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, слѣдя за волненіемъ горцевъ. Уѣзжая на брань, просилъ благословенія и молитвъ Преосвященнаго Іереміи. Волненіе горцевъ было прекращено пораженіемъ скопищъ Шамиля при селеніи Большія Казанищи. 1844 года, декабря 27 дня назначенъ намѣстникомъ на Кавказѣ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Подъ 27 числомъ апрѣля 1846 г. находится слѣдующая замѣтка Преосвященнаго: „Шамиль, съ многочисленнымъ полчищемъ занялъ и преградилъ военно-грузинскую дорогу, укрѣпясь въ ущеліи Чаркеи. Наши войска, изъ коихъ часть возвращена съ пути въ Россію, на перекладныхъ, спѣшили для отраженія непріятеля, еще въ первый разъ выступившаго на равнину, регулярно, съ артиллеріею и обозами, и для защиты станицъ и городовъ Пятигорска и Георгіевска. Господь силъ да споборствуетъ нашему Христолюбивому воинству, дабы въ случаѣ (Боже, сохрани!) чрезъ торжество мусульманъ не опустошены были храмы Божіи, не разграблена и не осквернена была святыня, и, страшно помыслить, чтобы индѣ — вмѣсто храмовъ Божіихъ и богоугодныхъ заведеній, не стали мечети и серали. О семъ была и есть моя недостойная къ Господу Богу — Іисусу Христу молитва. И вотъ, въ прошлую ночь приснилось, — что вижусь съ главно-

командующимъ Воронцовымъ, который послѣ нѣкоторой скорби, мнѣ выраженной, вдругъ повеселѣлъ и среди множества гостей обоего пола на пиру (не кровавомъ ли?) громко предначалъ пѣть: „Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ“. Пѣлъ съ нимъ я и всѣ. — Что это? Кресте Христовъ! Буди намъ щитъ и покровъ“. Въ 1845 году, 21 февраля, на мѣсто Гурко поступилъ генералъ-лейтенантъ Николай Степановичъ Заводовскій. Въ его правленіе и при содѣйствіи его и гражданскаго губернатора Ольшевскаго и другихъ — Господь помогъ Преосвященному Іереміи соорудить Казанскій каѳедральный соборъ въ Ставрополѣ. Выше мы упоминали, что у Преосвященнаго Іереміи были скорби кавказскія. Одною изъ этихъ скорбей и самою чувствительною для него было въ 1845 году отчисленіе отъ Кавказской епархіи значительной части ея, зараженной расколомъ. По поводу этого событія, ревнующій о славѣ церкви православной и о спасеніи чадъ ея, особено заблудшихъ, чадолюбивый Архипастырь начерталъ въ томъ же году слѣдующую келейную замѣтку: „Внезапно пораженъ вѣстію о новомъ переворотѣ въ паствѣ моей и новомъ ея раздробленіи. Господи помилуй! Что-жъ будетъ съ тѣми начинаніями, кои, при помощи Твоей, совершены для епархіи? Устрой о нихъ вещь благу и не даждь раззоритися. Аминь“. Въ 1849 году умираетъ главный двигатель этого, скорбнаго для сердца Архипастыря дѣла, генералъ и атаманъ линейнаго войска Степанъ Степановичъ Николаевъ. Эта смерть со стороны Преосвященнаго въ то же время вызвала въ его дневникѣ слѣдующую замѣтку: 1849 г. 16. По утру извѣстили, что генералъ Степ. Степ. Николаевъ скончался. Господи, прости насъ! По недоразумѣнію ли съ его стороны, — за ошибки ли мои въ управленіи паствою новою,—или по духу, принятому имъ отъ родителей—раскольниковъ на Дону, — или по многимъ моимъ грѣхамъ, — или же по устроенію Божію, на время попустившему съ цѣлію,

при покойномъ и отъ покойнаго отторгнуть у меня часть епархіи, и доселѣ въ нѣкоей анархіи. Господи, прости насъ и для успокоенія возврати паствѣ пастыря. 18. За утро его погребеніе. Нынѣ, при совершеніи божественной литургіи, вину дѣла этого я принялъ предъ Богомъ на мою неопытность и неразуміе. Прости, Господи, и это дѣло, да незапнетъ душу покойнаго, оправдывавшуюся службою". О Кавказской епархіи, какъ о первенцѣ, какъ о любимомъ дѣтищѣ своемъ, Преосвященный Іеремія всегда помнилъ, до конца жизни поддерживая духовную связь съ нею чрезъ свои письменныя сношенія съ разными лицами и чрезъ посылку посильной денежной помощи — туда, гдѣ требовалась эта помощь, по его соображеніямъ. Чрезъ семь лѣтъ управленія Кавказскою епархіею, или, какъ выражается самъ Преосвященный, чрезъ семь Пасхъ, Промыслу Божію угодно было отозвать его на другое мѣсто служенія. Около 20 ноября 1849 года, пишетъ Преосвященный, предъ служеніемъ мнѣ данъ новый жезлъ, который былъ черный и не нравился мнѣ. 2 декабря получилъ я увѣдомленіе, что въ то время производилось дѣло о перемѣщеніи меня въ Полтаву, которая мнѣ, по огромности неокопченнаго дома и другимъ обстоятельствамъ, была не по духу, какъ предзнаменовалось это печальнымъ онымъ жезломъ. 21 декабря приходили ко мнѣ въ Ставрополѣ старцы, мужи, юноши и матери съ дѣтьми—проститься со мною, при отправленіи моемъ на паству Полтавскую. Умилительное было зрѣлище! Господи, помяни ихъ во царствіи Твоемъ.

Послѣ совершенія въ Ставрополѣ послѣдней Божественной литургіи, Преосвященный Іеремія отбылъ къ новой Полтавской паствѣ своей. Въ путевомъ его дневникѣ о пути въ Полтаву отмѣчено слѣдующее: 1850 г. мѣсяцъ генварь. 1. Станція Есауловская. Ночлегъ. Боже, благослови, и спаси, и помилуй! 6. День Богоявленія, а я грѣшный въ дорогѣ, безъ церкви. Боже,

помилуй! 11. Съ Божіею помощію прибылъ въ новую паству свою Полтавскую и витаю въ крестьянской хатѣ нѣкоего Николая. Самое лучшее, Богоданное мѣсто для введенія меня въ мои обязанности и права въ паствѣ сей, юже благослови, Боже, вкупѣ съ немощнымъ ея Пастыремъ и соедини любовію взаимно. Аминь. 12. Прибылъ въ Полтаву и поселился въ холодномъ великомъ домѣ. Но любы Божія вся согрѣваетъ и устрояетъ. Боже, благослови! Въ Полтавѣ Преосвященный не обрѣлъ покоя и радости для души своей. Въ недѣлю православія литургисалъ, но чина православія не совершалъ по новости своей и по духу народному. Пасху провелъ не безъ грусти, какъ будто на чужбинѣ. 2, 3, 4, 5 мая восточный, жгучій, наказательный вѣтеръ. Прозябшія растѣнія вянутъ и желтѣютъ. И я болю и немоществую. Господи, помилуй! Воззвано о моленіи Господу Богу, чтобы на нивы дождь даровалъ. Но вотъ новость! Въ странѣ сей..., хлѣбъ — сіе первое средство для поддержанія жизни, чрезъ вольное винокуреніе, обращается въ смерть и въ первый источникъ безнравственности. Господи помилуй! 7 мая. Уготовляюсь въ Срѣтенскомъ, Полтавскомъ храмѣ служить и совершать основаніе теплому при немъ храму во имя всесвятаго Духа, Его же благодатію даждь начало благое и конецъ. 13 мая отбылъ изъ Полтавы, 16—прибылъ въ святую обитель Лубенскую. Нѣчто странное произошло. Было свѣтло и тихо, и сухость. Но лишь только вступили грѣшныя нози мои во врата обители, повѣялъ вѣтръ, загремѣлъ громъ, и дождь полился. Буди сіе знаменіе во благо—во благо для обители, для всея паствы, и для меня грѣшнаго, Боже мой! Аминь. И будетъ, по благодати, здѣ живущей и дѣйствующей! 21 мая. Уготовляюсь, многогрѣшный, совершить первую Божественную литургію въ обители Лубенской, у святыхъ мощей святаго Аѳанасія Лубенскаго. Како сіе бысть моему окаянству? Господи, помилуй, и не лиши благодати — служеніе и слово. Аминь. Іюля 5.

Распорядился о препровожденіи нѣсколькихъ лептъ изъ моего достоянія на содержаніе втораго Аѳанасіева въ честь и память святѣйшаго патріарха Цареградскаго Аѳонасія, нетлѣнно въ Лубенской обители почивающаго. Мѣсяцъ сентябрь. Се и первое число сентября. Господи благослови! За утро уготовляюсь отправиться въ Полтаву для встрѣчи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Николая и Михаила—Великихъ Князей. Ѣду одинъ по причинѣ болѣзни служебныхъ, лицъ!—Что-то похожее на эпидемію. 2.—Да не вмѣнится мнѣ грѣшному! почувствовавъ въ душѣ и тѣлѣ разстройство, остановился. 6.—Сокрыть, или изрещи сіе! Для встрѣчи Государя Императора собрался распорядился и уклался ѣхать изъ сея (Лубянской) обители въ Полтаву, и ночью занемогъ. Заранѣе предположилъ, если не буду въ Полтавѣ, выѣхать въ соборъ Лубянскій нынѣ, по случаю проѣзда Цесаревича Наслѣдника, и горше, зѣло захворалъ. Что сіе! Какъ будто я преступникъ нѣкій, невидимою силою отвергаемый отъ лица царскаго. Боже сердцевѣдче! Помилуй, прости и вразуми!—Цесаревичъ проѣхалъ чрезъ Лубны въ 3 четверти 10 часа по полуночи. 26.—Увы мнѣ, яко отлученному! и Государь Императоръ изволилъ посѣтить Полтаву 20 числа, и я болѣлъ духомъ и тѣломъ, тѣломъ отъ лихорадки, и духомъ отъ скорби, что лишился лицезрѣнія Государя, моего Христа Господня. И не за сугубую ли болѣзнь мою Господь возглаголалъ въ сердцѣ Его миромъ о мнѣ. И Онъ милостиво изволилъ спросить о здоровьѣ моемъ и потомъ изволилъ приказать: прошу Преосвященному поклониться... Благодарю Тя, Христе Боже мой, и молю: укрѣпи Державу Царя нашего! Аминь". Между тѣмъ, Преосвященный Іеремія, тяготившійся дѣломъ управленія паствою Полтавскою по причинѣ упадка силъ тѣлесныхъ, а паче—по страху и отвращенію къ процессамъ о домѣ Архіерейскомъ и объ имуществѣ этого дома, на высокія, священныя обязанно-

сти Архіерея смотрѣлъ какъ на послушаніе, высшее и тягчайшее всѣхъ подвиговъ и потому, то и дѣло въ дневникѣ его встрѣчается молитвенное обращеніе къ Господу въ родѣ слѣдующаго: „Господи Іисусе Христе! благослови мнѣ начать десятое лѣто настоящаго моего послушанія святительскаго; и обнови, и приложи во мнѣ благодать твою, немощное мое врачующую, оскудѣвающее восполняющую, безуміе мое вразумляющую, смятеніе ока моего и сердца отъ живости впечатлѣній и чувства происходящее утишающую. Даждь мнѣ плодъ Святаго Духа, не для меня точію, но паче для паствы моей и собратій. Сказали мнѣ, что я согрѣшилъ въ нѣкоемъ по должности моей. Во всемъ виновенъ, и каюся, и прошу, и молю: Боже, прости и исправи дѣла рукъ моихъ, и вся — вся къ полезному направи. Аминь". Смотря на свое Архипастырство, какъ на послушаніе, не посильное для себя, въ томъ же 1850 г. 28 іюля, въ день Одигитріи Смоленской Божіей Матери, Преосвященный отправилъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой въ Кіевъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ возчувствовалъ въ своемъ сердцѣ непредолимое желаніе посѣтить Кіевъ, куда прибылъ 30 числа. Подъ 1 числомъ ноября въ дневникѣ замѣчено слѣдующее; „Пребываю въ Кіевской лаврѣ у о. нам'ѣстника и грущу о томъ, что долженъ вскорѣ оставить сей рай. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ неблагосклонно смотритъ на мое прошеніе о томъ, чтобы провести остатокъ дней моихъ иночески въ лаврѣ. Но Господи, Господи! Упованія моего ради на Тя и на Пресвятую Матерь Твою, Ея же Честнѣй иконѣ первѣе всего вручилъ мою просьбу, устрой о мнѣ вещь благу и спасительну, по Твоей премудрости и благости, а не по разсужденію людскому, недальновидному. Вѣдаю, что мнѣ будетъ скучно, но по грѣхамъ моимъ, азъ на Кавказѣ былъ готовъ на раны и усѣченіе,—и теперь, при Твоей помощи и благословеніи, готово сердце мое на скорбь..., которая спасеніе содѣлываетъ. 2. Отбылъ изъ лавры, пріявъ въ

благословеніе. икону Успенія Пресвятыя Богородицы и слышавъ слово митрополита многажды: „Послужите“. Отвѣтъ мой былъ: Прикажутъ, не преслушаю. но мнѣ пора. 3. Благополучно и весело возвратился въ Переяславль, въ 6 ч. Благослови Господи вступить въ дѣло свое съ благодатію! Аминь. 8-го служилъ въ Михайловской церкви Переяславля, которую, по нѣкоторымъ данпымъ, почитаю основанною (деревянную впрочемъ) отъ Михаила, 1-го митрополита кіевскаго и древнѣйшею Софійскаго собора. Идетъ дождь теплый. Господи, окропи сердце мое засохшее и оплодотвори духомъ святымъ. Аминь. 1-е декабря. Господи! въ безднѣ погружаюсь, спаси мя и всесильною десницею Твою поддержи мою немощь. Послалъ привѣтствіе къ кіевскому митрополиту Филарету, днесь тезоименитому. На него, каюся, скорблю за то, что препинаетъ мнѣ уволненія... Впрочемъ, если Твоя на то воля, не прекуи мыслію.. 5. Видѣлъ себя (во снѣ) въ затрудненіи и опасности, страшной и неодолимой! Господи, даждь мнѣ молитву и упованіе рекшаго: аще и посреди сѣни смертной пойду, не убоюся зла, яко Ты со мною. А мнѣ видѣлось, что я именно въ сѣни смертной, о которой страшно вспомнить. Не большія ли это угрожающія мнѣ затрудненія по управленію сею епархіею...? Увы мнѣ, отцы святіи малороссійскіи вси! къ Вамъ обращаюсь, спасите мя и даруйте ей иного, способнѣйшаго, аще Богу угодно. 24 декабря видѣлъ во снѣ новый жезлъ Архіерейскій въ рукахъ своихъ. Не страннический ли! Жезлъ видѣнный очень мнѣ былъ пріятенъ. Буди воля Твоя, Боже! 2 января 1851 года. „Исполнилось предзнаменательное сновидѣніе: отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода получилъ увѣдомленіе. что мнѣ дѣйствительно Высочайше вручепъ новый жезлъ правленія паствою Нижегородскою. Единаго прошу: не отверже мене отъ Лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене. 7 января. Господи! пріими и не отвержи мое священнодѣйствіе, послѣднее въ Полтавской

паствѣ. 11 января, нынѣ, Боже, благослови мнѣ начать путь мой.

О прибытіи Преосвященнаго Іереміи въ Полтаву, о его управленіи епархіею и объ его отбытіи изъ Полтавы, такъ описано въ Пол. Епар. Вѣд. 1885 г. „Владыка прибылъ въ Полтаву до того съ тяжелымъ предубѣжденіемъ противъ всего Полтавскаго, что только подъ конецъ годичнаго управленія Полтавскою паствою нѣсколько разсѣялся мракъ этого предубѣжденія. Пребываніе свое въ Полтавѣ называлъ онъ „безпріютнымъ“, „крестомъ Полтавскимъ, который тяжелѣе и разнообразнѣе Кавказскаго“.

Первое непріятное впечатлѣніе на новоприбывшаго Владыку произвелъ архіерейскій домъ. Подъ 14 января (на третій день послѣ пріѣзда) 1850 г. въ дневникѣ его записано: „Благополучно прибылъ въ Полтаву. Начинаю съ великимъ затрудненіемъ жить въ новомъ домѣ, домѣ, среди пустыни котораго и на Кавказѣ мнѣ не было такъ безпріютно“. Архіерейскій домъ въ Полтавѣ, построенный на лучшемъ мѣстѣ въ городѣ, окруженный съ трехъ сторонъ прекраснымъ паркомъ, снаружи представляется громаднымъ, но внутри, и послѣ передѣлокъ довольно капитальныхъ и въ настоящее время, за исключеніемъ третьяго этажа, мало удобенъ для житья; а до передѣлокъ не представлялъ и этихъ удобствъ. Естественно, Преосвященному, привыкшему въ прежней его паствѣ къ помѣщенію болѣе скромному по размѣрамъ, но уютному и болѣе приспособленному къ жизни человѣка его сана и его образа жизни, полтавское помѣщеніе не могло понравиться. Проживши мѣсяца полтора въ этой пустынѣ, Владыка перешелъ въ настоятельскія кельи Крестовоздвиженскаго монастыря, а съ наступленіемъ весны переѣхалъ въ Лубенскій монастырь.

Обыденное, повидимому, обстоятельство, случившееся

послѣ первой, совершенной Преосвященнымъ Іереміей литургіи въ Полтавскомъ каѳедральномъ соборѣ, весьма смутило его и усилило и безъ того не благодушное настроеніе. Обстоятельство это Преосвященный вписалъ въ дневникъ подъ 15 января: „По служеніи (въ соборѣ) случилось нѣчто замѣчательное: по любви моей къ паствѣ Кавказской, я думалъ всегда, при служеніи моемъ въ Полтавской, возлагать панагію Кавказскую съ изображеніемъ Печерской Богоматери съ свв. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ съ одной стороны, а на другой—*Кавказъ*... Что жъ! По окончаніи литургіи икона Кавказская выпала и мнѣ по необходимости надобно было возложить крестъ Полтавскій и въ немъ, и съ нимъ видаться съ новыми овцами моими“.

Дѣла паствы Полтавской, какъ онѣ представились Преосвященному, произвели на него далеко не отрадное впечатлѣніе. „Отслужилъ обѣдню,—пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ,—смѣю ли обратиться къ Тебѣ, Господи, и рещи: въ какія затрудненія церковныя, духовныя и, впрочемъ что маловажнѣе для меня всего, а почтено важнѣйшимъ, экономическія, поставленъ я въ Полтавѣ?!,—въ горшія, нежели на Кавказѣ“. И въ другомъ мѣстѣ подъ 29 іюля дневника: „Отправилъ просьбу объ отставкѣ. Можетъ быть рано... Но, Господи, прости, не могу вести дѣла о домѣ Полтавскомъ и объ имуществѣ архіерейскомъ. Лучше съ Черкесами воевать, нежели имѣть прю съ своими.... и о чемъ же“?...

Были ли въ самомъ дѣлѣ дѣла епархіальныя въ неблагоустроенномъ положеніи, или же не нравились Владыкѣ, какъ дѣла, не имъ заведенныя, а другимъ, который руководствовался иными, не по характеру его, принципами и убѣжденіями, только Владыка Іеремія отзывается о нихъ во многихъ мѣстахъ своихъ замѣтокъ съ горькимъ, болѣзненнымъ чувствомъ. „Ангеле паствы сея (Полтавской)!. По многолѣтнему отсутствію и болѣзни

пастыря бывшаго, Господи прости мене, паства сія въ непонятномъ положеніи... Не имѣю помощника и не знаю, что мнѣ дѣлать, смотря то, что вижу"... И въ другомъ мѣстѣ подъ 21 февраля: „Обѣдали у моего недостоинства члены Консисторіи и прочее превознесенное и разукрашенное отличіями духовенство Полтавское,— всѣ протоіереи.., священника не могъ отыскать... Это предмѣстнику моему было на радованіе, а преемникамъ его надолго скорбь и затрудненіе".

Приходитъ на мысль и то, что Преосвященный Іеремія по всему былъ совершенный контрастъ съ предшественникомъ его, Преосвященнымъ Гедеономъ. Преосвященный Гедеонъ былъ человѣкъ общественный, Пр. Іеремія — келейный: первый былъ доступенъ и не дѣловому люду, второй праздныхъ посѣтителей не долюбливалъ; въ обращеніи съ подчиненными Пр. Гедеонъ былъ деликатенъ, сдержанъ; Пр. Іеремія—простъ, открытъ, иногда рѣзокъ и горячъ. При такомъ контрастѣ въ личныхъ качествахъ Преосвященныхъ, естественно различіе взглядовъ и на епархіальныя дѣла. Какъ первый Епископъ паствы Кавказской, Пр. Іеремія устанавливалъ тамъ епархіальные порядки по своему усмотрѣнію; въ паствѣ Полтавской засталъ онъ порядки, заведенные другими. Что удивительнаго, если многое оказалось здѣсь не по его характеру? Нельзя удивляться и тому, что новый Владыка засталъ въ дѣлахъ новой своей паствы застой, прорѣхи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и уклоненіе отъ правды законной. Вѣдь предшественникъ его шесть лѣтъ управлялъ епархіей издали, проживая въ Петербургѣ въ качествѣ присутствующаго въ Св. Синодѣ. По своему характеру, Владыка не могъ отнестись ко всему этому хладнокровно, и тихо, сдержанно установить болѣе правильный и строгій порядокъ въ управленіи епархіальномъ. Его горячая, энергичная дѣятельность, направленная къ спѣшному исправленію порядковъ, къ которымъ привыкли,

не могла не отозваться тяжело на служебномъ епархіальномъ персоналѣ. При томъ же Преосвященный не стѣснялся въ рѣзкихъ замѣчаніяхъ, не скупился на выговоры и обличенія. Глухой ропотъ возникъ въ Полтавѣ и не въ средѣ только духовенства, но и въ средѣ свѣтской. Пошли неблагопріятные, оскорбительные толки не только о служебной дѣятельности, но и о частной жизни Преосвященнаго,—толки волновавшіе Владыку и не дававшіе ему покоя.

Съ открытіемъ весны Владыка простился съ Полтавой, какъ оказалось навсегда. Лѣто провелъ въ Лубенскомъ монастырѣ, осень и часть зимы—въ Переяславѣ. Изъ Переяслава „мирнаго и спокойнаго“ выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на Кіевъ, для поклоненія святынѣ и молитвеннаго подкрѣпленія на предстоящій подвигъ пастырскаго служенія новой паствѣ.

Въ свое время въ Переяславѣ сообщали разсказъ, будто бы слышанный отъ самого Владыки, о знаменательномъ видѣніи ему во снѣ, наканунѣ дня, въ который полученъ былъ указъ о перемѣщеніи его на Нижегородскую паству. „Во снѣ я видѣлъ, говорилъ Владыка, какого-то благолѣпнаго старца, который, подавая мнѣ посохъ, сказалъ: *возьми!* Я отвѣтилъ ему: *у меня посохъ есть.* Тогда онъ съ нѣкоторою настойчивостію повторилъ: *возьми, возьми; тебѣ предстоитъ далекій путь*“... По полученіи указа, Владыка, не медля началъ собираться въ путь. Сборы были недолги: на третій или четвертый день, именно 11 января, Преосвященный готовъ былъ къ выѣзду и, послѣ напутственнаго молебствія у мощей священномученика Макарія, выѣхалъ изъ Переяслава по пути въ Кіевъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ Переяславскаго духовенства и служащіе въ семинаріи, во главѣ съ о. Ректоромъ, провожали Владыку верстъ за пять за городъ.

На прощаньѣ Владыка пожелалъ всѣмъ мирной и благоденственной жизни о Господѣ и доброплоднаго служенія Церкви и отечеству... Затѣмъ, благословивъ каждаго, простился. Послѣднее святительское благословеніе его, съ нарочито возвышеннымъ воздѣяніемъ рукъ, было всей паствѣ Полтавской, на окраинѣ которой онъ сталъ въ эти знаменательныя минуты и къ которой обращенъ былъ послѣдній его отеческій прощальный взоръ. „Прощайте, сказалъ Владыка, и молитесь о мнѣ многогрѣшномъ... Жалѣю, что я не понялъ паствы Полтавской, а паства Полтавская не поняла меня“...

Въ этихъ словахъ Святителя, вылившихся со вздохомъ изъ глубины добраго его сердца въ послѣднюю, прощальную минуту съ бывшею его паствою, разгадка ихъ взаимныхъ, безъ этого во многомъ малопонятныхъ, отношеній. Не поняли другъ друга — паства пастыря, пастырь паствы. Дѣйствительно, Преосвященный Іеремія былъ человѣкъ и Святитель, котораго нужно было „понять“, чтобы оцѣнить по достоинству, чтобы предаться ему со всею искренностію, полюбить его всею душею. Кажись, и труда большаго не стоило понять и оцѣнить человѣка открытаго, безхитростнаго, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ. Но этотъ небольшой трудъ оказался на самомъ дѣлѣ трудомъ серьезнымъ, котораго не спохватились одолѣть. У Преосвященнаго Іереміи, да проститъ онъ скромный мой судъ о немъ, при многихъ высокихъ качествахъ, былъ крупный недостатокъ, при которомъ самые благонамѣренные администраторы, преслѣдующіе самые благонамѣренныя цѣли, рѣдко съ успѣхомъ достигаютъ оныхъ. Это — слишкомъ живая впечатлительность, подъ вліяніемъ которой онъ говорилъ и дѣйствовалъ. Оттого случалось нерѣдко слышать отъ него такія рѣчи, въ которыхъ, при болѣе хладнокровномъ обсужденіи дѣла, чрезъ полчаса — часъ приходилось ему сожалѣть и извиняться. Преосвященный, кажись, забывалъ, что предъ нимъ стоятъ люди, способ-

ные оскорбляться рѣзкими и не всегда заслуженными выговорами и замѣчаніями. Съ спокойнымъ духомъ, послѣ самой неспокойной съ нимъ бесѣды, могъ отходить отъ него только тотъ, кто хорошо былъ знакомъ съ высокимъ нравственно-духовнымъ характеромъ Владыки, съ его искреннею любовію къ правдѣ и добру, съ совершеннымъ въ немъ отсутствіемъ и тѣни намѣренія оскорбить кого либо. Но какъ далеко не всякій способенъ былъ оцѣнить эти превосходныя качества Владыки!.. Лѣтъ чрезъ пятнадцать по выѣздѣ его изъ Полтавской епархіи мнѣ случалось слышать о немъ отзывы самые горькіе и гнѣвливые.

Если въ томъ маломъ сравнительно кругѣ дѣйствія Владыки, въ которомъ я вращался, далеко не всѣ были довольны его нерѣдко рѣзко настоятельными требованіями измѣнить образъ дѣйствія, къ которому привыкли; то тѣмъ болѣе было недовольныхъ въ гораздо обширнѣйшемъ кругѣ епархіальнаго управленія. Въ епархіи, въ которой административные порядки заведены другими, новому администратору на первыхъ порахъ многое можетъ показаться не въ томъ желанномъ видѣ, къ которому онъ привыкъ. Но терпѣливое изученіе состоянія дѣлъ, ближайшее внимательное знакомство съ служебнымъ персоналомъ, съ условіями мѣстной жизни, впослѣдствіи многое поясняетъ и многому даетъ иной, болѣе благообразный и законный видъ. Притомъ же и кривизны удобнѣе исправляются постепеннымъ дѣйствіемъ силы исправляющей,—излишнее напряженіе, крутой поворотъ чаще ломаютъ, нежели исправляютъ. Преосвященный Іеремія, по своему характеру, способенъ былъ болѣе къ дѣятельности энергической по первому впечатлѣнію, нежели къ хладнокровно-постепенной, выжидательной. А при такой дѣятельности естественно встрѣтить неожиданныя препятствія, противорѣчія, охлажденіе въ исполнителяхъ, глухой ропотъ... Административная дѣятельность Преосвященнаго Іереміи по побужденіямъ и

цѣлямъ была самая законная и безупречная, а по характеру исполненія—спѣшная, нетерпѣливая, излишне, если позволено такъ выразиться, горячая.

Такой образъ дѣятельности Преосвященнаго зависѣлъ сколько, какъ замѣчено выше, отъ его личнаго характера, столько и оттого, что онъ прибылъ на паству Полтавскую, какъ ходили слухи, съ предзанятымъ невыгоднымъ мнѣніемъ о порядкахъ епархіальнаго управленія. Если слухи эти справедливы, а въ достовѣрность ихъ тогда вѣрили весьма многіе, то что удивительнаго, если Преосвященный только подъ конецъ годичнаго управленія епархіей началъ приходить къ убѣжденію, что не все то правда, о чемъ сообщали ему въ Ставрополь,—что въ епархіальномъ управленіи Полтавской паствы не безъ уклоненій, но не настолько далекихъ и рѣзкихъ, чтобы ихъ нельзя было исподволь исправить и ввести въ законную колею. Сожалѣніе о томъ, что онъ не понялъ этого своевременно, выразилъ Преосвященный въ послѣднюю прощальную съ своею паствою минуту: „жалѣю, что я не понялъ паствы Полтавской, а паства Полтавская меня". Дѣйствительно, жаль. Преосвященный Іеремія былъ одинъ изъ тѣхъ людей, высокое достоинство которыхъ познается только тогда, когда они удаляются отъ насъ. Онъ явился среди насъ какъ бы неожиданно ни для него, ни для насъ: ни онъ, ни мы, казалось, не были приготовлены къ взаимной встрѣчѣ, къ совокупной, вполнѣ согласной, дѣятельности.... О, если бы, многіе изъ насъ говорили впослѣдствіи, Преосвященный Іеремія побылъ хоть лѣтъ десять у насъ, сколько бы добра онъ сдѣлалъ для насъ! Мы поняли бы его высоко-нравственный характеръ, высокоблаготворный образъ дѣйствія; онъ понялъ бы насъ. Насъ соединили бы самыя крѣпкія узы любви взаимной,—любви, которая вся покрываетъ, все терпитъ, которая и его начальствованія дѣлаетъ удобоносимымъ, и его повиновенія легкимъ". (Полт. Епарх. Вѣд. 1885 г. № 12).

Выѣхавши изъ Полтавы, Преосвященный на пути посѣтилъ: Кіевъ, Сѣвскъ, Орелъ, Болховъ, Калугу, Москву, Сергіеву лавру. Въ Кіевѣ пробылъ съ 13 по 18 января. 14 января служилъ въ лаврѣ. Се день, пишетъ Владыко въ своемъ дневникѣ, въ который за 27 лѣтъ благословили мене родители мои Іоаннъ и Марія въ монашество, а днесь, благословите мя, отцы святіи, на новое поприще послушанія. 2 февраля, въ Калугѣ, купно съ мѣстнымъ Преосвященнымъ Николаемъ совершилъ Божественную литургію и сотворилъ молитву о благодѣтеляхъ моихъ, Архипастыряхъ, здѣ родившихся и здѣ послуживших Святой церкви: о митрополитѣ С.-Петербургскомъ Серафимѣ, о митрополитахъ Кіевскихъ Евгеніи и Филаретѣ, нынѣ здравствующемъ и меня въ путь благословившемъ,—о митрополитѣ Никанорѣ, мое достоинство въ Архимандриты въ Санктпетербургѣ, въ свое викаріатство, посвятившемъ; объ Архіепископѣ Рязанскомъ Гавріилѣ и о другихъ. Господи, молитвами ихъ помилуй мене. 14 февраля, въ среду сырныя седмицы на память Святаго мученика Авксентія благополучно и благопріятно совершилъ путь свой и прибылъ въ Богоспасаемый Нижній-Новгородъ. Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! И не остави мене и впредь и буди со мною во спасеніе мое и братіи. Аминь".

Но и въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ на всѣхъ мѣстахъ своего святительскаго служенія, Преосвященный Іеремія, неся на себѣ видимо образъ Архіерея, право и неутомимо правящаго дѣлами управленія паствою, въ сущности былъ сокровеннымъ отъ міра подвижникомъ, прозиравшимъ въ горняя и грядущаго града взыскующимъ. Чистая душа его возмущалась отъ прираженія къ разнымъ, грѣховнымъ сторонамъ жизни человѣческой, особенно въ духовенствѣ. Скорбѣлъ, душею болѣлъ святитель о прегрѣшившихъ въ чемъ либо членахъ этого сословія, но по долгу начальника долженъ былъ наказывать виновныхъ, въ силу закона. Наказывается отецъ,

а послѣдствія этого наказанія падаютъ на цѣлую семью, состоящую иногда изъ 8 -10 малолѣтнихъ дѣтей, остающихся безъ средствъ къ содержанію, въ голодѣ и холодѣ. Съ другой стороны—на лицъ духовнаго сословія бываютъ не рѣдко доносы лживые, но обставленные, яко правда, такими доказательствами, которыя, по суду человѣческому, пріемлются за истину. Поэтому многіе изъ священно-церковно-служителей страждутъ иногда и по суду невинно. Иногда для нашихъ Архипастырей бываютъ тяжкія, внутреннія скорби и отъ просителей, облеченныхъ властію или имѣющихъ почему либо замѣтное, вліяющее значеніе въ мѣстной средѣ,—просятъ, напримѣръ, таковыя лица иногда, по человѣческому пристрастію, опредѣлить на священнослужительское мѣсто лицо, вовсе неприготовленное къ тому своимъ образованіемъ, или достойнаго пастыря удалить отъ его любимой паствы. Уважить просьбу—значитъ согрѣшить и предъ Богомъ, и предъ своею совѣстію, и предъ своимъ званіемъ и сословіемъ,—не уважить просьбы таковыхъ лицъ, значитъ въ лицѣ ихъ нажить себѣ—если не враговъ, то во всякомъ случаѣ недоброжелателей. Помимо этого, для Преосвященнаго Іереміи, при вступленіи его въ управленіе паствою Нижегородскою, пришлось невольно придти въ столкновеніе съ гражданскою властію въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ярмарочный соборъ со всѣмъ его имуществомъ и доходами находился въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи начальника губерніи. Въ этомъ соборѣ Архіерей при служеніи долженъ былъ облачаться въ тѣ святительскія одежды, какія намѣчены были хозяиномъ собора—губернаторомъ. Все здѣсь зависѣло отъ власти и воли губернатора. Преосвященный Іеремія, ревнуя о славѣ Божіей и церкви православной, ревновалъ столько же и о правахъ своего Архипастырства—тамъ, гдѣ эти права указаны законами церкви и государства. А потому, съ его стороны, на такое неправильное вторженіе гражданскаго лица въ распоряженіе церковію и ея имуществомъ

послѣдовало въ Святѣйшій Синодъ, при годовомъ епархіальномъ отчетѣ, доношеніе, что въ его Нижегородской епархіи есть одна церковь (Ярмарочный соборъ), которая, находясь въ прямомъ его управленіи, на самомъ дѣлѣ находится внѣ всякой отъ него зависимости. Вслѣдствіе этого допошенія указомъ Св. Сѵнода, отъ 10 мая 1852 г. № 19, повелѣно было передать соборъ со всѣмъ его, по описи, имуществомъ, въ вѣдѣніе и распоряженіе епархіальнаго начальства. Хотя дѣло это, очевидно, было дѣломъ недоразумѣнія, но разрѣшеніе его въ смыслѣ, неблагопріятномъ для лицъ, заинтересованныхъ въ немъ, во всякомъ случаѣ могло казаться оскорбительнымъ для нихъ, а по передачѣ имущества церковнаго, по описи, въ другое вѣдомство, даже не безотвѣтственнымъ, и только благодаря, какъ могли думать они, новому Архіерею. Все это глубоко сознавалъ въ своей душѣ великій Святитель и званіемъ правящаго Архіерея тяготился болѣе, чѣмъ подвигами самаго строгаго подвижничества и почиталъ для себя это высокое, святое званіе послушаніемъ. „Уготовляюсь по епархіи проѣхать, пишетъ онъ въ дневникѣ своемъ подъ 25 іюня 1851 года; но что-то боюсь больше, нежели на Кавказѣ. Господи, помилуй и вложи въ мя сердце благо, великодушно, благоразсудительно, терпѣливо. Съ таковымъ сердцемъ, при Твоей благодати, хоть куда, хоть въ адъ“... Подъ 5 октября того же года записано: „Въ день святителей московскихъ и праведнаго Іереміи, азъ окаянный прибылъ въ 5 часу въ Нижній и по грѣхамъ и ошибкамъ моимъ встрѣченъ здѣ молвою, будто я оказываюсь здѣсь негоднымъ и куда то перемѣщаюсь. Буди, Господи, воля Твоя! Азъ же на раны моя готовъ за грѣхи мои, при Твоей благодатной помощи“. Подъ 11 октября написано: „нѣсколько скорблю о навѣтахъ.... А сколько на Тя, Христе, навѣтовали!“... Подъ 22 декабря: „Болѣлъ отъ скорби.... Господи помилуй“! Подъ 23 декабря: „Уготовалъ прошеніе объ увольненіи отъ Архіерейства и объ опредѣленіи въ ино-

ка въ Высокогорскую пустынь. Господи! Прости, аще сіе не отъ Тебе, и управи, и благослови, аще сіе мнѣ спасительно, а по тому самому Твоей благости угодно... Аминь.—Хорошо, что еще не послалъ: изъ Кіева крѣпкую получилъ брань.... Пожду.... О, паства моя Нижегородская"! подъ 10 февраля 1854 года записано: „согрѣшихъ на небо и предъ тобою: прости мнѣ; помолись о мнѣ, да слово истины правлю для тебя, и прими мою готовность искреннюю — изъ Архіерея содѣлаться для твоего служенія послѣднѣйшимъ служителемъ твоимъ о Христѣ, Ему же слава во вѣки. Аминь". Это послѣднее желаніе свое Преосвященнѣйшій Іеремія исполнилъ 3 мая 1857 года. Вотъ что читаемъ въ его дневникѣ по этому случаю: „1857 г. Въ третіе число мая, въ день священнѣйшія памяти Преподобнаго отца Ѳеодосія Кіевопечерскаго и празднества Чудотворной иконѣ Богородичной Печерской, совершаемаго въ Брянской Свѣнской обители и въ Нижегородскомъ нашемъ Печерскомъ монастырѣ, помолясь и довольно размысливъ, отправилъ въ С.-Петербургъ прошеніе объ увольненіи отъ епархіскаго бремени и о дозволеніи мнѣ жить въ числѣ братства въ Печерскомъ монастырѣ. Прошеніе уготовано еще въ январѣ; вчера запечатано. Не смотря на унылое и скорбное состояніе души, спалось добрѣ, и нѣчто видѣлось во снѣ, знаменательное посѣщеніе Царицы милостивое, но для меня притрепетное; свѣтоносное, но меня смутившее.... Господи, помилуй.... Образъ ея навсегда да останется въ душѣ моей... Царю небесный и Царица небесная! Не отвергните мене отъ Лица Вашего въ предстоящемъ моемъ уединеніи, и не отвратите слуха Вашего отъ молитвъ моихъ и не отъимите у мене благодати Вашей... но да пріумножится.... въ день скорбей моихъ".... 18 мая 1857 года. „Отецъ духовникъ Печерской обители, Л. В.! Ты знаешь, что 3 мая, въ день празднества иконѣ Богоматери, совершаемаго въ Печерской Лаврѣ, гдѣ Богъ сподобилъ меня пріять Архіерейскую хиротонію, въ Свѣнскомъ Ор-

ловской епархіи Новопечерскомъ монастырѣ, гдѣ, по всемисердому устроенію Промысла Божія, подъ руководствомъ Смарагда, положилъ я начало покаянному житію, и въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, мною управляемомъ, въ день сего празднества и преподобнаго отца Кіевопечерскаго, я, помолясь Господу Богу, послалъ прошеніе, за нѣсколько мѣсяцевъ приготовленное, объ увольненіи меня отъ настоящаго моего послушанія, святительскаго... Вотъ что нынѣ мнѣ приснилось: Два Архіерея (не помню, откуда взялись они). Я за ними. Идемъ въ келлію, куда прошусь и куда желаю. Я въ трепетѣ, ожидая отъ нихъ укора за мое отреченіе отъ каѳедры (мнилось — Кавказской). Но они безмолвно идутъ впереди, пришли въ келлію, сѣли, чашку чаю выкушали молча и молча встали, и вышли молча же, оставивъ меня. Я не переставалъ ожидать упрека или какого либо знака неудовольствія, но они ни слова не изрекли трепещущему моему сердцу... Буди тако здѣ и тамо.... нынѣ и тогда.... да не буду осужденъ.... Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый Первосвятитель, который въ 1843 году, 1 января, въ день, когда состоялся указъ о назначеніи меня на Кавказъ, напутствовалъ меня на нѣкое дѣло, тогда еще неизвѣстное мнѣ, благословеніемъ, рукоположеніемъ и нѣкіимъ, присно-памятнымъ для меня, наставленіемъ,—напутствовалъ въ сновидѣніи, въ Лаврѣ, въ алтарѣ великой ея церкви. Но тогда представились токмо онъ, предстоящій у престола и я, грѣшный, предъ нимъ на колѣняхъ,—теперь два они, шествующіе, и я за ними. Тогда Святитель въ полномъ облаченіи и руку полагалъ на меня, и ободрялъ и наставлялъ; теперь оба они и на пути въ келлію, и въ келліи снуя, пребыли совершенно безмолвно, и не сказали мнѣ ни слова... И оба въ рясахъ. Что это, Л. Бр.? А кажется, не просто. О Господи, буди воля Твоя! Не остави мене! Не взыщи съ меня! Упокой душу мою въ келейномъ молчаніи и въ безмолвіи, и научи меня полагать храненіе устомъ и мыслямъ мо-

имъ, выну и повсюду. Такъ, Л. Б., помолимся! 1857 г., іюня 21 дня. Исполнилось видѣнное во снѣ... Я въ келліи на молчаніи". Преосвященный Іеремія, согласно его прошенію, указомъ Святѣйшаго Сунода, отъ 17 іюня 1857 года за № 5262, уволенъ на покой, съ назначеніемъ ему мѣста пребыванія въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, въ лучшихъ помѣщеніяхъ онаго, съ производствомъ пенсіи въ 1000 р, съ правомъ пользоваться экипажемъ и лошадьми, отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою отъ монастыря. Нижегородцы того времени помнятъ, что Преосвященнѣйшій Іеремія, получивъ указъ изъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи его на покой въ Нижегородскій Печерскій монастырь, не объявляя до времени указа, приказалъ подать себѣ карету и отправился въ Печерскій монастырь. Карету изъ Печерскаго монастыря отправилъ въ архіерейскій домъ, а самъ заключился въ предъизбранной имъ келліи... У него было приготовлено, собственноручно написанное имъ прощальное слово къ паствѣ Нижегородской, почему-то имъ не сказанное. Вотъ это истинно-Архипастырское, истинно-отеческое слово.

23 іюня 1857 года. Воскресенье.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО (не сказано)

Богоспасаемаго града сего благочестивымъ обитателямъ.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. 1 Кор. 1, 3.

Сіе Апостольское, молитвенное благожеланіе какъ было первымъ и начальнымъ, такъ да будетъ послѣднимъ и заключительнымъ моимъ къ вамъ словомъ, благочестивіи обитатели града сего! *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа!*

Благодать вамъ и миръ, отцы и братія, мірстіи и духовніи!

Благодать вамъ и миръ, сослужители и сопастыри!

Благодать вамъ и миръ, старцы и юноши!

Благодать вамъ и миръ, мужи и жены!

Благодать вамъ и миръ, богатіи и бѣдніи, знатніи и не знатніи!

Благодать вамъ и миръ, судіи и начальствующіе!

Благодать тебѣ и миръ Нижній-Новграде, по основанію своему чадо доблестнѣйшаго, Святаго Князя страстотерпца Христова Георгія!

Благодать и милость Пресвятыя Троицы Отца и Сына и Св. Духа буди всѣмъ христоименитымъ, православнымъ чадамъ Твоимъ — настоящимъ, почившимъ и будущимъ! Аминь.

Всегда, во все время пребыванія моего съ вами и пастырскаго моего служенія вамъ, граждане Георгіева града, *благодарилъ я Бога моего о васъ, о благодати Божіей, данной вамъ о Христѣ Іисусѣ.* 1 Кор. 1, 4.

Нынѣ же, когда Божіимъ изволеніемъ и по неотступному стремленію моему къ житію уединенному, оставляю Богоспасаемый градъ сей, и съ вами разлучаюсь, нынѣ наипаче *благодарю Бога моего о васъ.*

Буди благодареніе мое о васъ Господу Богу за то, что вы любили со мною молиться Господу Богу; спѣшно и неопустительно притекали къ священнослуженію моему всѣ--старцы и юные, матери и дѣти ихъ.

Благодарю Бога моего о васъ, воспоминая, что никто изъ васъ не опечалилъ духъ мой неблаговоѣйнымъ

присутствіемъ въ храмахъ Божіихъ и неприличнымъ движеніемъ; но своимъ вниманіемъ и сердечнымъ соучастіемъ вы окриляли и возвышали мои молитвы о васъ и о всей паствѣ.

Буди благодареніе мое о васъ Господу Богу всегда за то, что пастырскія словеса мои и совѣты вы слушали благосклонно, принимали и исполняли благопослушно.

Всѣ приснопамятныя мнѣ дѣла вашего благочестія и послушанія слабому моему пастырскому гласу незабвенны предъ Богомъ, благопріятны Богу и къ доброму послужатъ отвѣту на страшномъ судѣ Христовомъ.

Но наипаче *благодарю Бога моего всегда о васъ* за то, что всѣ вы споспѣшествовали мнѣ, во исполненіе мысли въ Бозѣ почивающаго Преосвященнѣйшаго Іакова, некосно устроить на священныхъ для насъ гробахъ Архипастырей вашихъ Филарета, Павла, Питирима, Веніамина, Моисея и знаменитаго согражданина вашего Косьмы Минина трехпрестольный храмъ Господень. Тамъ, за гробомъ вашимъ, въ будущемъ вѣкѣ весело и радушно срѣтятъ они души ваши за сіе крайне утѣшительное для нихъ дѣло ваше.

Благодарю Бога моего о васъ всегда за то, что надгробный храмъ сей вы и благоукрасили и навѣки снабдили способами къ тому, чтобы ежедневно, обязательно совершалось въ немъ священнослуженіе и неопустительно приносилась Господу Богу безкровная жертва какъ о почивающихъ въ немъ, такъ и о спасеніи всѣхъ отшедшихъ и имѣющихъ отъити отецъ, братій и сестръ града вашего. Съ ними да воспомянусь и азъ грѣшный хоть когда либо, о чемъ молю и прошу.

Еще: буди всеусердное вѣчное благодареніе мое о

васъ Тріипостасному Господу Богу Нашему за тотъ храмъ во имя Пресвятыя Троицы Отца, и Сына, и Св. Духа, коему, при живѣйшемъ радостномъ участіи всего града, положенъ основный камень въ день сошествія Святаго Духа. Дѣло сіе, какъ сѣмя въ нѣкоей землѣ, около двадесяти лѣтъ, лежало въ недвижимости. Но вотъ вашимъ послушаніемъ оно произникло и спѣшно растетъ; и крестъ Господень съ высоты величественнаго храма осѣнитъ, (аще благоволитъ Господь) и тебя, Печерская часть града.

Каждый житель сея части чувствовалъ и чувствуетъ, сколь благопотребенъ былъ для ней Храмъ Господень. Но еще болѣе имѣло, хотя менѣе чувствовало, нужду въ немъ новонаселенное, юго-западное жительство. Вотъ и среди сего жительства благоспѣшно созидается храмъ Божій. Вотъ и оно, по благодати Божіей, стяжало себѣ заступниковъ и молитвенниковъ небесныхъ въ святыхъ тріехъ Святителяхъ Петрѣ, Алексіи и Іонѣ, коихъ имяни посвященъ храмъ оный.—Буди, буди убо благодареніе мое за дѣло сіе Господу Богу о всѣхъ васъ, первѣе о тѣхъ изъ васъ, кои содѣйствовали къ препобѣжденію затрудненій и препятствія, въ началѣ его, пріобрѣтеніемъ мѣста и принятіемъ на себя званія попечителя и строителя Трехсвятительскаго храма. Милость Божія и благодать буди вамъ!

Памятуя сіе и иное многое, чѣмъ вы, возлюбленніи о Господѣ отцы, братія и чада, способствовали мнѣ въ дѣлахъ пастырскаго званія моего и утѣшали священнослужительское сердце, не обязуюсь-ли я, не долженствую-ли благодарить васъ, и о васъ благодарить Тріипостаснаго Бога?

И я благодарилъ, и благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей, данной вамъ о Христѣ Іисусѣ.

Благодарю и молю, да благодать и миръ отъ Бога

Отца нашего и Господа Іисуса Христа будутъ выну на всѣхъ васъ, на градѣ вашемъ, на всей паствѣ Нижегородской, молитвъ ради и предстательства Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Святаго Георгія, Богомъ прославленнаго Князя, основателя и Ангела града, вами обитаемаго, и Св. Святителя Митрофана—Ангела церкви Крестовой и дома Архипастырскаго!

О если-бы, по неизрѣченному милосердію Божію, даровалось намъ узрѣть другъ друга тамъ, въ томъ градѣ и въ тѣхъ обителяхъ, которые основаны и уготованы Самимъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусъ Христомъ для любящихъ Его и кающихся въ своихъ согрѣшеніяхъ!

О если-бы намъ въ будущемъ вѣкѣ не постыдиться о васъ и съ вами, но возрадоваться о васъ, и объ общемъ нашемъ спасеніи благодарить и славословить Пресвятую и Единосущную Троицу Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки! Аминь.

Управленіе Преосвященнѣйшаго Іереміи Нижегородскою паствою, по общимъ отзывамъ, было для паствы Нижегородской управленіемъ властнымъ, строгимъ. Безпристрастный и нелицепріятный въ дѣлахъ управленія, какъ неусыпный, зѣло ревнивый стражъ дома Божія, Его Святой Церкви, разумѣется, Онъ не могъ быть угоденъ людямъ міра, увлекающимся соблазнами міра. Нещадно каралъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ и въ святительскихъ своихъ поученіяхъ слабости и грѣшныя увлеченія людскія. Его Святая душа не знала покоя, доколѣ до тла не истребленъ былъ пожаромъ театръ, прямо у воротъ Архіерейскаго дома стоявшій. „У вратъ моихъ, пишетъ онъ подъ 9 числомъ января 1854 года, уничтоженъ театръ—огнемъ въ нощь, послѣ позорища.... Много изъ селъ посѣтителей и просителей.

Зря сосѣднее мое пепелище, не одинъ изъ нихъ изрекъ сіе мною слышанное изъ устъ одного простеца, нѣкоего Георгія: адово дно сгорѣло. Простецъ сей какъ будто читалъ на всѣхъ театрахъ сію невидимую надпись: есть путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приходятъ во дно ада. Притч. 14, 12; 16, 25.

Строится новый театръ на новомъ мѣстѣ, у Зеленскаго съѣзда, близь церкви Святителя и Чудотворца Николая. Работы производятся спѣшно, даже въ воскресные и праздничные дни. Все это было видимо Владыкѣ, при проѣздахъ его въ Каѳедральный соборъ для совершенія Богослуженій. Но вотъ — 1-го ноября, въ воскресный и день памяти доблестнаго нижегородца, спасителя Россіи Козмы Минина, Преосвященнѣйшій Іеремія, ѣхавшій въ соборъ для Богослуженія, видитъ и въ этотъ приснопамятный, особенно для жителей Нижняго-Новгорода, день — рабочихъ, работавшихъ въ театральномъ зданіи. Что онъ чувствовалъ въ то время, ему одному извѣстно. Но что было послѣ Богослуженія, объ этомъ отъ сослужащихъ съ нимъ въ то время при Богослуженіи извѣстно намъ слѣдующее: по окончаніи Богослуженія Преосвященный Іеремія обратился къ присутствовавшимъ тогда въ усыпальной церкви, при могилѣ раба Божія Козмы Минина, нижегородцамъ, во главѣ которыхъ былъ Вице-Губернаторъ Пановъ, въ отсутствіе Губернатора Князя Урусова, управлявшій губерніею, съ такою рѣчью: Нынѣ мы, въ храмѣ семъ, возносили Господу Богу наши недостойныя молитвы о спасеніи насъ грѣшныхъ, творя молитвенную память и о доблестномъ гражданинѣ града нашего—Козмѣ Мининѣ. Но что узрѣлъ я, ѣхавши на сіе торжественное моленіе? Мы здѣсь молились, а близь насъ работаютъ въ зданіи воздвигаемаго театра въ этотъ, для всей Россіи, а особенно для Нижняго-Новгорода, приснопамятный день, и чего ради? Невѣдущій дѣла,

можетъ подумать, что такъ спѣшно воздвигается зданіе государственное для какихъ либо спасительныхъ цѣлей Государства; но и тогда слѣдовало бы работы производить во время законное и къ тому удобное. А что же теперь видимъ? Строится театръ любителями зрѣлищъ для своего удовольствія, съ отвлеченіемъ рабочихъ людей отъ ихъ прямыхъ христіанскихъ обязанностей — быть въ храмѣ Божіемъ въ этотъ великій и святый день для участія въ общей христіанской молитвѣ о Государѣ Императорѣ и о всемъ Царствующемъ Домѣ и о спасеніи всей Россіи и каждаго изъ насъ въ частности, на могилѣ спасителя Отечества. Нѣтъ, Господь не благословляетъ такихъ дѣлъ, — не могу, не долженъ благословлять такія дѣла и я, недостойный служитель Божій". Зданіе театра разрушилось ровно чрезъ полгода послѣ этой бесѣды. Намъ передавали ближайшіе слуги Преосвященнаго Іереміи, что при извѣстіи объ этомъ несчастномъ событіи Владыка изволилъ очень спокойно выразиться: „Я зналъ и прежде, что дѣло такъ должно кончиться. Такія дѣла не могутъ имѣть другаго исхода".

Вблизи Нижняго-Новгорода есть село Высокое. За тѣмъ селомъ на пространномъ, покатомъ косогорьѣ находится небольшая роща. Мѣсто принадлежитъ Архіерейскому дому. Съ давнихъ временъ на этомъ мѣстѣ, въ Троицынъ день, происходило народное гульбище, со всѣми обычными приманками для соблазна посѣтителей. Возмутилась святая душа Владыки, когда, по пріѣздѣ въ Нижній-Новгородъ, онъ узналъ объ этомъ народномъ позорищѣ на мѣстѣ, принадлежащемъ дому Святителей Нижегородскихъ; зело прегорчился онъ, узнавши и о безуспѣшности мѣръ къ пресѣченію этого разгула, предпринимавшихся прежними Нижегородскими Архипастырями. Намѣренія и дѣйствія Преосвященнѣйшаго Іакова, по сему предмету, были у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, какъ намѣренія и дѣйствія, оказавшіяся

безсильными къ пресѣченію зла; потому что зло это исходило отъ всесильнаго въ тѣ времена виннаго откупа, и имъ охранялось и поддерживалось, во имя закона. Преосвященный Іеремія, вполнѣ понимая, что Государственный законъ, дававшій виннымъ откупамъ право производить среди народныхъ гуляній торговлю своими произведеніями, въ тоже время охранялъ святыню храмовъ Божіихъ отъ приближеній непристойныхъ и соблазнительныхъ, рѣшилъ въ своемъ умѣ соорудить въ Высоковской рощѣ храмъ Господень съ Архіерейскою при немъ молитвенною келліею. Нашлись благочестивые люди, которые приняли на себя трудъ исполнить святое желаніе Владыки. И вотъ, въ день Вознесенія Господня, когда каждогодно совершается изъ Каѳедральнаго собора Крестный ходъ въ Печерскій монастырь, по волѣ Преосвященнаго, ходъ этотъ со всѣмъ, сопровождавшимъ его народомъ, направляется къ Высоковской рощѣ и тамъ, послѣ молитвословія, торжественно полагается основаніе храму во имя Святаго Благовѣрнаго Князя и мученика Христова Георгія. Храмъ былъ созданъ и гульбища сами собою прекратились. Вотъ, между прочимъ, что пишетъ Владыка, по этому поводу, въ одной изъ своихъ проповѣдей. „Не многіе грады имѣютъ счастіе принять основаніе свое отъ руки святой, и Основателемъ и Отцемъ своимъ именовать Святаго Божія Угодника, Богомъ и церковію прославленнаго. Нижнему-Новгороду — граду вашему даровалось провидѣніемъ Божіимъ сіе рѣдкое счастіе. Ибо, памятуете ли, кѣмъ онъ основанъ? Основатель и Отецъ града вашего есть Святый Страстотерпѣцъ и мученикъ Христовъ Князь Георгій, нетлѣнно почивающій во Владимірскомъ соборѣ и празднуемый особою службою 4 февраля. Князь Георгій и Святитель Владимірскій и Суздальскій Симонъ, память коего 10 мая, усмотрѣли великое сходство между мѣстностію Кіевскою и мѣстностію, которая занималась тогда, при впаденіи Оки въ Волгу, защитительною крѣпостію, полюбили сію послѣд-

ною мѣстность, какъ Кіевоподобную и совѣщались основать и соорудить, и соорудили на ней градъ, столь нынѣ славный и знаменитый градъ, вами обитаемый. Градъ сей не только не удостоился имѣть у себя Святыхъ мощей своего святаго Основателя, но нѣтъ въ немъ и храма, имени его посвященнаго. Прискорбно ощущалось это лишеніе, и поелику не представилось удобства соорудить въ самомъ градѣ храмъ въ честь, память и благодарность святому Основателю его, то желалось видѣть таковый храмъ хотя въ предмѣстія града. И вотъ, въ Высоковской рощѣ основанъ и посвященъ храмъ святому Благовѣрному Князю, мученику Христову Георгію съ мольбою ему, какъ о всемъ градѣ, такъ и объ урочищѣ, исхищенномъ во имя его изъ рукъ власти темной".

Болѣло сердце Архипастыря и о благоустроеніи священно-церковно-служителей по ихъ житію и по исполненію ими высокихъ обязанностей, яко приставниками Церкви Божіей, обязанными и словомъ и житіемъ добрымъ подавать спасительный примѣръ для своихъ прихожанъ. Въ этомъ случаѣ Архипастырь не опускалъ безъ вниманія ни одного малѣйшаго уклоненія, въ своихъ подчиненныхъ, съ пути праваго, твердаго, трезвеннаго на путь неправды, невоздержанія и другихъ слабостей человѣческихъ. Старался искоренять эти слабости въ самомъ ихъ началѣ разными и строгими и отеческими мѣрами, а о совершенно ослабѣвшихъ служителяхъ Церкви молился Богу и властію своею, по возможности, поддерживалъ и охранялъ ихъ, да не до конца погибнутъ. Особенно заботился онъ объ облегченіи скорбной участи осиротѣвшихъ семействъ и объ устроеніи сирыхъ, безпріютныхъ дѣтей духовенства. Для достиженія благой цѣли этой, онъ почти все, получаемое имъ жалованье, передавалъ въ нижегородское епархіальное попечительство, яко-бы отъ нѣкоего неизвѣстнаго лица. Возвышалъ свой Архипастырскій голосъ къ уве-

личенію пожертвованій въ пользу бѣдныхъ духовенства епархіи и къ пастырямъ и къ пасомымъ. Слѣдствіемъ этого было, что сумма попечительская, до 1851 г., состоявшая наличными деньгами въ 1570 р. 88½ к., и въ билетахъ на 20 тысячъ съ небольшимъ, къ началу 1858 г. возросла до 85 тысячъ; слѣдовательно, до 63 тысячъ увеличилъ эту сумму сиротолюбивый Архипастырь-Отецъ, за свое недологовременное служеніе на Нижегородской каѳедрѣ. И бывши на покоѣ, Святитель Божій заботился о бѣдныхъ своей бывшей епархіи. На леченіе больныхъ, за это время, имъ пожертвовано 330 р.,—капиталъ этотъ въ билетахъ,—въ пользу Макарьевской женской богадѣльни 100 р. въ билетѣ, въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 804 р. въ билетахъ, въ пользу погорѣльцевъ 50 р., въ пользу сиротъ и вдовицъ, призрѣваемыхъ въ Нижегородскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ 50 руб., въ пользу епархіальнаго женскаго училища 5966 р. 10 к. въ билетахъ и наличными 272 р. 7 к. Есть его вклады на стипендіи въ нижегородской духовной семинаріи, въ Мининской богадѣльнѣ и въ губернской мужской гимназіи, которую Преосвященный Іеремія сердечно полюбилъ еще при бывшемъ ея директорѣ, а нынѣ помощникѣ попечителя Московскаго учебнаго округа К. И. Садоковѣ, и послѣ него еще болѣе пробавилъ милость свою къ ней, приславъ, еще не сущей церкви въ гимназіи, всѣ необходимыя принадлежности для Богослуженія, въ священныхъ сосудахъ, вещахъ и одеждахъ священно-служительскихъ состоящія, съ благословеніемъ на устройство въ гимназіи церкви. Кромѣ того, болѣе 1300 р. на стипендіи въ гимназіи имъ пожертвовано. Память его подобными пожертвованіями вѣчно будетъ чтиться и въ Орлѣ, и на Кавказѣ, и въ Полтавѣ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и въ разныхъ миссіонерствахъ, монастыряхъ и братствахъ православныхъ, находящихся въ другихъ епархіяхъ, кромѣ поименованныхъ. Все, что получалъ Владыка отъ щедротъ Правительства на свое келейное

содержаніе, во время покоя, онъ употреблялъ на дѣла благотворительности; на тѣ же дѣла употреблялась и пенсія на ордена Св. Анны 1-й степ. и Св. Владиміра 2 степ., полученные имъ на Кавказѣ въ 1845 и въ 1848 годахъ. Самъ же Святитель жилъ въ келліи, какъ самый строгій подвижникъ, въ постѣ и молитвѣ, пользуясь услугами отца Никона, съ ранней юности самоотверженно посвятившаго себя на служеніе великому Святителю-подвижнику. (Нынѣ іеромонахъ при Казанскомъ Архіерейскомъ домѣ).

Преосвященнѣйшій Іеремія, въ келейномъ заключеніи зорко слѣдилъ за всѣми событіями въ Церкви и Государствѣ. Добру радовался и благодарилъ за него Господа, а о злоключеніяхъ, особенно общественныхъ, изливалъ плачъ свой предъ Богомъ, въ смиренной и пламенной молитвѣ, чтобы Онъ преложилъ гнѣвъ Свой на милость. 19 февраля 1861 года, великій, свѣтлый, незабвенный въ нашемъ Отечествѣ день торжественнаго объявленія Высочайшаго манифеста о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, вызвалъ изъ глубины души великаго Святителя хвалебную пѣснь Богу отъ Лица Царя-Освободителя, отъ лица освобожденныхъ и отъ лица всей торжествующей Россіи. Это великое славословіе, состоящее изъ подбора приличныхъ событію мѣстъ Священнаго Писанія, раздѣлено на XIX частей и заканчивается сими словами; Се лѣто наше благопріятное! Се новомѣсячіе наше, достойное не трубныхъ звуковъ, но благодарственныхъ и молебныхъ изліяній сердца и устѣнъ! Се годъ седьмый, и седьмый изъ седьми! Се Пасха, новая Пасха! Укрѣпи и соверши, Боже, еже содѣлалъ еси! Аминь". Въ 1862 году совершается всероссійское торжество, по случаю тысящелѣтія Россіи. И Печерскій затворникъ, въ своей убогой, тѣсной келліи, излагаетъ на бумагѣ свои широкія, свѣтлыя, святыя думы о минувшихъ судьбахъ Россіи—своей возлюбленной Мате-

ри, изъ мрака пропілыхъ временъ изводитъ въ свѣтъ всѣ событія минувшихъ дней, радостныя и скорбныя, и отъ лица ея говоритъ: „О если бы Отецъ Небесный даровалъ мнѣ наступающее мое второе тысящелѣтіе быть Матерію, болѣе веселящеюся о чадахъ своихъ, нежели сколько утѣшалась Я ими въ оканчивающееся первое! Еже буди, буди!“ Услышитъ тя въ годину твоихъ искушеній въ наступающее твое второе тысящелѣтіе, Матерь наша Россія, услышитъ тя Господь въ день печали. Защититъ тя Имя Бога Іаковля, паче же Сладчайшее Имя Іисуса, въ Котораго вѣруешъ и Которому покланяешься, пошлетъ ти помощь отъ Святаго и отъ Сіона заступитъ тя. Помянетъ всяку жертву твою, и всесожженіе твое тучно будетъ. Дастъ ти Господь по сердцу твоему, и весь совѣтъ твой исполнитъ;—исполнитъ Господь вся прошенія твоя и первѣе всѣхъ, сіи твои и наши прошенія: „Господи Боже! Вѣрнаго Благочестивѣйшаго Царя нашего Александра Николаевича и весь Царственный Домъ Его сохрани и укрѣпи; вѣру утверди, мятущіеся народы и люди укроти; міръ умири, Святую Соборную Апостольскую церковь, повсюду во всѣхъ странахъ,—на Сѣверѣ и Югѣ, на Востокѣ и Западѣ добрѣ и непоколебимо сохрани, прежде, во всѣ минувшіе вѣки, Церкве Россійскія отшедшихъ Отецъ и братій нашихъ въ селеніяхъ праведныхъ учини, и насъ въ покаяніи и исповѣданіи пріими, яко Благій и Человѣколюбецъ. Аминь“.

Въ келейныхъ замѣткахъ Преосвященнаго, по случаю кончины Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича читаемъ слѣдующее: „Господи, упокой душу новопреставленнаго къ Тебѣ раба Твоего — душу, толико дорогую для всей Россіи! Господи, всели Его тамъ, идѣже праведніи блаженствуютъ предъ Лицемъ Твоимъ. Господи Іисусе Христе! Подкрѣпи, утѣши Твоимъ утѣшеніемъ Августѣйшихъ Его Родителей, болѣзнующихъ о Немъ, яко

безцѣнномъ Сокровищѣ Своемъ и всея любимыя Ими Россіи!... „Надежда Россіи, надежда сердца Августѣйшихъ Родителей..... всѣ сошли во гробъ въ часъ полунощный!... И не на родной землѣ. Земля чуждая! Того ли мы ждали отъ тебя! Мы ждали отъ тебя теплоты любви, мы надѣялись отъ тебя жизни, а ты даешь намъ смерть!.. Земля Русская, земля многострадальная! Сколько разъ въ твою исторію хлѣбомъ твоимъ были слезы, тяжелыя, жгучія слезы..... Гдѣ то путь душѣ Его въ премірную обитель, можетъ быть, ту, гдѣ пріиметъ въ объятія Свои Незабвенный Николай I-й преднареченнаго Николая Втораго! А хладное тѣло Его быстро несетъ теперь корабль, прежде по водамъ Средиземнаго моря, потомъ по океану Атлантическому, далѣе, по волнамъ моря Нѣмецкаго, наконецъ, мимо царства и дома Высоконареченной Невѣсты Его, чрезъ Балтійскія воды и Финскій заливъ, въ плачущую о Немъ Русскую столицу Сѣверную.... Господи! какой путь—путь далекій, не прямый, чуждый для тѣла Агнца непорочнаго! Едва ли былъ такой необычайный путь кому либо изъ Лицъ Державныхъ, по смерти Ихъ?... О кто бы намъ разъяснилъ тайну сію, въ наше наученіе!... Въ 1233 г. скончался въ Новгородѣ Ѳеодоръ Ярославичъ въ самой ранней юности, чистый дѣвственникъ, прекрасный душею и тѣломъ, старшій сынъ Великаго Князя Ярослава Всеволодовича и законный Наслѣдникъ Великаго Княженія всея Россіи. Для него готова уже была Невѣста. Гости—Князья собрались и ждали брачнаго пира... Но, по выраженію лѣтописца, вмѣсто веселія наступилъ плачь и сѣтованіе за грѣхи наши. Благовѣрные Родители съ христіанскимъ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей перенесли тяжкую потерю и ждали себѣ утѣшенія отъ втораго сына своего Александра.... Тогда не ошиблись въ своемъ упованіи Благочестивые Родители почившаго юноши. Новый Наслѣдникъ ихъ успѣлъ еще при жизни Отца прославиться воинскими подвигами, а, вступивъ на престолъ Великаго Княженія, доблестный Князь

былъ защитникомъ Русскихъ предѣловъ отъ нѣмцевъ, Литвы и Шведовъ, много потрудился для внутренняго устройства Россіи и, по блаженной кончинѣ, содѣлался заступникомъ земной родины. Это былъ святый Александръ Невскій. Да исполнится и нынѣ надъ Августѣйшими Родителями усопшаго Царственнаго юноши то благословеніе, котораго удостоились Родители святаго Князя Ѳеодора, нетлѣнно почивающаго въ великомъ Новгородѣ. Новый Наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый ему Витязь Невскій, утѣшеніемъ Державныхъ Родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи! Да будетъ онъ подобенъ двумъ Вѣнценоснымъ Александрамъ — Благословенному Александру, Освободителю Европы, и Державному-Освободителю многихъ милліоновъ народа Русскаго! Ей — Амины! Тако да воззовемъ и взываемъ отъ всей души всѣ сыны Россіи"! Утѣшительное воспоминаніе объ усопшемъ Цесаревичѣ Наслѣдникѣ: „12 августа 1861 года Государь Цесаревичъ, Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола, Николай Александровичъ изволилъ посѣтить Нижегородскую Печерскую обитель, во время всенощнаго бдѣнія, въ навечеріи дня воскреснаго. Это было наканунѣ Твоихъ, Святителю Тихоне, Подвижниче Задонскій, святыхъ мощей открытія и въ первое отправленіе службы, въ честь Твою. Благоговѣйно слушая рядовую каоизму, Государь Наслѣдникъ весьма замѣтно и умѣстно остановился вниманіемъ Своимъ на сихъ словахъ псалтиря: Сохрани мя, Господи, яко на Тя уповахъ. Псал. 15, 1. И приклони ухо твое Мнѣ, и услыши глаголы моя. Псал. 16, 6. Когда послушникъ Симеонъ произносилъ сіи слова, то Цесаревичъ ограждалъ себя истовымъ крестнымъ знаменіемъ и съ особеннымъ молитвеннымъ движеніемъ преклонялся. Что это, какъ не убѣжденіе для насъ, что отшедшій отъ насъ Цесаревичъ отшелъ, да выну молится за Россію предъ Престоломъ Царя Царствующихъ, что вмѣсто наслѣдія земнаго, онъ будетъ и есть Наслѣдникомъ небеснаго Царства и что

упованіе его, яко же онаго Ѳеодора, безсмертія присноблаженнаго исполнено и что Богъ искусилъ его и обрѣто Себѣ достойна, яко же святаго сына блаженныхъ родителей Ярослава и Ѳеодосіи и брата святаго Александра Невскаго. Еже буди, буди!"

Переселяется изъ міра дольняго въ міръ горьній приснопамятная Царица наша, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна, и Святитель Божій пишетъ въ Нижегородское Епархіальное Попечительство: „Съ умиленіемъ прочитавъ въ № 114 Нижегородскаго Биржеваго Листка статью о кончинѣ, матернемъ сердоболіи, во многихъ скорбяхъ истинно-христіанскомъ терпѣніи и страданіи Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Александровны, прошу принять въ память Ея — Великой вдовъ и сиротъ Благотворительницы и Великой Крестопосицы, сію лепту (50 р.) въ пользу сиротъ и вдовицъ, призрѣваемыхъ въ здѣшней Крестовоздвиженской обители, съ моленіемъ, да упокоитъ Христосъ Богъ, Спаситель нашъ, душу новопреставленныя рабы Божіей, Царицы нашей Маріи и да укрѣпитъ и утвердитъ духъ новымъ крестомъ увѣнчаннаго Благочестивѣйшаго Государя нашего, Императора Александра Николаевича".

Мученическая кончина Государя Императора Александра Николаевича вызвала Преосвященнѣйшаго Іеремію къ одному изъ членовъ Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Кіевскому, на письмо слѣдующаго содержанія: „по убожеству моему, не имѣя ни слова, ни дара, достойнаго быть принесеннымъ на священнѣйшую могилу Царя нашего Мученика Александра Николаевича, дерзаю повергнуть сіе мое чувство, яко лепту малу. Совершилось у насъ злодѣяніе безпримѣрное, совершилось на землѣ Русской дѣло, опозорившее всю Русь православную! Можетъ-ли что-либо возстановить нашу честь народную, отнять отъ насъ

позоръ всенародный, вѣчный? Такъ взываютъ теперь Россіяне и въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ своихъ. Есть, есть средство къ сему. Можетъ это сдѣлать, хотя не вполнѣ, всенародный постъ, каковый нѣкогда Святая Церковь установляла и исполняла при великихъ бѣдствіяхъ, наступавшихъ, или угрожавшихъ.

Крамольная язва проникла глубоко и широко. Всенародный нашъ постъ, между прочими мѣропріятіями, при Божіемъ благословеніи, послужилъ-бы къ посрамленію крамольниковъ и къ уничтоженію крамолы. Не всѣ-ли мы виновны предъ Царемъ нашимъ? Такъ, ибо —при многомилліонномъ множествѣ мы не съумѣли сберечь Его отъ убійцъ своихъ, среди насъ родившихся и воспитавшихся. Не заслужили-ли мы за него гнѣвъ Божій и кару?... Всенародная эпитимія была-бы очищеніемъ нашимъ предъ несохраненнымъ нами Помазанникомъ Божіимъ и умилостивительною жертвою предъ Господомъ Богомъ, и сія жертва была-бы для Него пріятнѣе всѣхъ выраженій нашихъ, устныхъ и письменныхъ. Наконецъ, въ нашемъ общемъ, умилостивительномъ, ради Боговѣнчаннаго Страстотерпца всея Россіи, поученіи показанъ-бы былъ великій, многознаменательный урокъ для всего міра, зело благопотребный въ настоящую годину. 20 марта 1881 года“.

По тому же скорбному событію, содѣлавшему всю вѣрноподданную Россію плачущею и рыдающею, Преосвященный Іеремія священнику Мининской богадѣльни въ Нижнемъ-Новгородѣ о. Доримедонту Покровскому писалъ сіе: „Вчера вы приняли просфору для раздачи старцамъ и старицамъ, Козьмо-Мининскимъ питомцамъ. Примите для нихъ же меду, чтобы скушали благоговѣйно, благодарно, и молитвенно памятуя мученически скончавшагося Государя нашего Императора Александра Николаевича. По истинѣ, великій даръ Божій имѣли мы въ жизни Его, великихъ,

царскихъ подвиговъ исполненной. Нынѣ Онъ есть для Россіи даръ Всевышняго большій... Царь-мученикъ, Монархъ-страстотерпѣцъ, вѣнценосный Помазанникъ Божій въ вѣнцѣ мученическомъ, Александръ II-й, первенецъ незабвеннаго Основателя сего Богоугоднаго пріюта, Государя Николая Павловича, въ ликѣ мучениковъ!.... Онъ единъ не за десятки, не за сотни, а за тысячи мучениковъ отъ лица всего царства русскаго предъ Всевышнимъ! Буди, буди Онъ, и — вѣруемъ, будетъ Онъ предстателемъ и молитвенникомъ за насъ, грѣшныхъ, и за всю, многогрѣшную предъ нимъ, Россію! Мы же да чувствуемъ, что Ему честь и слава во вѣки, намъ же срамъ и стыдѣніе!... „Подъ 13 марта въ дневной записи значится замѣтка: „Какъ кончина Его (Императора Александра Николаевича), такъ и первые дни и часы жизни Его запечатлѣны особою печатію. День Его рожденія во Святую Пасху. По крещеніи Онъ возложенъ на Святыя мощи Святителя Алексія. Родился Онъ въ первопрестольной столицѣ Россіи—Москвѣ. Приснопамятный Родитель Его, Государь Николай Павловичъ, тогда же написалъ собственноручное письмо въ Сергіеву Лавру сіе: „Господь Богъ даровалъ Мнѣ первенца сына Александра: прошу предъ мощами Преподобнаго Сергія утвердить лампу, да неугасимо горитъ“... Какія предзнаменованія чудныя, святыя, свыше являющіяся“.

Происходитъ послѣдняя война Россіи съ турками за единовѣрныхъ братій нашихъ, Славянъ, и Святитель-Подвижникъ, яко добрый воинъ Христовъ, мысленно переносится на кровавое мѣсто брани, видитъ тамъ разворенные грады и веси, слышитъ плачъ и стенаніе несчастныхъ обитателей, изъ коихъ одни лишились всего своего достоянія, другіе остались безъ дѣтей, убитыхъ врагами, а иные лишились родителей, звѣрски растерзанныхъ турками и, мысленно видя и слыша всѣ несчастія соплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа, изъ своей келліи въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ

пишетъ въ нашу духовную консисторію слѣдующее: „Чувствуя общій нашъ долгъ, кромѣ убогой моей молитвы за Царя, за воинство, подвизающееся нынѣ въ тяжкой брани за святую, православную церковь и за бѣдствующихъ чадъ ея — нашихъ братій, — послужить чѣмъ-либо въ помощь симъ послѣднимъ, покорнѣйше прошу принять пенсію на орденъ Св. Анны 1-й степени, мною носимый и полученіе ея съ 1 сего мая (1877 г.) до окончанія освободительнаго дѣла (благоноспѣши Господи Боже!), доставлять, куда слѣдуетъ". По тому же поводу, 23 апрѣля 1877 года въ письмѣ къ одному изъ досточтимыхъ имъ духовныхъ лицъ, Орловской епархіи, Преосвященный Іеремія, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Вотъ и въ обители уединенной, гдѣ я привитаю, провозглашенъ манифестъ о войнѣ ужасающей. Выслушавъ его, подобаетъ намъ денно-нощно повторять тѣ священнѣйшія, многознаменательныя слова, кои благостнымъ, благодатнымъ и миротворнымъ Царемъ нашимъ, смиренно-мудренно произнесены, и на военномъ крестѣ 1855 года начертаны: На Тя, Господи, уповахомъ: да не постыдимся во вѣки.

Въ настоящую годину молитвою души Его была молитва Христа Спасителя: Отче! Да мимоидетъ отъ Мене чаша сія. Но судьбы Царя Царей неисповѣдимы!...

Съ Нимъ станемъ усердно молиться, да все, еже быть, еже есть и еже совершится, будетъ къ славѣ Пресвятыя Троицы—Отца, и Сына и Святаго Духа, и Матери нашея Святыя Православныя Церкви!!"

По поводу кончины въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго, Преосвященнѣйшій Іеремія написалъ брату покойнаго, бывшему настоятелю С.-Петербургскаго Казанскаго собора Александру Петровичу Булгакову, слѣдующее письмо: „Особенность отношеній моихъ къ почившему бра-

ту вашему, Высокопреосвященному Митрополиту Макарію; всюду и выну приснопамятность моя о немъ и сердечное чувство къ нему внушили мнѣ обратиться къ вамъ, досточтимый отецъ протоіерей, дабы раздѣлить съ вами и скорбь о лишеніи его и молитву объ упокоеніи души его. Почившій высокопреосвященнѣйшій Братъ вашъ въ академическомъ юношествѣ своемъ постоянно былъ на глазахъ моихъ. По должномъ приготовленіи, онъ отъ моего недостоинства принялъ постригъ въ иночество, предъ Кіево-Братскою иконою Пресвятыя Богородицы, и имя Кіевскаго Митрополита, священно-мученика Макарія.

Первый ученый его трудъ—исторія Кіевской Академіи мною на него возложенъ, отъ котораго онъ долго, по болѣзни, отрекался и который, по напечатаніи, онъ тотчасъ прислалъ мнѣ на Кавказъ, съ благодарностію.

Между многими воспоминаніями о Немъ, благодарно воспоминаю и сіе: Вамъ извѣстна судьба перевода Библіи, сдѣланнаго отцемъ протоіереемъ Герасимомъ Павскимъ. Этотъ переводъ студентами Санктпетербургскими былъ рекомендованъ для выписки нашимъ студентамъ Кіевскимъ. Почему бы не исполнить предложенія, по примѣру прочихъ? Но господинъ Михаилъ Булгаковъ, будучи на тотъ разъ череднымъ старшимъ, явился ко мнѣ за разрѣшеніемъ... Высочайшаго повелѣнія тогда еще не было объ отобраніи всѣхъ до единой вездѣ книги, но я какъ бы по предчувствію не разрѣшилъ.

Дрогнула моя душа, когда отъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета Кіевскаго получилъ я грозное предписаніе, объ исполненіи Высочайшей Николая Павловича воли отобрать книгу.

Каковая же была мнѣ радость, когда во всей Ака-

деміи нашелся только одинъ экземпляръ – у Якова Козмича! (Профессора).

И такъ, еще и еще взывая: упокой, Христе Боже, душу великаго труженика и Архипастыря, первосвятителя Московскаго, Макарія, имѣю честь быть вашимъ и Его посильнымъ слугою, Богомольцемъ и чтителемъ неизмѣннымъ недостойный Епископъ Іеремія. 17 іюня.

Ревновалъ Святитель-затворникъ и объ охраненіи святости дней воскресныхъ и Великаго поста отъ торжищъ, сопровождающихся дѣлами, не соотвѣтствующими иногда требованіямъ этихъ дней. Въ 1877 году, пиша поздравительное письмо со днемъ рожденія къ одному изъ членовъ Святѣйшаго, Правительствующаго Сунода, ревнующій о святости дней воскресныхъ и первой седмицы святой великой четыредесятницы, въ письмѣ этомъ, между прочимъ, прибавляетъ слѣдующее: „Много радуетъ перенесеніе торжищъ съ дней воскресныхъ на простые. Какъ бы утѣшительно и Богоугодно было, если бы съ первой седмицы Великаго поста, въ Ростовѣ позорящей торжищемъ и обычными неистовствами сырной седмицы, удаленъ былъ этотъ позоръ! и это Вамъ возможно въ дни Ваши, съ помощію Первосвятителя Москвы, которая болѣе всѣхъ упрочила и поддерживаетъ этотъ соблазнъ и притонъ, чрезъ нѣсколькихъ торговцевъ“.

Такъ Святитель Божій въ своемъ келейномъ, добровольномъ заключеніи чутокъ былъ сердцемъ своимъ ко всѣмъ событіямъ отечества и церкви. Также чутокъ былъ затворникъ-святитель и ко всякому доброму начинанію ревнителей храмовъ Божіихъ и созидателей иноческихъ обителей и Богоугодныхъ заведеній: „Миръ вамъ и Божіе благословеніе! – пишетъ онъ 26 мая 1875 г. изъ своей келліи одной благочестивой гражданкѣ Нижняго-Новгорода. Нынѣ посѣтилъ меня Преосвященнѣй-

шій Іоанникій. Онъ вполнѣ раздѣляетъ и благословляетъ мою и вашего отца духовнаго мысль, чтобы домъ вашъ былъ дарствованъ вами для престарѣлыхъ и для болящихъ бѣдныхъ нижегородцевъ всякаго состоянія, съ посвященіемъ его имени святаго великомученика Пантелеимона и съ устройствомъ въ немъ церкви Свято-Пантелеимонской. Аще Господь дастъ вамъ успѣть въ дѣлѣ семъ, то имя вашихъ родителей и ваше на вѣки вѣковъ будетъ въ благодарной памяти всего града, яко благодѣтелей въ нищетѣ и болѣзни безъ крова сущихъ, и домъ вашъ будетъ носить свѣтлое, досточтимое и для всѣхъ любезное названіе". Желаніе преосвященнаго исполнилось. Домъ отданъ подъ пріютъ, и церковь домовая въ январѣ 1878 года освящена Высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ.

Созидаетъ Преосвященнѣйшій Антоній, бывшій Епископскій, нынѣ Епископъ Пензенскій, въ Красноярскѣ обитель, и Владыка-отшельникъ посылаетъ ему при письмѣ малую лепту (50 руб.) въ основу этого учрежденія, въ твердой увѣренности, что обитель созидаемая сослужитъ великую службу для всего края, наполненнаго и наполняемаго осужденными грѣшниками и преступниками, между которыми есть уже пришедшіе въ чувство и сознаніе своей преступности... Для таковыхъ чадъ обитель Красноярская будетъ прибѣжищемъ, наставницею и утѣшеніемъ.

Зараждается у именитыхъ гражданъ Нижняго-Новгорода благая мысль—устроить въ Нижнемъ-Новгородѣ новый храмъ во имя Воскресенія Христова, въ память Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и Святитель спѣшно пишетъ градскому головѣ, В. А. Соболеву, въ основаніе этого дѣла свое благословеніе и 50 р. Закладка этого храма была совершена лѣтомъ 1884 г.

Совершается въ Нижегородскомъ Аракчеевскомъ

Кадетскомъ Корпусѣ пятидесятилѣтнее юбилейное торжество, и Святитель-подвижникъ изъ своего затвора, 17 марта 1884 года, отцу протоіерею и законоучителю Корпуса А. А. Крылову пишетъ слѣдующее: „Слыша о торжествѣ, совершившемся въ Корпусѣ Нижегородскомъ въ Бозѣ почивающаго графа Алексія Андреевича Аракчеева, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его, и воспоминая то утѣшеніе и удовольствіе, коими исполнялась душа моя, при видѣ Богобоязненнаго поведенія гг. кадетъ въ жильѣ ихъ и благоговѣйнаго предстоянія въ храмѣ Божіемъ, во время моего законоучительства въ одномъ изъ С.-Петербургскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, я не могъ не сочувствовать торжеству Аракчеевскаго военнаго винограда. Посему прошу начальство его и васъ принять сію панагію архіерейскую съ изображеніемъ лика Пресвятыя Богородицы, именуемыя Тихвинскою, и утвердить ее на приличномъ, видномъ мѣстѣ въ Корпусной церкви.

Божія благословенія и милости испрашивая воспитателямъ и воспитанникамъ, есмь и пребуду вашъ благожелатель, еще и Богомолецъ, 84 лѣтній Епископъ Іеремія".

Въ своемъ келейномъ уединеніи Преосвященный Іеремія, неослабно подвизаясь въ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, любилъ обращаться своею мыслію и къ прошедшему времени своей жизни, освѣщая оное воспоминаніемъ о разныхъ замѣчательныхъ событіяхъ оной, начиная съ дѣтства. „Отъ Господа исправляются стопы мужу и такъ же юнопѣ, пишетъ Преосвященный. Милость сію Господню испыталъ я надъ самимъ собою. Въ 1814 г. въ мѣсяцѣ октябрѣ, бывъ въ Философіи, на 15 году жизни, я, частію, по бѣдности родителя своего, а частію по трудности сей науки для моей юности, склонился было исключиться изъ семинаріи для поступленія въ гражданскую службу. О чемъ совѣщался съ двумя сотова-

рищами подать прошеніе къ Преосвященному Досиѳею; для подачи прошеній назначили слѣдующій день. Имъ тотчасъ удалось начисто переписать просьбу. А я не возмогъ. Помня материнское наставленіе объ усердной молитвѣ, я, приступивъ къ дѣлу, горячо молился о благословеніи и помощи и по молитвѣ сталъ писать, но на своемъ имени ошибся и испортилъ. Думая, что это отъ недостатка молитвы, я еще поусерднѣе помолился и опять сталъ писать, но ошибка и порча на томъ же мѣстѣ.— Опять къ молитвѣ и къ дѣлу; но опять титулъ Архіерейскій исправно написалъ, а испортилъ на своей фамиліи. Еще помолился и еще испортилъ. И такимъ же образомъ до семи разъ. Уставъ отъ поклоновъ и письма, я оставилъ дѣло и двумъ тѣмъ товарищамъ объявилъ, что не успѣю вмѣстѣ съ ними; и потому они бы подавали прошенія, а я послѣ. Такъ и сдѣлалось. Не теряя времени, они подали прошенія, а я остался. Но они получили резолюцію, чтобъ наказать ихъ публично за своеволіе, а я спасся отъ сего позора, о которомъ, услышавъ, родители тяжко бы болѣли. Въ 1819 году, въ мѣсяцѣ іюлѣ, при выпускѣ моемъ изъ семинаріи (Орловской), по обычаю было производимо намъ испытаніе. По Богословію догматическому и нравственному мнѣ удалось, какъ и надѣялся, съ помощію Божіею сдать отчетъ хорошо и съ похвалою. Но экзаменъ по Исторіи Церковной, которую худо зналъ я, устрашалъ меня будущимъ студомъ. И вотъ, не помню въ какое число, пришли экзаменаторы—Ректоръ въ Бозѣ почивающій Архимандритъ Владиміръ и Инспекторъ Иринархъ. Первенецъ нашего класса, Иванъ Борисовъ занималъ первое мѣсто; я не по достоинству, а по дѣтской привязанности къ нему, подлѣ него. Предъ вызовомъ, по списку, его, а потомъ меня, я открываю ему свое горе и страхъ на душѣ. Я и самъ не безъ страха, отвѣчаетъ. Но вотъ что сдѣлаемъ для нашего спасенія: возмемъ билетовъ 12: всѣ не выслушаютъ, а изъ 12 можно одинъ, два найти знакомые. Такъ онъ и сдѣлалъ. А я не согласился на сію мѣру,

не надѣясь изъ 12 получить и одинъ знакомый. И потому обратился къ молитвѣ и къ Богу. — Боже мой! всѣми моими внутренними чувствами взывалъ я, какъ сейчасъ утопающій, — Боже мой, Господи! даждь мнѣ билетъ 24-й, 24-й, а не другой какой посли мнѣ билетъ. — Среди сей молитвы, когда Борисовъ окончилъ, раздалась въ залѣ фамилія: Соловьевъ. Съ трепетомъ, но съ тѣмъ же взываніемъ сердечнымъ къ Богу подхожу къ столу, посреди зала, — дѣлаю какое-то движеніе рукою по билетамъ скрытымъ и къ изумленію моему читаю на взятомъ билетѣ 24-й. — Отецъ Ректоръ! Видите ли, воскликнулъ я, не обнаруживая тайны—24-й.— Это изъ 9-го періода Ветхозавѣтной Церкви о созданіи втораго храма и проч. — Радость моя была несказанна; и мнѣ стало понятнѣе, какъ Моусей молча молился — вопіялъ предъ Чернымъ моремъ. Нѣчто подобное было съ Иннокентіемъ Пензенскимъ Епископомъ: ему предъ экзаменомъ было во снѣ приказано выучить статью, которую онъ не зналъ: онъ послушался, выучилъ; и диво! она спрошена была на экзаменѣ".

„О Пасха велія и священнѣйшая, Христе! Колико благъ, колико милостей, колико Пасхъ моихъ лично, колико избавленій сподобился я въ дни Твои!... Предъ днями Твоими я грѣшный рожденъ въ бытіе, и возрожденъ въ паки бытіе; въ праздникъ Твой я спасенъ чудно отъ низверженія съ обрывистой горы въ глубину рѣки, когда будучи младенцемъ одинъ брелъ къ литургіи Пасхальной; въ дни Твои низринулся съ колокольни и поднятъ почти мертвымъ.... Въ утро Твое, о Пасха Господня, тотчасъ послѣ литургіи Божественной врученъ мнѣ указъ о пожалованіи меня въ санъ Епископа; въ четвертокъ Твой нареченъ я во Епископа въ лаврѣ Кіевской; въ Антипасху совершена хиротопія моя во Епископа въ великой церкви лаврской.. Въ ночь Твою, о Пасха новая, таинственная, въ ночь воистину священную и всепразднственную управилось мнѣ

прибыть на Кавказъ на паству новую и первое мое здѣсь Священнослуженіе было—Пасхальная чудная утреня, къ неизъяснимому восторгу всего населенія Ставропольскаго и окрестнаго. Въ Антипасху совершено открытіе администраціи церковной Кавказской. При сихъ и другихъ Пасхальныхъ событіяхъ въ моей многогрѣшной жизни колико разъ взывалъ я единое сіе: Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! Христе Воскресшій! слава Тебѣ со Отцемъ и Духомъ Святымъ"...

„Спрашиваете Вы: почему я одного изъ своихъ питомцевъ на Кавказѣ посвятилъ преемственно святому имяни святаго Димитрія Ростовскаго?—Потому, что въ одно время, когда я не видѣлъ никакого успѣха почти въ обученіи своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ и смотрѣлъ на себя, какъ на inutile pondus, мнѣ стало крайне грустно; уныніе овладѣло мною и скорбь смертельная, мнѣ приснилось вотъ что: будто я лежу въ какомъ-то мрачномъ мѣстѣ, безъ постели, на землѣ, въ горѣ. И вотъ приблизился ко мнѣ Нѣкто и говоритъ мнѣ: „Что ты скорбишь: я за тебя молюсь". Нѣкто сей былъ Святитель Димитрій Ростовскій, какъ мнѣ сказалось на сердцѣ ободренномъ. Притомъ старецъ мой (Смарагдъ) имѣлъ особенную вѣру и преданность къ сему Угоднику Божію и, отправляя меня изъ обители для науки, ему мое окаянство вручилъ".

„Спрашиваете Вы: почему я одного изъ моихъ питомцевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ посвятилъ святому имяни преподобнаго Сергія? — Потому что въ одно время былъ я въ крайне стѣснительномъ и безвыходномъ положеніи, какъ будто въ перушкѣ, и вотъ 25-го сентября, въ день памяти преподобнаго Сергія, задремалъ я, лежа на полу, и вижу я два пера гусиныхъ; изъ нихъ я извлекся нѣкоею невидимою силою... и обстоятельства моего быта измѣнились. Богъ далъ мнѣ и мѣсто, и трудъ, и поприще для дѣла довольно просторное. Эту милость

я приписываю молитвѣ преподобнаго Сергія, имя котораго первѣе всего я почувствовалъ въ нѣжныхъ объятіяхъ дѣда моего—Ѳеоктиста".

„Спрашиваете, почему я одного изъ питомцевъ моихъ посвятилъ имяни Отца Серафима Саровскаго? По милости ко мнѣ Божіей, никто, кажется, не имѣлъ такихъ друзей—вѣрныхъ, великодушныхъ,—какъ я грѣшный: Смарагда Свѣпскаго Архимандрита, Иннокентія Архіепископа Херсонскаго, Николая Епископа Тамбовскаго и другихъ..... Но не былъ и безъ враговъ, по грѣхамъ моимъ; здѣсь... одинъ изъ нихъ такъ сильно противъ меня воздѣйствовалъ, что мнѣ угрожала потеря чести, мѣста (подобно какъ на Кавказѣ). Среди этой опасности, для меня невидимой, я отправился по епархіи. Но какъ въ Саровѣ отъ грѣшной юности моей хотѣлось мнѣ побывать во чтобы то ни стало, то милосердою ко мнѣ судьбою Божіею, бывъ поставленъ въ толь близкомъ сосѣдствѣ съ сею блаженною обителію, я всею душею стремился къ ней хоть на нѣсколько часовъ. И вотъ я уже въ Ардатовѣ: въ раннее утро предположено мною ѣхать въ Саровъ негласно; и вотъ предъ восходомъ солнечнымъ вижу во снѣ, будто въ правой моей рукѣ рана большая, гніючая; въ ней большое насѣкомое, грызущее, но безъ боли. Увидѣвъ это, я крайне возмутился и, плача, говорилъ: Ахъ Боже мой! Какъ же я теперь буду служить? Какъ благословлять? И вотъ среди этого вопля моего сердечнаго приблизился ко мнѣ старецъ и спросилъ: Что съ тобою? Я показалъ ему руку и рану: онъ взялъ мою грѣшную десницу, всмотрѣлся въ язву и вынулъ изъ нея грызущаго звѣрка. Я проснулся и тотчасъ поскакалъ мимо Дивѣевской общины въ Саровъ, исполняя мое намѣреніе — не прежде быть у этого чада Серафимова почти и тогда также бѣдствовавшаго отъ навѣтовъ, какъ и теперь,—не прежде заняться умиротвореніемъ ея, какъ поклонясь ея Отцу Серафиму.—Цѣлителемъ моей руки я не могъ не

признать Отца Серафима.... Возвратясь, я узналъ весь подкопъ подо мною.... Подкопателя не стало.... и дѣла мои пошли прямо. Вотъ поясненіе моей стипендіи Серафимовской".

Тутъ же, въ келейномъ уединеніи Печерскаго монастыря Преосвященный Іеремія написалъ и свои воспоминанія о Высокопреосвященномъ Иннокентіи, Херсонскомъ Архіепископѣ, начавъ писать ихъ 17 октября 1857 года.

Преосвященный Іеремія навсегда сохранилъ добрую память и объ Академіи, давшей ему высшее богословское образованіе, какъ благодарный, признательный сынъ о матери. На Богослужебной церковной книгѣ „Октоихъ", сирѣчь „Осмогласникъ", его собственной, на страницѣ 396, въ концѣ канона молебнаго ко Пресвятой Богородицѣ, приклеенъ печатный планъ Петербургской Духовной Академіи при Александроневской лаврѣ, съ слѣдующею, собственноручною, вверху плана, надписью: „Призри съ небесе, Боже, и посѣти виноградъ сей, и утверди его, да въ немъ выну и во вѣки будетъ благословенно и препрославленно Пресвятое имя Твое —Отца, и Сына, и Святаго Духа. Да будутъ благословенны насадители и дѣлатели его! И да почіетъ милость и благодать Твоя на тѣхъ, иже возрастили и возращаютъ, уготовлялись и предуготовляются въ немъ во спасеніе ближнихъ и во славу Пресвятыя Троицы. Аминь". Въ благодарную память за свое образованіе въ Академіи Онъ въ іюлѣ 1879 года препроводилъ въ Академическую церковь Іерусалимскій крестъ съ частицами Святыхъ мощей, дарствованый ему Первосвятителемъ Кіевскимъ Митрополитомъ Филаретомъ.

Сочиненій Преосвященнаго Іереміи очень много и они находятся въ рукописяхъ — въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Кавказской духовной семинаріи, въ Кавказской обители Іоанно - Маріин-

ской, въ Полтавѣ — при Архіерейскомъ домѣ, въ Орловской духовной семинаріи и у родственника Преосвященнаго Іереміи, Нижегородской Похвалинской церкви настоятеля, священника Доримедонта Васильевича Покровскаго. Судя по оглавленіямъ рукописей, сочиненія эти составятъ, если будутъ отпечатаны, богатый вкладъ въ Сокровищницу духовной литературы. Особенное вниманіе наше остановилось, при чтеніи перечня рукописей Преосвященнаго, на оглавленіи его рукописнаго сочиненія: „Сокровищница сельскихъ духовныхъ уроковъ“ (366 уроковъ). При составленіи для поселянъ сей духовной Сокровищницы, пишетъ Преосвященный, имѣлось въ виду доставить имъ чтеніе простое, душеполезное, подручное, какъ въ школахъ, такъ и въ жилищахъ ихъ, и желалось, чтобы изъ нея получались необходимыя для христіанина понятія о всѣхъ предметахъ вѣры и дѣятельности христіанской. Посему изложенные въ ней уроки большею частію заимствованы отъ вещей и словъ, въ житейскомъ быту встрѣчныхъ и обычныхъ и, кромѣ отдѣльныхъ размышленій, содержатъ въ себѣ поясненія о Символѣ вѣры, десяти заповѣдей, о молитвѣ Господней, о таинствахъ, о Божественной литургіи, также свѣдѣнія о соборахъ, о церкви и проч. Святые, живоносные источники, изъ которыхъ взималось это поясненіе, суть: духовное сокровище Святителя Тихона Задонскаго, отъ міра собранное, шестодневъ Святаго Василія Великаго, Голговскія поученія, говоренныя Святымъ Кирилломъ Іерусалимскимъ, творенія Святыхъ Аоанасія и Кирилла Александрійскихъ и Святаго Іоанна Златоуста, катихизисъ и зерцало православнаго исповѣданія Святителя Димитрія Ростовскаго. Дабы облегчить память и разумѣніе, всѣ предметы предложены въ вопросахъ и отвѣтахъ. Аще сокровищница эта удостоится изданія въ свѣтъ, то лепта отъ нея да будетъ въ пользу бѣдныхъ и немоществующихъ, по усмотрѣнію церковныхъ попечительствъ и начальства въ Богохранимыхъ паствахъ Нижегородской и Орловской.

Въ сей да принадлежитъ оная уроженцамъ уѣздовъ— Елецкаго и Ливенскаго. О семъ прошу и молю. Паче же молю, да благословитъ и пріиметъ Господь Богъ сію скудную жертву. Аминь". Эта рукопись находится въ библіотекѣ Нижегородской духовной семинаріи.

Преосвященнѣйшій Іеремія, отъ дней дѣтства своего стремившійся къ жизни отшельнической и въ свое Архипастырство, по управленію епархіями Кавказской, Полтавской и Нижегородской, не оставлявшій этого завѣтнаго своего стремленія, по увольненіи отъ управленія Нижегородскою паствою на покой, возъимѣлъ рѣшительное намѣреніе принять схиму, какъ высшій чинъ подвижничества монашескаго. Вотъ его келейная замѣтка по сему предмету, 8 января 1858 г., утромъ. „Вчера, по молитвѣ Господу моему Іисусу Христу, на Іорданѣ явльшемуся и также помолясь Святому Іоанну Крестителю, нѣкоею особенною, моему окаянству приличною молитвою возжелалъ и предъ Ними духомъ и усты моими изрекъ желаніе мое принять схиму, аще благоволитъ на сіе Господь, съ переименованіемъ во Іоанна, аще не отринетъ Великій и Св. Іоаннъ Предтеча, чтобы съ Именемъ Его явился я туда, въ вѣчность. Исполняяй во благихъ желанія прибѣгающихъ къ Тебѣ, Господи, исполни сіе мое желаніе во время свое". Желаніе Преосвященнѣйшаго Іереміи исполнилось въ 1860 году, когда онъ тайно принялъ схиму, съ именемъ Іоанна, отъ схимонаха Печерскаго монастыря Мардарія, какъ это видно будетъ изъ слова Преосвященнѣйшаго Макарія, при погребеніи Преосвященнаго Іереміи.

Преосвященный Іеремія въ своей келліи охотно принималъ посѣщавшихъ его лицъ всякаго званія и состоянія. Нижегородцы благоговѣли предъ Нимъ и въ каждомъ важномъ или скорбномъ событіи въ своей жизни просили его совѣтовъ и благословенія. Не задолго, дней за 10-ть до кончины его, Онъ,

больной уже, принялъ Высокопреосвященнѣйшаго Казанскаго Палладія съ нашимъ Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ и бесѣдовалъ съ ними. За три дня до своей блаженной кончины, 3-го декабря, пригласилъ къ себѣ духовнаго отца своего, іеромонаха Благовѣщенскаго монастыря Серафима и, послѣ краткой исповѣди (Преосвященный Іеремія, во время болѣзни, много разъ былъ исповѣданъ и пріобщенъ, а также принялъ таинство елеосвященія), просилъ прочесть канонъ молебный на исходъ души. До послѣдняго, смертнаго вздоха онъ сохранилъ твердость памяти и сознанія. Послѣднія слова его были: „пора домой“. Жизнь угасла тихо, спокойно, безъ всякихъ видимыхъ признаковъ смертной агоніи, 6 декабря, въ 11½ часовъ дня. О кончинѣ Его дано было знать въ каѳедральный соборъ, гдѣ совершалось Архіерейское служеніе и гдѣ настоятель Благовѣщенскаго монастыря, Архимандритъ Лаврентій, былъ въ числѣ сослужащихъ. По окончаніи Богослуженія въ каѳедральномъ соборѣ, тутъ же сдѣлано распоряженіе объ увѣдомленіи Преосвященнѣйшаго Поликарпа, Викарія Нижегородской епархіи, о смерти въ Бозѣ почившаго Святителя, а также относительно непрерывнаго чтенія Евангелія при гробѣ Почившаго, относительно панихидъ при гробѣ и въ церквахъ нижегородскихъ и относительно времени и церемоніала погребенія. Панихиды при гробѣ совершались Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ въ сослуженіи братіи монастыря и каѳедральнаго собора каждодневно два раза. Были совершены панихиды и въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ мужской гимназіи панихида была совершена въ присутствіи начальства, учащихъ и учащихся 8 декабря, по окончаніи классныхъ, учебныхъ занятій. Предъ панихидой г. директоромъ гимназіи, А. Л. Миротворцевымъ, сказана была рѣчь, проникнутая чувствомъ особеннаго благоговѣнія къ почившему Святителю, о благодѣяніяхъ почившаго, оказанныхъ мужской гимназіи. Законоучитель гимназіи, вслѣдъ за господиномъ директоромъ, вкратцѣ

обрисовалъ въ своей рѣчи свѣтлую личность въ Бозѣ почившаго, его широкое для добра сердце и его непрестанныя щедродательныя заботы о дарованіи средствъ учащимся дѣтямъ къ образованію ихъ, достойныя вѣчно жить въ благодарной памяти облагодѣтельствованныхъ имъ и — потомства. Знаемъ также, что нижегородскій Аракчеевскій кадетскій корпусъ почтилъ новопреставленнаго Святителя торжественною панихидою. Тѣло почившаго положено было въ гробъ 6 декабря, въ 5 часовъ вечера, и вынесено изъ холодной Андреевской церкви въ теплую Успенскую, гдѣ были совершаемы панихиды и гдѣ 9 декабря совершена была заупокойная литургія и затѣмъ погребеніе Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ вкупѣ съ Преосвященнѣйшимъ Поликарпомъ, Епископомъ балахнинскимъ, Викаріемъ нижегородскимъ, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, протоіереевъ каѳ. соб. и іеромонаховъ Благовѣщенскаго монастыря. Въ совершеніи погребенія участвовали многіе настоятели изъ нижегородскихъ церквей. При церемоніи погребенія присутствовали: г. начальникъ губерніи Н. М. Барановъ, вице-губернаторъ П. В. Неклюдовъ, губернскій предводитель дворянства И. С. Зыбинъ, уѣздный предводитель дворянства М. П. Андреевъ, генералъ Назаровъ, г. директоръ гражданской гимназіи А. Л. Миротворцевъ съ нѣкоторыми изъ наставниковъ и учениковъ. А также гг. директоры другихъ учебныхъ заведеній съ воспитанниками, полиціймейстеръ Н. Г. Каргеръ, городской голова В. А. Соболевъ, заступающій мѣсто городскаго головы А. С. Гацискій, директоръ общественнаго банка А. М. Губинъ и многіе изъ гласныхъ городской думы. За литургіей произнесено было слово каѳедральнымъ протоіереемъ П. А. Владимірскимъ. Вотъ слово это:

„Восхвалимъ, отцы и братія, усопшаго святителя, лежащаго въ семъ гробѣ. Усопшій—это была личность свѣтлая. Къ нему и вы, граждане, относились съ любовію, когда онъ былъ даже на покоѣ. Путь земный

онъ кончилъ; но онъ оставилъ по себѣ добрую память, —и намъ есть за что почтить его добрымъ словомъ.

Усопшій святитель сталъ намъ извѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ прибылъ въ здѣшній край съ святительскимъ жезломъ въ рукѣ; объ этомъ священноначальственномъ жезлѣ его многіе, можетъ быть, скажутъ: не легокъ былъ этотъ жезлъ для подчиненныхъ. Дѣйствительно, хорошо сознавая высоту своихъ іерархическихъ правъ, онъ строгъ былъ въ требованіи себѣ послушанія отъ всѣхъ; строго требовалъ, чтобы служба въ храмахъ отправлялась по уставу св. церкви, чтобы чтеніе и пѣніе совершались благообразно, всѣ стояли чинно и безмолвно, крестное знаменіе изображали правильно, поклоны дѣлали благовременно и никто изъ церкви не выходилъ-бы безвременно; глубоко возмущался, когда замѣчалъ кого-либо разговаривающимъ или смѣющимся въ церкви; смущался даже, когда видѣлъ церковнаго старосту неблаговременно обхаживающимъ церковь съ сборною тарелкой. Но вѣдь всѣ эти требованія были справедливыя, и если дисциплина и строгій порядокъ въ богослуженіи при немъ соблюдались, то это должно отнести только къ чести его.

Усопшій святитель строгъ былъ и на судѣ,—строгъ, но также справедливъ. Не было у него лицепріятія ни къ кому. Какъ человѣкъ правды, Онъ не выступалъ изъ предѣловъ законности, рѣшая дѣло подсудимаго, кто-бы онъ ни былъ. Будучи самъ исполнителенъ во всемъ, что относилось къ его обязанностямъ, онъ не прощалъ и подчиненнымъ, забывающимъ о своихъ обязанностяхъ и своимъ поведеніемъ подающимъ поводъ другимъ къ нареканіямъ и соблазну. Даже когда дѣло не доходило и до суда, Онъ и тогда не оставлялъ провинившихся безъ вразумленія, а взыскивалъ административно съ нихъ и за маловажныя, повидимому, неисправности, руководясь мыслію, что отъ малыхъ проступковъ люди дохо-

дять и до большихъ, когда не бываютъ останавливаемы въ малыхъ. Особенно тѣ, кто при провинности своей, и не маловажной, не показывалъ въ себѣ раскаянія, проявлялъ еще духъ неповиновенія и гордости,—такія лица вызывали его иногда и на жесткое слово, и это потому, что начало гордости, по слову премудраго, есть удаленіе человѣка отъ Господа. (Сир. 10, 14).

Усопшій святитель былъ человѣкъ прозорливаго ума и высокаго образованія; но онъ не любилъ себя печатать, не ища славы авторской по скромности своей, и не желая получать выгодъ отъ продажи книгъ своего изданія по нестяжательности; одну книгу, какъ извѣстно, онъ издалъ, по оставленіи уже имъ епископской каѳедры: это „Христіанское ученіе, извлеченное по преимуществу изъ твореній св. Тихона Задонскаго“, и то потому, что Онъ восхищался высокимъ богословствованіемъ сего св. отца русской церкви, и видѣлъ, что живое, назидательное слово сего святителя благотворно можетъ дѣйствовать на сердце читающаго и можетъ содѣлаться для него началомъ жизни духовной. Самъ онъ любилъ читать сего святаго отца, желалъ, чтобы и другіе, читая, назидались его ученіемъ, и съ сею цѣлію издалъ книгу, изданіе которой и пожертвовалъ въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Съ сею же цѣлію онъ даривалъ сочиненіемъ того же св. отца русской церкви подъ названіемъ: „Сокровище отъ міра собираемое“, тѣхъ, кого рукополагалъ во священника, каковое сокровище имѣлъ счастіе и я получить отъ его святительской руки. Любилъ онъ читать и другаго св. отца русской церкви—того, кто называется церковію „цѣвницею духовною“, кто за свое теплое, назидательное слово, за свой народный простой языкъ, прослылъ въ свое время народнымъ писателемъ. Изъ Чети-Минеи сего святителя, Димитрія Ростовскаго, онъ самъ вычитывалъ каждый день, или заставлялъ другихъ читать для себя жизнь того или другаго святаго,

которому память была въ тотъ, или другой день; а для назиданія другихъ приказывалъ перелагать на чисто русскій языкъ проповѣди сего св. отца и сказывать ихъ въ каѳедральномъ соборѣ, что и дѣлалъ, по порученію его, нынѣшній епископъ Пензенскій Антоній, бывшій въ то время преподавателемъ семинаріи въ санѣ іеромонаха. Начитавшись сихъ св. отцевъ церкви и освоившись съ духомъ ихъ писаній, онъ и самъ въ томъ же духѣ поучалъ паству, когда говорилъ проповѣди. Помню я, какую назидательную проповѣдь сказалъ онъ въ семинарской церкви воспитанникамъ, готовившимся быть пастырями, изъ текста: образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите (Іоан. 13, 15). Таковъ же онъ былъ и въ домашней бесѣдѣ, т. е. бесѣда его была такого же жизненнаго характера. И счастливъ тотъ, кому приводилось быть съ нимъ въ бесѣдѣ: онъ не выходилъ отъ него безъ слова назиданія. Смѣха и праздословія въ бесѣдѣ онъ себѣ не дозволялъ, а склонялъ рѣчь къ тому, что пригодно для жизни, или что располагало душу къ покорности Св. Провидѣнію. Онъ самъ преисполненъ былъ христіанской любви, — и эта святая любовь была душею его рѣчей и бесѣдъ.

Усопшій святитель и на такомъ посту, какъ епископскій, не забывалъ, что онъ монахъ и помня монашескіе обѣты, жилъ, можно сказать, не для себя, а для Бога. Предъ высшимъ онъ наклонялъ голову (Сир. 4, 7), къ нищему преклонялъ ухо (Сир. 4, 8), защищалъ обиженнаго отъ руки обижающаго (Сир. 4, 9), сиротамъ былъ какъ отецъ (Сир. 4, 10) и вдовицамъ былъ истиннымъ утѣшителемъ, ласкалъ и дѣтей, относясь къ нимъ съ любовію, какъ чадолюбивый отецъ, благословлялъ ихъ и раздавалъ имъ крестики. Особенно были близки любящему его сердцу нищіе, которыхъ онъ, будучи еще на епископской каѳедрѣ, кормилъ по временамъ во дворѣ дома своего, разставляя для нихъ столы. Милостыня была любимою его добродѣтелію; онъ какъ

бы и жилъ для того, чтобы раздавать то, что составляло его достояніе. Сверхъ явной милостыни онъ творилъ и тайную: всѣмъ извѣстно, сколько чрезъ него поступало отъ неизвѣстнаго денежныхъ жертвъ, то на стипендіи въ семинарію или училища, то въ пользу различныхъ обществъ и братствъ, то на богадѣльню, или пріюты, то въ епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

Святительская рука его была не согбенна, а простерта на подаяніе потому, что онъ былъ не любостяжателенъ. Къ деньгамъ онъ не имѣлъ пристрастія. На золото онъ смотрѣлъ, какъ на блестящую пыль, и въ обстановкѣ въ покояхъ его мы не видали никакого блеска. Не было у него ни богатыхъ ковровъ, ни высокихъ зеркалъ. Монаху ли, говорилъ онъ, обвѣшивать себя такими зеркалами? Не было у него изысканности и въ столѣ и въ одеждѣ. О будущемъ онъ много не заботился, предоставляя заботу о будущемъ будущему дню. И самая мысль о недугахъ тѣлесныхъ или о болѣзни старческой, на каковый случай многіе такъ заботливо сберегаютъ денежку, его не озабочивала, потому что во всѣхъ болѣзняхъ главнымъ врачествомъ у него было врачество небесное, къ которому и самъ онъ немедленно прибѣгалъ, и другихъ убѣждалъ прибѣгать, — это таинства св. церкви, исцѣляющія насъ отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Съ такимъ аскетическимъ настроеніемъ духа усопшій святитель не могъ не проситься туда, гдѣ бы не слышно было молвы житейской, и рвался затвориться въ тѣсную келлію въ какой либо св. обители, чтобы здѣсь возсылать къ Богу молитвенныя воздыханія. Въ этомъ онъ и успѣлъ. Затворившись въ келлію тому назадъ 27 лѣтъ, онъ изъ этой келліи во всю бытность свою въ обители никуда не выходилъ, кромѣ монастырскаго храма. Сюда только лежала ему дорога. Здѣсь и свя-

тительскій санъ его не надмевалъ. Смиреніе его до того простиралось, что во всю бытность его въ обители никто не видалъ на немъ ни одного ордена, которыми былъ награжденъ русскими Вѣнценосцами. Здѣсь онъ, находя утѣшеніе себѣ въ служеніи, нерѣдко и служилъ, особенно гдѣ утѣшаемъ былъ отводомъ ему келліи, смежной съ домовою церковію, изъ которой дверь и вела въ эту церковь; но служилъ также не налагая на себя орденовъ и служилъ обыкновенно священническимъ служеніемъ съ однимъ іеродіакономъ. Обыкновенно, люди боятся смерти и устраняютъ отъ себя все, что напоминаетъ смерть; а посмотрите, какъ сей святитель помнилъ слово премудраго: помни послѣдняя твоя? Гдѣ ни жилъ онъ на покоѣ,—въ Печерскомъ ли монастырѣ, въ Ѳеодоровскомъ ли Городецкомъ, или въ семъ Благовѣщенскомъ, вездѣ онъ озабочивался изготовить себѣ могилу; а въ семъ послѣднемъ мѣстѣ жительства изготовилъ себѣ за нѣсколько времени до кончины и гробъ, который и поставилъ въ сосѣдней съ келліею церкви, чтобы онъ напоминалъ ему смерть; подобно какъ блаж. Іерониму напоминалъ смерть черепъ, положенный имъ во дворѣ жилища и видимый имъ изъ окна; или какъ св. Василію Великому напоминалъ смерть отрокъ, по приказанію его приходившій къ нему въ нарочитые праздники и говорившій такъ: поминай, отче, смерть и повели гробъ твой довершити. Тѣ, которые боятся смерти, нерѣдко бываютъ и не готовы къ ней; а посмотрите, какъ сей святитель готовился къ смерти? Кто читалъ крестопоклонную покаянную хартію его, составленную имъ не задолго до смерти, тотъ видѣлъ, какія молитвенныя воздыханія возноситъ онъ въ ней къ Богу, какія изливаетъ въ ней чувствованія самоосужденья, раскаянія во грѣхахъ, упованія на неистощимое милосердіе Бога, оправдывающаго и спасающаго всякаго грѣшника покаявшагося. Чѣмъ онъ занятъ былъ и на одрѣ своей болѣзни предсмертной? Послушники поочередно читаютъ ему—самъ онъ не могъ уже читать, хо-

тя былъ въ сознаніи и твердой памяти,—то Евангеліе, то Чети-Минеи святителя Димитрія Ростовскаго; а онъ слушалъ и благодарилъ Бога, что удостоивается и предъ смертію слышать Евангельскую вѣсть о спасеніи людей, или повѣсть о жизни святыхъ. Съ какою цѣлію онъ, будучи на покоѣ, облекся и въ великій образъ монашества, т. е. въ схиму? Не обрекалъ ли онъ себя этимъ ангельскимъ образомъ на подвиги — на болѣе строгую жизнь? Какъ жилъ сей святитель, исполненный долгихъ дней, такъ и умеръ, почивши сномъ вѣчнымъ также тихо и спокойно, какъ засыпаетъ младенецъ на рукахъ матери,—какъ жилъ онъ, такъ и умеръ, испрося предварительно и прощенія у всѣхъ, кто имѣлъ что нибудь противъ него.

Въ виду такой подвижнической жизни сего усопшаго святителя, такой крѣпкой вѣры, которую онъ соблюдалъ до конца, такого истинно христіанскаго приготовленія къ смерти, сопровождавшагося и многократнымъ напутствованіемъ св. таинствъ – причащенія и елеосвященія,—въ виду того, что онъ совершилъ уже теченіе жизни, помолимся Господу Богу, да увѣнчаетъ Онъ его вѣнцемъ правды, который Онъ обѣщалъ всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его (2 Тимоо. 4, 7, 8), аминь".

При погребеніи слово было произнесено Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ слѣдующаго содержанія:

Внидеши во гробъ, яко же пшеница созрѣлая во время пожатая (Іов. 5, 26).

Исполнились надъ тобою, почившій въ Бозѣ Архипастырь, слова многострадальнаго Іова. Ты дожилъ до такихъ лѣтъ, до которыхъ рѣдкіе доживаютъ въ настоящее время, и дожилъ съ глубокимъ самоотверженіемъ и преданностію волѣ Божіей, въ полной памяти и въ полномъ разсудкѣ, — дожилъ, какъ усердный молитвен-

никъ о себѣ и о другихъ. Этого мало. Имѣя 85½ лѣтъ отъ роду и живя на покоѣ, ты и въ уединенной келліи принималъ живое участіе во всѣхъ событіяхъ нашей церкви и отечества. Ты радовался успѣхамъ вѣры и благочестія, — радовался новому построенію церквей и обителей, но скорбѣлъ предъ ихъ упадкомъ и закрытіемъ. На многія нововведенія смотрѣлъ ты глазами своего прежняго времени и не могъ говорить о нихъ съ одобреніемъ и похвалою, хотя бы твой отзывъ не правился другимъ.

Но этими малыми чертами не ограничивается характеръ почившаго Архипастыря. Жизнь его во многомъ непонятна была даже для знавшихъ его. Онъ то смирялъ себя до послѣдняго чтеца *(псалтырика)*, то возносился предъ другими и не любилъ себѣ противорѣчія, особенно отъ подчиненныхъ. Много въ жизни его являлось странныхъ поступковъ, по видимому, не согласныхъ съ здравымъ и образованнымъ умомъ. Но всѣ эти поступки примиряются поступками многихъ святыхъ мужей. Не говоря уже о юродивыхъ, оставшихся въ жизни непонятными для міра, даже изъ другихъ святыхъ — апостолы, мученики и преподобные являли въ своей жизни много непонятнаго и страннаго. Надъ ними также многіе въ свое время смѣялись и даже осуждали ихъ, какъ людей, жившихъ несогласно съ общимъ понятіемъ и духомъ времени. Таковымъ сравненіемъ можно примирить различныя сужденія, дѣйствія и распоряженія Архипастыря, выходившія изъ обыкновеннаго порядка.

Родившись отъ сельскаго причетника въ Орловской епархіи, Архипастырь получилъ обычное домашнее воспитаніе; а по окончаніи курса ученія въ Орловской семинаріи (1819 года), онъ могъ бы занять священническое мѣсто, которое и дано ему въ городѣ Волховѣ. Но двадцатилѣтній студентъ Иродіонъ Соловьевъ (такъ было

мірское имя его), размысливъ о важности священства, не захотѣлъ быть іереемъ и возвратилъ тогдашнему Преосвященному Гавріилу указъ, а за лучшее почелъ поступить въ монастырь и оставаться послушникомъ. Къ иноческой жизни расположилъ его Преосвященный Іаковъ, управлявшій въ то время Сѣвскимъ духовнымъ училищемъ, а впослѣдствіи сдѣлавшійся ему предмѣстникомъ по Нижегородской каѳедрѣ. Тогда, около четырехъ лѣтъ, Соловьевъ былъ учителемъ и инспекторомъ училища и пріучался къ монашеству. Наконецъ, по совѣту старцевъ и товарища своего Иннокентія Борисова, бывшаго уже баккалавромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, Соловьевъ поступилъ въ оную Академію (1824 г.), гдѣ учился три только года и постриженъ былъ въ ней въ монашество. При выходѣ изъ Академіи, другіе получаютъ степени магистра, кандидата или студента; но онъ не захотѣлъ никакихъ ученыхъ степеней, а думалъ остаться навсегда инокомъ. Подобный поступокъ его былъ страннымъ для товарищей и для другихъ. Но Промыслъ устроилъ судьбу его иначе и не восхотѣлъ, чтобы свѣтильникъ церкви оставался подъ спудомъ и не свѣтилъ другимъ. Онъ дѣлается сначала законоучителемъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, потомъ баккалавромъ Петербургской Академіи, далѣе инспекторомъ и ректоромъ Кіевской Академіи и Викаріемъ Кіевской митрополіи, наконецъ Епископомъ ставропольскимъ, полтавскимъ и нижегородскимъ.

Такимъ образомъ, до Нижегородской каѳедры не мало трудился Архипастырь въ Петербургѣ и Кіевѣ, въ Ставрополѣ (кавказскомъ) и въ Полтавѣ. Но болѣе другихъ городовъ любилъ онъ Кіевъ и Ставрополь. Кіевъ оставилъ въ немъ много воспоминаній своею святынею и учеными лицами въ Академіи. А Ставрополь былъ для него городомъ, къ которому постоянно стремилось его сердце. Тамъ, какъ въ новомъ епархіальномъ городѣ, онъ устроялъ и семинарію, и консисторію,

и храмы, и обители, изъ коихъ одна — Іоанно-Маріинская, устроенная въ память его родителей, составляла предметъ его особенныхъ заботъ и попеченій. А сколько трудовъ вообще положено имъ для ново-учрежденной Ставропольской епархіи! Въ ней онъ обозрѣвалъ не только мирныхъ, но и враждебныхъ горцевъ. Среди этихъ обозрѣній, однажды находился онъ въ опасности и близокъ былъ къ плѣну отъ горцевъ; но Господь сохранилъ его отъ предстоявшей напасти. Впрочемъ молва объ этомъ плѣнѣ распространилась повсюду, такъ что въ Кіевѣ и Харьковѣ собирали даже деньги на выкупъ его изъ плѣна отъ горцевъ, какъ свидѣтельствовалъ самъ Преосвященный.

Переходимъ теперь къ управленію Почившаго Архипастыря паствою Нижегородскою, гдѣ онъ жилъ всего 33½ года и гдѣ мирно скончался. Не долговременно, впрочемъ, было и здѣсь служеніе и управленіе его епархіальное: оно продолжалось только шесть съ половиною лѣтъ. Но и въ это время не мало сдѣлано имъ на пользу церкви и православія, особенно для совершенія Богослуженій и построенія церквей. Чего онъ не успѣлъ кончить во время управленія, то доканчивалъ совѣтами и жертвами, когда былъ на покоѣ. Изъ числа предметовъ, занимавшихъ душу почившаго Архипастыря, было построеніе храмовъ на мѣстахъ, нуждающихся въ томъ. Вспомните, съ какою радостію онъ освящалъ престолы въ соборной усыпальницѣ, устроенной его предмѣстникомъ. Онъ видѣлъ особенное знаменіе въ освященіи трехъ престоловъ подъ однимъ 26 числомъ разныхъ мѣсяцевъ, а особенно умилялся явленіемъ голубя въ алтарѣ, во время пѣнія Херувимской пѣсни, при освященіи главнаго Казанскаго престола. Не мало заботъ и радостей доставило ему построеніе новыхъ храмовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, особенно Свято-Троицкаго и Трехъ-Святительскаго. Подобный предметъ радости составляло для него прекращеніе Вознесенскаго

и Троицкаго игрищъ въ двухъ предградіяхъ. Послѣднею же духовною радостію было для него начатое и почти оконченное созданіе Воскресенскаго храма на мѣстѣ, куда сходились нѣкогда для срамныхъ игрищъ, остававшихся отъ временъ язычества. Съ этою заботливостію о храмахъ онъ соединялъ ревность о славѣ Божіей вообще и о томъ, чтобы не было посягательства на достояніе монастырское и церковное. Прискорбно было для него видѣть закрытіе и упраздненіе Макарьево-Желтоводскаго монастыря. Но онъ въ это время не могъ остановить закрытія, потому что находился на покоѣ. А во время управленія онъ не остановился бы вооружиться противъ упраздненія монастыря, какъ не остановился возстать противъ употребленія церковныхъ доходовъ въ ярмарочномъ соборѣ, поступавшихъ въ распоряженіе ярмарочной конторы. До него никто изъ Архипастырей не смѣлъ возстать противъ такого распоряженія. Едва-ли бы кто рѣшился на это и послѣ него? Между тѣмъ онъ успѣлъ подчинить ярмарочный соборъ, наравнѣ, съ другими церквами, епархіальному управленію и распоряженію.

Подобными указаніями на несправедливость и неблагопристойность покойный Архипастырь не ограничивался въ своей епархіи. Онъ простиралъ заботливость свою и ревность о славѣ Божіей и въ другихъ епархіяхъ. Ему, напр., желательно было, чтобы первому кіевскому митрополиту Михаилу была составлена особенная церковная служба (30 сентября), а въ городѣ Ростовѣ ярмарка была перенесена съ первыхъ недѣль великаго поста на другое время. И онъ не только говорилъ, но и писалъ о томъ и другомъ высшимъ властямъ. Что касается до своей епархіи — Нижегородской, то онъ являлся противъ всѣхъ злоупотребленій и церковныхъ неблагоприличій съ ревностію пророковъ Иліи и Іереміи. Какъ строгъ былъ онъ къ себѣ самому, къ своему внѣшнему и внутреннему поведенію, такъ строгъ былъ и къ

другимъ. Многіе изъ священно-служителей подвергались съ одной стороны взысканію за всякій проступокъ, за всякое невниманіе къ своимъ обязанностямъ, а съ другой—перемѣщенію съ одного мѣста на другое. Такое перемѣщеніе и взысканіе не могло нравиться духовенству. Отсюда происходили не рѣдко жалобы и неудовольствія. Но почившій Архипастырь былъ твердъ и непреклоненъ въ своихъ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ. Объ этой твердости духа зналъ и почившій въ Бозѣ святитель Московскій Филаретъ. Когда пришлось мнѣ проѣздомъ быть въ 1867 году у Филарета не задолго до его кончины въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и испрашивать Преосвященному Іереміи благословеніе, то святитель сказалъ: „Рано пошелъ онъ на покой; въ подобныхъ архіереяхъ нуждается нынѣ церковь“. Что было причиною увольненія на покой почившаго Архипастыря—неизвѣстно. Но можно предполагать, что причиною сего была его правда, не любящая ласкательства и двоедушничества, непреклонность характера и избѣжаніе жалобъ отъ подчиненныхъ, а преимущественно всегдашняя любовь его къ иноческой, безмятежной жизни, по которой принялъ онъ и схиму въ 1860 году и нареченъ Іоанномъ, въ память своего родителя чтеца Іоанна.

Но это увольненіе на покой отъ управленія не было для него настоящимъ покоемъ. Двадцати-семилѣтній покой сей былъ для него цѣпью постоянныхъ келейныхъ трудовъ и занятій вообще о благосостояніи церкви и отечества, а въ частности разныхъ учебныхъ заведеній и обучающихся въ нихъ, также храмовъ, обителей и другихъ учрежденій. Въ немъ видимъ мы удивительное сочетаніе правды и милости, смиренія и самосознанія, гнѣва и состраданія. Правда его являлась въ наказаніяхъ и взысканіяхъ со всѣхъ великихъ и малыхъ, ученыхъ и неученыхъ; а милость была явною для всѣхъ съ первыхъ дней управленія Нижегородскою

паствою до послѣдней минуты его житія. Я помню особенную заботу его о духовномъ попечительствѣ и о сиротствующихъ въ епархіи. А вотъ за четыре дня до смерти, присылаетъ онъ ко мнѣ напрестольное Евангеліе и крестъ для отправленія въ новый Московскій храмъ Спасителя на память о почившихъ въ 1812 году воинахъ. Надпись на Евангеліи, сдѣланная дрожащею его рукою, будетъ служить послѣднимъ памятникомъ его жертвъ. А такихъ жертвъ было отъ него неисчетное множество. Сколько, напр., обителей, храмовъ, богоугодныхъ заведеній и обществъ или братствъ обогащено его различными вкладами! Сколько стипендіатовъ въ семинаріяхъ и училищахъ содержится на его жертвы. Я не говорю о семинаріи и училищахъ въ родной его Орловской епархіи, а указываю на стипендіатовъ въ здѣшней семинаріи и духовномъ училищѣ. Не забыта имъ и губернская гимназія. Всѣ эти стипендіаты предстоятъ теперь предъ гробомъ и молятся за благотворителя, отшедшаго отъ насъ. На таковыя и другія благотворенія ижди валось все его имущество до послѣднихъ регалій. Замѣчательно, что всѣ стипендіаты носятъ не его имя, а имена знаемыхъ и уважаемыхъ имъ лицъ въ томъ и другомъ мѣстѣ. Въ числѣ именъ сихъ стоятъ то Филаретъ Кіевскій, то Иннокентій Херсонскій, то Серафимъ Саровскій, то Питиримъ, Дамаскинъ и Іаковъ Нижегородскіе, то протоіерей Скворцовъ и другіе. Судя по таковымъ распоряженіямъ, онъ не искалъ себѣ чести и славы, а хотѣлъ быть тайнымъ благотворителемъ, подобнымъ святителю Николаю, въ день котораго и предалъ душу свою Господу (6 декабря). Благотворительность его простиралась до того, что онъ могъ сказать предъ всѣми: „Нагимъ вступилъ я на землю, нагимъ и возвращаюсь въ нее“.

Кромѣ дѣлъ благотворительности, жизнь почившаго Архипастыря на покоѣ была ознаменована постоянною молитвою и богомысліемъ. Онъ любилъ бесѣдовать

съ Богомъ и совершать молитвы и Богослуженія въ келейномъ храмѣ съ однимъ іеродіакономъ. По этимъ молитвамъ прибѣгали къ нему многіе, пользовались отъ него душеспасительными совѣтами и даромъ прозрѣнія. Богомысліе его выражалось и въ сочиненіяхъ. Мы знаемъ напечатанными — его сочиненіе, составленное изъ твореній святителя Тихона, и мысленное путешествіе во святый градъ Іерусалимъ. Другія сочиненія остаются въ рукописи и хранятся въ библіотекѣ Орловской семинаріи, куда и переданы были нѣкогда чрезъ меня. Указанныя же сочиненія показываютъ, что онъ особенно любилъ святителя Тихона и хотѣлъ ему подражать, а во градѣ Іерусалимѣ желалъ быть вмѣстѣ съ Иннокентіемъ Херсонскимъ, хотя желаніе ихъ не исполнилось.

Прости, почившій въ Бозѣ Архипастырь и усердный молитвенникъ, что мы въ настоящій день сказали о тебѣ то, что ты говорилъ дѣлами своими, тайными и явными. Мы повѣдали о твоей схимѣ, которую тайно принялъ ты отъ близкаго къ тебѣ Печерскаго схимника Мардарія, повѣдали и о твоихъ тайныхъ жертвахъ. Мы знаемъ, что ты самъ не желалъ этого, но желаютъ всѣ, почитающіе тебя. Ты самъ отошелъ отъ насъ, какъ пшеница созрѣлая и во время пожатая. А мы готовы были бы удержать тебя отъ смерти, чтобы пользоваться еще и еще твоими молитвами и наставленіями. Но мы вѣруемъ, что ты только тѣломъ отошелъ отъ насъ, а духомъ всегда будешь пребывать съ нами и желать намъ спасенія. Мы вѣруемъ, что и за предѣлами гроба будешь молиться за насъ, какъ молился здѣсь на землѣ. Эту вѣру утверждаемъ твоею любовію, благословеніемъ и прощеніемъ, переданнымъ чрезъ меня предъ смертію всей Богоспасаемой паствѣ. Съ своей стороны и мы прощаемъ тебѣ во всемъ и будемъ молиться предъ Богомъ о прощеніи твоихъ прегрѣшеній, вольныхъ и невольныхъ, ради твоего вѣчнаго спасенія. Аминь.

Предъ выносомъ гроба изъ теплой Успенской церкви въ холодную Алексѣевскую церковь для положенія въ могилу, о. протоіерей нижегородской Варваринской церкви А. І. Остроумовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Преосвященнѣйшій въ Бозѣ почившій Іерархъ!

Благослови и меня сплести вѣнокъ изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые, пользуясь близостію къ тебѣ и къ нѣкоторымъ изъ чтущихъ тебя Іерарховъ, могъ собрать съ рождій твоей жизни и дѣятельности и почтить тебя симъ вѣнкомъ, при настоящемъ послѣднемъ разстаніи.

Много, много было неувядаемыхъ и плодотворныхъ цвѣтовъ на рождіяхъ твоей жизни и дѣятельности, но выдающійся изъ нихъ, или всѣ ихъ связующій и переплетающій былъ цвѣтъ смиреномудрія. Надѣленный отъ Бога богатыми дарами, по озареніи ихъ свѣтомъ наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, ты, по своей склонности къ смиренію, хотѣлъ сокрыть въ себѣ тотъ свѣтъ, которымъ предопредѣлено было свѣтить тебѣ, на верху горы стоя,—хотѣлъ ограничиться слабымъ мерцаніемъ сего свѣта въ низкой средѣ малолѣтнихъ юношей (*). Но бдительное начальство, въ исполненіе воли Провидѣнія, не допустило сокрытому въ тебѣ свѣту оставаться подъ спудомъ и побудило тебя съ своими богатыми способностями просвѣтиться свѣтомъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ твой прежній сверсникъ и задушевный другъ (**) сіялъ и блисталъ, разливая свѣтъ наукъ на питомцевъ высшаго раздяра и по способностямъ и по возрасту, такъ что и тебѣ привелось быть въ числѣ просвѣщаемыхъ имъ. Но замѣчательно, что ты, поучаемый имъ, поучалъ взаимно и его. Въ силу неизмѣнной и неразрывной дружбы между вами — учи-

(*) Былъ учителемъ училища.

(**) Иннокентій, въ послѣднее время Архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

телемъ и ученикомъ было соглашеніе, чтобы тебѣ, сидя на студенческой скамьѣ условнымъ знакомъ ограничивать его — учителя, когда онъ въ преподаваніи возносился слишкомъ высоко, или ниспускался слишкомъ глубоко. Покончилось твое образованіе и въ высшемъ заведеніи. И что же? Вмѣсто того, чтобы тебѣ явить себя міру въ настоящемъ видѣ — кто ты, ты отказался отъ того достоинства, которое должно быть неотъемлемымъ твоимъ достояніемъ, — отказался отъ принятія высшей ученой степени. Но не такъ судилъ о тебѣ Господь Богъ, дѣйствующій черезъ лицъ начальствующихъ. Бдительное къ содержимому тобою свѣту начальство, не смотря на твою научную безстепенность, возводитъ тебя на значительную гору и поставляетъ на свѣчникѣ,—переводитъ тебя въ высшее учебное заведеніе, гдѣ ты оканчиваешь свое служеніе высшимъ звеномъ опаго. Съ этой высокой горы ты возводишься еще на высшую, откуда бы твой свѣтъ разливался по болѣе обширному горизонту и съ большимъ разнообразіемъ,—ты поставляешься быть Іерархомъ вновь открытой Кавказской епархіи. При всемъ твоемъ смиреніи, при всемъ твоемъ сознаніи своихъ немощей, свѣтъ твой, восполняемый и проницаемый благодатнымъ свѣтомъ, оказался неизсякаемымъ и вполнѣ достаточнымъ для образованія и просвѣщенія Богомъ ввѣренной тебѣ паствы. Для такого же свѣтенія ты перемѣщаемъ былъ въ Полтавскую и Нижегородскую епархіи. Не говоря о Полтавской, не слишкомъ долго свѣтъ твой просвѣщалъ и Нижегородскую паству. Твоя наклонность къ самоуничиженію взяла верхъ надъ желаніями начальства, чтобы ты горѣлъ и свѣтилъ. Ты сходишь съ этой горы, на которой стоялъ и блисталъ, въ предположеніи, что симъ покончилось поприще твоей дѣятельности. Но Провидѣніе Божіе, снисходя твоему желанію быть отшельникомъ отъ міра сего, тѣмъ не менѣе обращаетъ тебя въ орудіе не меньшей, противъ прежней, дѣятельности, безъ твоего, такъ сказать, вѣдома. Іерархи, стоящіе у кормила прав-

ленія церковію, начали обращаться къ тебѣ, какъ къ опытному кормчему за совѣтами, какъ поступать въ случаѣ тѣхъ или другихъ волненій, происходящихъ въ морѣ житейскомъ, и такимъ образомъ свѣтъ твой незамѣтнымъ для тебя образомъ сталъ разливаться еще по болѣе обширнымъ пространствамъ. А бывшіе твои пасомые разныхъ мѣстностей за счастіе считали принять отъ тебя благословеніе и услышать въ назиданіе хотя одно слово. Такъ цвѣтъ смиреномудрія преобладаетъ во множествѣ цвѣтовъ на рождіяхъ твоей жизни и дѣятельности. Еще только одинъ цвѣтъ въ твоей жизни особенно выдается передъ другими своею яркостію: это цвѣтъ благотворенія. Сколько ты употребилъ изъ своихъ скудныхъ средствъ на пособіе къ достроенію храмовъ Божіихъ, застроенныхъ при тебѣ въ Ставрополѣ кавказскомъ! Сколько ты сдѣлалъ вкладовъ въ пользу сиротъ разныхъ учебныхъ заведеній въ честь Святителя Тихона Задонскаго и въ память блаженнаго отца Серафима Саровскаго! Наконецъ, было ли въ Нижнемъ-Новгородѣ какое либо новое благое учрежденіе, въ пользу коего ты не былъ бы однимъ изъ значительныхъ жертвователей?...

Прими, Преосвященнѣйшій Владыко, отъ меня сей на-скоро сплетенный вѣнокъ, присовокупивъ и меня къ числу чтущихъ память твою вѣрно, и, ставши въ сонмѣ Святителей предъ Престоломъ славы Царя Небеснаго, не оставь въ своихъ молитвахъ и меня, дабы и мнѣ безопасно достичь необуреваемаго пристанища.

Затѣмъ гробъ церемоніально былъ отнесенъ въ Алексѣевскую церковь, гдѣ, по указанію самого почившаго, за долго до смерти приготовлена была для него могила. Во время выноса гроба, при всѣхъ градскихъ церквахъ, производился печальный перезвонъ. Во время шествія пѣвчіе пѣли ирмосы великаго канона: Помощникъ и Покровитель...

Порядокъ шествія былъ слѣдующій: 1) хоругви; 2) гробовая крышка, несомая діаконами; 3) запрестольный крестъ, несомый діакономъ; 4) архіерейскіе пѣвчіе; 5) Евангеліе, несомое священникомъ; 6) икона Божіей Матери, келейное благословеніе его родителей, несомое духовникомъ; 7) духовенство въ траурномъ облаченіи по парѣ; 8) Его Преосвященство съ посохомъ и при немъ протодіаконъ и два ѵподіакона; 9) лампада и посохъ, несомые діаконами; крестъ и панагія; 10) клобукъ и митра съ небольшимъ и малымъ омофоромъ на блюдѣ, несомые діаконами; 11) трикирій и дикирій несены были діаконами возлѣ гроба; 12) гробъ покойнаго, осѣненный хоругвями, несомыми причетниками въ стихаряхъ. Гробъ несли оо. протоіереи и іереи. При Благовѣщенскомъ храмѣ совершена была заупокойная литія. Затѣмъ, обойдя кругомъ Алексѣевскій храмъ, гробъ внесенъ былъ въ церковь и, по обычной литіи и возліяніи елея, опущенъ съ миромъ въ приготовленное мѣсто упокоенія.

Почившій въ Возѣ Святитель оставилъ собственноручно написанныя имъ посмертныя мольбы, которыя не лишнимъ находимъ помѣстить вслѣдъ за описаніемъ его погребенія. Вотъ эти святыя мольбы:

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Слушая гласа Господа моего, во святомъ Евангеліи глаголющаго: Будите готови, яко въ онь же часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ, и помышляя о безвѣстномъ днѣ и часѣ исхода моего отъ сея жизни, и се уже приближась къ сему страшному, но и вожделѣнному часу.—

Паки и паки, на послѣдокъ въ мірѣ семъ, исповѣдаюся Господу Богу, Вседержителю, въ Святѣй Троицѣ славимому и поклоняемому Отцу и Сыну и Свято-

му Духу, во всѣхъ моихъ согрѣшеніяхъ, ихъ же злѣ содѣяхъ мыслію, словомъ, дѣломъ и всѣми моими чувствами, яко во грѣсѣхъ родихся, во грѣсѣхъ воспитахся и во грѣсѣхъ по св. крещеніи даже до сего послѣдняго часа пожихъ.

Паки и паки азъ грѣшный и недостойный взываю къ Тебѣ, Пресвятая, Единосущная, Животворящая Троице и молюся съ Давидомъ: помилуй мя, Боже, помилуй мя. Отче и Сыне и Святый Душе, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ; паче же ради Господа моего, Искупителя и Бога Іисуса Христа, Его всеочистительною кровію, на Крестѣ за мя излiянною, очисти беззаконія моя и отъ грѣха моего очисти мя: яко беззаконія моя азъ знаю и грѣхъ мой — грѣхъ юности и невѣденія моего предо мною былъ и есть выну. Окропиши мя иссопомъ, и очищуся; омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся. Не отвержи мене, многими образы, во многихъ мѣстѣхъ Тебе прогнѣвавшаго. Отъ лица Твоего не отвержи мене и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене николи же, до вѣка.

Не о себѣ же точію и въ часъ сей молюся Тебѣ, о Боже, но и о тѣхъ (и паче о нихъ) паствахъ и градѣхъ, идѣже благодать Твоя поставляла мою немощь пасти людей Твоихъ. Буди милость Твоя и благословеніе Твое, о Пресвятая Троице, съ ними и на нихъ до вѣка. Благія въ нихъ во благости соблюди и утверди; супружества въ мирѣ и чистотѣ сохрани; сирыхъ и вдовицъ защити и огради; грѣшныхъ къ покаянію приведи; заблуждающихъ къ познанію истины призови. Помяни и призри плодоносящихъ въ нихъ, благотворящихъ и милосердующихъ бѣдствующей братіи Христовой.

Спаси, Господи, и помилуй, ихъ же азъ, въ разныхъ путѣхъ и мѣстѣхъ странствія моего, безумiемъ мо-

имъ соблазнихъ и отъ пути спасительнаго кого-либо отвратихъ, или же, когда могъ и обязанъ былъ, на путь спасительный не направихъ. Спаси ихъ, и мое окаянство прости.

Спаси, Господи, ихъ же азъ нравомъ моимъ и страстію, или по служебному долгу оскорбихъ и прогорчихъ. Озлобленные мною да утѣшатся Твоимъ утѣшеніемъ, Душе святый, Утѣшителю. И да простятъ они мнѣ и да отпустятъ всякія вины мои предъ ними.

Простите мнѣ, вси отцы, вси братія и сестры всѣ, ими же согрѣшихъ предъ вами, яко человѣкъ, и немощный и страстный. Простите мя, сіе глаголю ницъ повергаясь, и благословите и помолитесь о душѣ моей.

И азъ недостойный всѣмъ и вся простихъ и прощаю о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ и Бозѣ Спасителѣ, отпустихъ и отпущаю, разрѣшихъ и разрѣшаю, и ко Господу-Милователю и Разрѣшителю всѣхъ насъ усты и сердцемъ взываю, да всѣхъ насъ спасетъ и помилуетъ Онъ благодатію своею. Боже, милостивъ буди намъ всѣмъ грѣшнымъ. Боже Отче, буди милостивъ намъ грѣшнымъ. Боже Сыне, буди милостивъ намъ грѣшнымъ. Боже Душе Святый, милостивъ намъ буди грѣшнымъ. Пресвятая Троице, Боже нашъ, помилуй насъ грѣшныхъ!

Сподоби, Господи, милости Твоея благодѣтелей моихъ... ихъ же самъ вѣси и имена и нужды, а также пребывшихъ со мною и послужившихъ въ трудные мои годы. Да воздастъ имъ Господь и ихъ родителямъ!

Желаю, и прошу, и молю, и завѣщаваю, чтобы по мнѣ не было для имущества моего исканій, переписки и вызововъ. Ибо какія были у меня стяжанія, онѣ отданы мною на Кавказѣ, въ Полтавѣ и здѣсь, между прочимъ, на содержаніе нѣсколькихъ питомцевъ (Анто-

ніевыхъ. Ѳеодосіевыхъ, Смарагдовыхъ, Димитріевыхъ, Сергіевыхъ, Серафимовыхъ, Іаковлевыхъ, Иннокентіевыхъ), коихъ смиренно повергаю въ милость и благоустроеніе Промысла Божія для пользы церкви, Матери моей и въ нѣкую отраду моей грѣшной и убогой душѣ въ день онъ... Еже буди! буди! Епископъ Іеремія—многогрѣшный. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Виноградовъ.

ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
30 стран. на 19 строкѣ: некоблясь	неколеблясь.
46 стран. на 20 строкѣ: уволненіи	увольненіи.
47 стран. на 16 строкѣ: уволненія	увольненія.
— — на 34 строкѣ: не отверже. . . .	не отвержи.
59 стран. на 2 строкѣ: всемисердому . . .	всемилосердому.

ВОСПОМИНАНІЯ

Преосвященнаго Іереміи

о Преосвященнѣйшемъ Иннокентіи, Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ, въ Бозѣ почившемъ.

1) Преемникъ почившаго Святителя Иннокентія—Димитрій, общій любимѣйшій нашъ питомецъ по Академіи Кіевской—Климентъ Муретовъ, изъ Рязанской Семинаріи. Великую радость доставилъ онъ изъявленіемъ первѣе мнѣ своего желанія—принять иночество и просилъ меня доложить о семъ О. Ректору, самъ какъ-бы не смѣя. Но я внушилъ ему, чтобы, помолясь, шелъ завтра самъ онъ къ О. Ректору Иннокентію. Когда вышло изъ Святѣйшаго Синода постричь его: случилось намъ—мнѣ и о. ректору быть въ его монастырскомъ саду. „Вотъ хорошо, что Муретовъ будетъ монахъ", сказалъ онъ. Да, отвѣчалъ я, это радостное для сердца нашего пріобрѣтеніе. „Какъ бы его назвать"? И сталъ перечислять имена иноческія. Нѣтъ, вотъ что сказалъ я.—Святитель Димитрій Ростовскій есть кіевлянинъ и питомецъ нашей академіи. Указываютъ даже номеръ (комнату), гдѣ онъ жилъ и гдѣ студенты старшіе собираются теперь для утренней и вечерней молитвы. Посвятимъ мы Климента Святому Димитрію и назовите его Димитріемъ. „Вотъ мысль!....." (Такъ обыкновенно говорилъ онъ, охотно соглашаясь съ кѣмъ

либо). И вотъ сей Димитрій теперь Херсонскій Архіерей. Господи! Молитвами Святаго Димитрія подкрѣпи его, въ утѣшеніе и отраду душамъ почившаго и моей.

2) Недавно мнѣ нѣкто сообщилъ, что Преосвященный Димитрій 25 мая, т. е. въ день Св. Духа, находился въ Ефремовѣ и вотъ что ему приспилось: будто Преосвященный Иннокентій сказываетъ проповѣдь и такъ изнемогъ, что не могъ окончить—разболѣлся, сталъ и говоритъ ему: „кончи ты“. Преосвященный Димитрій до того поразился симъ сповидѣніемъ, что поспѣшно отправился въ Тулу и вскорѣ получилъ указъ—быть Херсонскимъ. Сей Преосвященный Димитрій, бывъ моего недостоинства преемникомъ по настоятельству обители кіево-братской и ректорству, устроилъ на хорахъ Богоявленскаго храма церковь во имя Святаго Димитрія Ростовскаго, своего и нашего патрона. Мнѣ же думалось устроить сію церковь на лѣвой сторонѣ алтаря, гдѣ поставлена уже и икона его въ мѣру, въ своемъ мѣстѣ. Понятно, что дѣло сіе болѣе принадлежало питомцу академіи, чтобы почтить ея питомца, Иже во Святыхъ, нежели кому либо изъ начальствующихъ въ ней.....

3) „Положиша на небеси уста своя и языкъ ихъ прейде по земли. Вотъ что я сейчасъ читаю въ псалмахъ, однажды съ живостію сказалъ онъ (Иннокентій) мнѣ, при входѣ моемъ въ залъ его. Что за смыслъ словъ сихъ? И не сбывается ли онъ надъ нашею ученостію“? Какой мой былъ отвѣтъ, не помню.

4) Еще болѣе остановился онъ на сихъ словахъ Псалтири: (Уста моя возвѣстятъ правду Твою, весь день спасеніе Твое, яко не познахъ книжная). Спросимъ и смыслъ ихъ, въ другое время, онъ предварилъ обычное привѣтствіе мое при свиданіи. Въ несообразность перевода онъ не хотѣлъ вникнуть, чтобы не потерять мысли, которая ему нравилась, какъ смиряющая и уничижающая многокнижную ученость: „яко не познахъ книжная“.

5) „16“ октября. Благочестно люблю сей день, какъ потому, что онъ есть день памяти Святаго сотника Римскаго Лон-

гина, кресту моего Спасителя предстоявшаго и зрѣвшаго, какъ въ отпущеніе грѣховъ и моихъ лилась кровь изъ пригвожденныхъ рукъ и ногъ Господа, какъ преломлялось и страдало въ отпущеніе и моихъ грѣховъ тѣло Господа и пр., — Лонгина, слышавшаго, если не всѣ, то нѣкоторыя слова Господа, на крестѣ Имъ сказанныя,—Лонгина, конечно, видѣвшаго при крестѣ Господа, Пресвятую Дѣву, Матерь Его, Іоанна, Марію Магдалину;—люблю Святаго Лонгина, днесь празднуемаго, за его исповѣданіе распятаго Сыномъ Божіимъ (О! даждь и мнѣ, Христе, такожде вѣровать въ Тя и исповѣдать Тя сердцемъ и дѣломъ!);—такъ и потому, люблю день сей, что онъ былъ днемъ вступленія моего въ настоятеля Кіево-Выдубицкой обители, которая во всемъ почти подобна здѣшней Печерской обители (Нижегородской).—Воспоминаніе мое о Выдубицкой Кіевской обители невольно соединено съ памятію о Преосвященномъ Иннокентіи. Нѣкоторымъ изъ нашихъ обитель сія, по небогатству своему и по уединенности, не совсѣмъ нравилась. „А если бы, сказалъ Иннокентій Баккалавру Мелитону при одномъ случаѣ, она досталась о. Іереміи: онъ бы сложилъ здѣсь ручки и ножки свои и былъ бы какъ сыръ въ маслѣ“.—И года чрезъ два даровался мнѣ Выдубицкій вмѣстѣ съ Семинарскимъ Ректорствомъ. И Преосвященнѣйшій Иннокентій и Иванъ Михайловъ Скворцовъ и я почасту уединялись туда для прогулки по Днѣпровскимъ горамъ и на террасѣ, устроенной близъ Михайловской церкви на крутизнѣ, съ которой можетъ быть и былъ свергнутъ Перунъ. О многомъ иногда размышляли. . Напр. Однажды Преосвященнѣйшій Иннокентій спросилъ Ивана Михайлова Скворцова: „Что, если бы не ученики токмо Христовы увѣровали въ Него, какъ въ Спасителя міру, а всѣ Іудеи: чтобы тогда“?... Началось размышленіе... а я вдругъ, спроста, отвѣчалъ: очень понятное дѣло—тогда бы не Апостолы, а всѣ Іудеи, шедше, пошли бы во весь міръ, научили бы, крестяще во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Простой отвѣтъ понравился обоимъ докторамъ Богословія.

6) Преосвященный Иннокентій дорожилъ честію проповѣдника и своею личною. 23 апрѣля 1835 года — онъ долженъ былъ сказать въ моемъ Выдубицкомъ монастырѣ надгробное сло-

во по генералѣ Яшвелѣ. — Какъ Настоятель, я рано прибылъ, чтобы подготовить братію ко встрѣчѣ Митрополита Евгенія и церемоніи погребальной. Смотрю, вскорѣ за мною явился Иннокентій. „Здравствуй, отче, вели повести меня въ Церковь". Для чего? „Я присмотрюсь къ мѣсту проповѣдника и прилажусь". Я исполнилъ его волю. Изъ Церкви пошолъ онъ по горамъ Днѣпровскимъ, съ которыхъ видѣть Кіевскія окрестности было особеннымъ его наслажденіемъ.

7) Даръ слова предъявлялъ себя въ Иннокентіи издѣтства. Мать его Акилина разсказывала въ келліяхъ Кіево-братскихъ, что Ванюша ея страничалъ, еще ребенкомъ будучи: придетъ бывало изъ Церкви, станетъ на сундукъ или кадку и давай руками махать (жестировать, по старинному), какъ бы проповѣдуя, по примѣру отца въ храмѣ. Однажды, во время этихъ жестовъ, онъ свалилъ матернія красныя черевики въ лаханку и притаилъ дѣло... досталось проповѣднику за это отъ руки матери,... которая съ слезною жалостію вспоминала о семъ и какъ бы винясь, уразумѣвъ и увидѣвъ въ наказанномъ ребенкѣ-проповѣдникѣ—прославляемаго витію.

8) Конечно, отъ отца своего, города Ельца Успенской церкви священника Алексія перенялъ онъ въ дѣтствѣ и другое доброе дѣло. Иннокентій почасту любилъ читать шестопсалміе среди церкви; а въ первую недѣлю Великаго поста, всегда самъ читалъ на утрени всѣ три каѳисмы съ сѣдальными. Тогда приходилъ онъ къ утрени прежде всѣхъ, и братій монастыря и студентовъ Академіи. Чтеніе его было необыкновенное, звонкое, ясное, умное, умиляющее сердце. Въ Великую субботу всѣ три статьи исходныхъ пѣсней предъ плащаницею, онъ читалъ въ полномъ своемъ облаченіи. Здѣсь-то и тогда-то, думаю, онъ выработалъ, освѣтлилъ, оживилъ тѣ глубокія и возвышенныя мысли и чувствованія, кои слышались нами въ поученіяхъ въ Великую субботу, напечатанныхъ въ Страстной седмицѣ.

9) Въ первую и послѣднюю седмицы Великаго поста онъ отчуждалъ себя отъ всякихъ постороннихъ дѣлъ, даже должност-

ныхъ и всего себя посвящалъ размышленіямъ Богословскимъ и сочиненію. Мнѣ совершенно извѣстно, что въ С.-Петербургской Академіи на инспекторствѣ, въ эти седмицы онъ занимался жизнію Апостола Павла и послѣдними днями Господа; въ Кіевѣ на первой и послѣдней седьмицахъ поста занимали его умъ и сердце: Страстная седмица и первая и Свѣтлая. Къ каковымъ трудамъ великопостнымъ онъ заранѣе приготовлялъ себя, при случаѣ предъявляя о нихъ въ дружеской бесѣдѣ съ почтеннымъ Иваномъ Михайловичемъ Скворцовымъ и со мною и кое о чемъ спрашивая для уясненія дѣла, а спрашивалъ почасту съ противной предмету стороны.

10) Вотъ примѣръ его способности къ проповѣданію.— Въ Кіевѣ—что за Невою былъ храмовый праздникъ въ понедѣльникъ Святаго Духа. Намѣстникомъ Лавры, Архимандритомъ Товіею былъ званъ на трапезу іеромонахъ Иннокентій, еще семинаріи инспекторъ. Но онъ прибылъ среди литургіи. Товія, увидѣвъ его, приблизился къ нему и говоритъ: друже! ты скажешь слово. „У меня нѣтъ ничего“. Скажешь друже! „Я не предваренъ, я не думалъ“. Я твой Евангельскій отецъ: говори. Иннокентій повиновался и говорилъ первое для него слово въ день Духа Святаго и заслужилъ благодарность старца.

11) Къ дѣлу проповѣданія онъ имѣлъ и призваніе, и нѣкое предостерегательное и устрашительное напутствіе. Однажды, будучи еще студентомъ, прихожу къ нему и нахожу его въ замѣтномъ смущеніи. „Мнѣ что-то страшное приснилось“, сказалъ онъ. — Что такое? „Вѣрить снамъ похоже на то, что ловить вѣтры“. Однако-же? Что-же? „Будто я въ Церкви; будто сказываю проповѣдь; и будто за что-то на каѳедрѣ взыскательно со мною поступлено“... Это спасительное для вашего таланта и дѣла остереженіе, сказалъ я!

12) И остереженіе сіе кажется всегда въ немъ дѣйствовало втайнѣ. Всякую свою проповѣдь, доколѣ мы были вмѣстѣ, прежде нежели представить Владыкѣ, онъ присылалъ ко мнѣ для прочтенія. Такъ же поступалъ съ статьями своими для Воскреснаго

чтенія.—И Страстную седьмицу свою, которую пересмотрѣлъ и закончилъ въ академической дачѣ — Борщаговкѣ, онъ первому мнѣ прислалъ посудить, все-ли годится. Не скрою, что твореніемъ симъ я такъ восхитился, и такъ высоко оцѣнилъ его, что совѣтывалъ ему не издавать при жизни своей, а по смерти, по нѣкоей причинѣ, казавшейся мнѣ важною... По смерти его, думалъ я, это твореніе явитъ всѣмъ и каждому, какъ онъ вѣровалъ, какъ чувствовалъ, какъ стремился къ Распятому. — Но Иннокентій не послушалъ моего совѣта, спѣша принести пользу читателямъ, а можетъ быть (да простится ему), желая скорѣе достигнуть чести и славы авторской*)....

13) Многажды я былъ виноватъ предъ нимъ за академическую дачу, на которой весною любилъ онъ проводить дни и ночи, виноватъ, осуждая отлучки изъ своего мѣста. Но однажды былъ я сильно вразумленъ,—отъѣзжая, онъ позвалъ меня для нѣкоторыхъ порученій, которыя, выслушивая, я не удержался отъ осужденія его отъѣзда. Но взглянувъ въ свитокъ бумагъ, который клали въ экипажъ и, увидѣвъ начало слова въ Великую среду: по Благости Божіей мы еще, братіе, окончили Святую Четыредесятницу;—я долженъ былъ устыдиться и себя осудить за осужденіе свое.

14) Умъ Иннокентія былъ неудержимъ и ненасытимъ. Обѣдалъ онъ всегда съ книгою, или одинъ; а если вдвоемъ, разсуждая объ ученыхъ предметахъ по исторіи, физикѣ, астрономіи. Помню, что творящее и творимое и физику Велланскаго онъ долго не выпускалъ изъ рукъ ни за обѣдомъ ни за ужиномъ. Это было причиною желудочныхъ его недуговъ.

15) Созерцаніе природы и ея явленій онъ любилъ крайне. Во время грома, молніи, прогулка подъ открытымъ небомъ была его высшимъ удовольствіемъ. Въ созерцаніе вселенной книжное сильно углублялся. Однажды, читая одного изъ французскихъ

*) Нѣтъ, я ошибся, забывъ, что для цѣли моей у него оставалось сочиненіе обширнѣе и важнѣе: это послѣдніе дни Господа, коими занимался онъ въ виду моемъ, прочитывая мнѣ нѣкоторыя статьи и которое напечатано теперь послѣ его смерти.

астрономовъ, онъ до того былъ пораженъ величіемъ и устройствомъ міровъ, что упалъ ницъ.

16) Въ собесѣдованіи съ кѣмъ бы то ни было онъ никогда не позволялъ себѣ пересудовъ и словъ пустыхъ. Нерѣдко воспоминая нѣкое лицо, подверженное слабостямъ: но онъ никогда не осуждалъ никого, „вотъ его, говорилъ онъ, великое достоинство“. Чтобы имѣть предметъ для разговора, онъ обращалъ свое и своего собесѣдника вниманіе на предстоящій праздникъ. „Вотъ скоро Коронація, или Восшествіе на Престолъ Государя и проч.; о чемъ бы тутъ писать для Церкви“. И такимъ образомъ многіе предметы со многихъ сторонъ были обсуживаемы, и праздное словцо было рѣдкость, развѣ для развлеченія.

17) Иннокентій до глубины души бывалъ проницаемъ смиреніемъ и самоуниженіемъ. Въ прощальное воскресенье нерѣдко у нѣкоторыхъ онъ испрашивалъ прощеніе — какъ? Не просто, поклономъ; но это до слезъ умилительно—ставъ на колѣни, и многажды, стоя на колѣняхъ, кланялись до земли.....

18) Онъ былъ чувствителенъ и могъ огорчиться на кого либо и самъ огорчить: Въ таковыхъ случаяхъ онъ гасилъ неудовольствіе, то тѣмъ, то другимъ подаркомъ, или инымъ выраженіемъ любви. Никто столько не испыталъ сего какъ нѣкто.... Господи! Аще мы зли суще сіе помнимъ, Ты ли, Всеблагій, забудешь къ успокоенію души (усопшаго) почившаго? —Нѣтъ, чтобы истребить какое либо неудовольствіе и досаду на кого, довольно бы прочитать что нибудь изъ его сочиненія: горечь въ сердцѣ замѣнялась нѣкимъ сладостнымъ чувствомъ успокоенія и мира...

19) Иннокентій по любознательности своей едвали оставилъ какую книгу безъ прочтенія. Но по сердцу своему, не обрѣлъ книги. И однажды спросилъ у меня: „Какую бы мнѣ книгу полюбить“? Я наименовалъ нѣкоторыя. „Нѣтъ, мнѣ онѣ

не по сердцу.—Я желалъ бы обрѣсти книгу въ духѣ Святаго Іоанна Богослова".

20) Желаніе—составить и оставить по себѣ книгу собственнаго сочиненія, у него было издавна. Въ 1825 году въ С.-Петербургѣ, бесѣдуя объ устроеніи своей жизни во благо свое и ближнихъ, я высказалъ ему желаніе мое, сіе: если бы мнѣ далася тысяча рублей денегъ, я бы всѣ роздалъ бѣднымъ. „А у меня иное желаніе, сказалъ онъ". Какое? „Я бы желалъ написать добрую книгу, если бы Богъ далъ...." Господь исполнилъ оба желанія наши въ большей, чѣмъ хотѣлось намъ, мѣрѣ. Буди благословенъ Всемилосердый! Онъ оставилъ по себѣ не одну, а нѣсколько добрыхъ и душеполезныхъ книгъ, а я по заслуженно получаю ежегодно вмѣсто одной (по тогдашнему курсу) тысячи, три съ половиною....

21) Господи Іисусе Христе! У Тебя—у Твоего милосердія незабвенъ тотъ день и часъ, когда оба мы, въ дальнѣйшей келліи, гдѣ онъ обиталъ умомъ своимъ и перомъ, послѣ нѣкоторой предварительной бесѣды и совѣщанія о томъ, чтобы истѣе и совокупнѣе взяться за очищеніе сердца, излили свои желанія и мольбу предъ Тобою въ молитвѣ Святителя Димитрія—молитвѣ, содержащей исповѣданіе къ Богу отъ человѣка, полагающаго начало спасенія,—и онъ слушалъ ее, стоя на колѣняхъ, неподвижно, вотъ оная молитва: „Боже преблагій, благости источниче, милости бездно! Создателю, Искупителю и Спасителю мой! Тебѣ, вѣдущему сокровенная, тайная, испытующему сердца и утробы, исповѣдую грѣхи моя, и приношу предъ Всевидящее Ти око въ слухъ всѣхъ Твоихъ Ангелъ и Архангелъ беззаконія мол. Согрѣшихъ Господи мой и Творче.... Се язвы и струпы и гноенія моя, о Милостивый Врачу! Се тяжкая моя бремени, о благій Господи! Се студъ мой и нагота моя, о долготерпѣливый Судіе! Сими дѣяніи моими опечалихъ, прогнѣвахъ и раздражихъ Твою благость; сими образъ Твой осквернихъ, Духа Святаго Твоего оскорбихъ и Ангела Хранителя моего отъ себе отгнахъ; сими кровь Твою дражайшую, за мя излiянную попрахъ и ни во что же вмѣнихъ; сими погубихъ красоту душевную, обпажихся бла-

годати Твоея и сотворихся вертепъ разбойникомъ, жилище бѣсомъ и страстемъ: сими растлихъ Церковь, Твоею кровію искупленную, оскверняя душу помышленіи скверными, хульными, гордыми, мерзкими, блудными: симъ соизволяя и въ нихъ услаждался, сими радость быхъ бѣсомъ, плачь же Ангеломъ и умерла ми есть душа, лежитъ же аки во гробѣ, зломъ обычаѣ, перстію нечувствія присыпана, и каменіемъ ожесточенія привалена. Се, Господи, моя беззаконія, превозшедшая главу мою, умножившаяся паче власъ главы моея и паче числа песка морскаго. Сія исповѣдая самъ себе обличаю, осуждаю и винна себе творю, не точію же сія, яже воспомянухъ, но и ихъ же не помню, и ихъ же не разумѣю, яко грѣси суть и ихъ же исповѣсти не умѣю, вся сія въ превеликое милосердіе Твое влагаю, всемилостивый и незлобивый Боже!....„ Дивлюся же и недоумѣваю о семъ, како не гнушаешися толико мерзкими скверна ми моими и попускаеши ми стояти предъ Тобою и дерзостнѣ, паче же реку, безстуднѣ глаголати: како не гнушаешися смотрѣти на нечистоту сердца моего и на мерзость души моея? Како предстатели Твои, внезапу огненными оружіи воспретивши не отринутъ и не отженутъ мя отъ лица Твоего? Како возгнувшашеся мною, не ввергнутъ мя связана во тьму кромѣшную? Но хощетъ сему тако быти Твое незлобіе и крайнее благоутробіе: многа бо, многа воистинну милость Твоя, вышша небесе, глубочайша бездны ада, пространнѣйша всея земли и моря благость твоя, яже и моея погибели не хощетъ, но обращенія ожидаетъ и радуется о покаяніи грѣшничи. Великая Твоя милость, Господи, егда долготерпиши мнѣ множицею обѣщавшу каятися, и паки въ таяжде и лютѣйшая впадшу: множицею бо обѣщахъ покаяніе и клятвами сіе утвердихъ, обаче солгахъ страстный. Каюся трепеща, неужели Господи, поразиши мя и по часѣ паки таяжде творю? Ты же и еще милосердствуеши о мнѣ, не погубляя мя со беззаконми моими.

Слава долготерпѣнію Твоему, слава милосердію Твоему, слава благоутробію Твоему, слава множеству щедротъ Твоихъ, слава многому множеству благости Твоея, слава милостивному лицу Твоему. Ему же нынѣ предстоя Господи мой, приношу

Тебѣ волю и намѣреніе мое въ надеждѣ помощи Твоея заложенное, отъ нынѣ, отъ сего дне, отъ сего часа, отъ сея черты, по силѣ моей злое и окаянное житіе мое исправити, о прешедшихъ же грѣсѣхъ до смерти болѣзновати и жалѣти, а приходящихъ опасно блюстися, помощію Твоею буду. Вѣси, Господи мой, яко ненавижду мерзскихъ дѣлъ моихъ и самаго себе ихъ ради, и всесквернаго житія моего не павижу, и болѣе ими Тя благаго Бога моего раздражати не хощу: точію Ты, Господи, даждь ми помощь: безъ Твоей бо всесильной помощи и благодати ни какъ же могу злыхъ моихъ дѣлъ и грѣховнаго обычая отстатися, и не единаго же блага дѣла творити: безъ Тебе бо не могу творити ничесо же. Имѣю волю каятися, аще ми Ты Боже поможеши, можеши мя очистити. Господи, помози ми и спасуся.

Вѣрую Господи Твоему благоутробію, помози моему невѣрію: вѣрую, яко близъ еси всѣмъ призывающимъ Тя во истинѣ. Истинно, истинно, истинно хощу всѣмъ сердцемъ въ покаяніе обратитися къ Тебѣ Богу моему. Боже въ помощь мою вонми, Господи помощи ми потщися.

И нынѣ убо и тогда сотвори сіе съ нимъ, и о немъ и со мною — Аминь. Господи, воззвахъ къ Тебѣ услыши мя....

Вскорѣ послѣ того Онъ, Иннокентій, занялся истолкованіемъ 50-го Псалма; и оно помѣщено въ журналѣ Воскреснаго чтенія, въ первыхъ годахъ его.

22) Кромѣ давняго задушевнаго желанія написать книгу, у него другое было неотходное желаніе быть въ Іерусалимѣ и видѣть всѣ мѣста, освященныя земною жизнію Господа. *) Это желаніе онъ часто повторялъ мнѣ въ келліи и въ прогулкахъ.

---

*) Впрочемъ вездѣ, гдѣ онъ жилъ, духъ его неисходно кажется находился во Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ и живя въ 19 вѣкѣ Христіанскомъ, онъ былъ какбы современнымъ, постояннымъ зрителемъ дѣла, исполненнаго Господомъ нашего ради спасенія, по волѣ Отца Его. Отъ того Иннокентій никогда не бывалъ столько словоохотенъ и оживленъ и во взорѣ и лицѣ своемъ просвѣтленъ, какъ при воспоминаніи отъ кого либо ему или отъ него кому либо о Ѳаворѣ и Сіонѣ, объ Іорданѣ, а паче о Голгофѣ.

Это желаніе необинуяся онъ выразилъ Святѣйшему Сѵноду при нареченіи его во Епископа Чигиринскаго: „Я желалъ и ожидалъ жезла странническаго, а не святительскаго“. За нѣсколько часовъ до кончины своей онъ просилъ своего Викарія Преосвящ. Поликарпа, нынѣ Епископа Орловскаго и Сѣвскаго, предназначавшагося въ Іерусалимскую Миссію, приготовить для него помѣщеніе во Іерусалимѣ.—Мыслію объ Іерусалимскомъ путешествіи своемъ онъ воодушевлялся и оживлялся, сочиняя страстную седьмицу и послѣдніе дни земной жизни Господа. *)

Всякій разъ, когда онъ повторялъ мнѣ желаніе свое, я высказывалъ ему двѣ мысли: 1) У меня же, говорилъ я, на умѣ всегда не Іерусалимъ, а Монастырская келлія и уединеніе. 2) Путешествію вашему состояться нельзя и потому, что для него потребна не малая сумма, а вы ни денты беречь не въ состояніи по своему нраву.... Онъ всегда сорилъ деньги... Поелику желаніе путешествія не оставляло его до гроба: то думаю, онъ рѣшился сумму, вырученную за сочиненія свои, сберегать и блюсти, чтобы имѣть возможность и совершить путь прилично, и оказать помощь милостынную на каждомъ шагу, требуемую въ Іерусалимѣ.—Когда же наконецъ ясно увидѣлъ онъ, что ему предлежитъ путь не во Іерусалимъ, а въ вѣчность, то вдругъ съ прежнею манерою нерасчетливости своею рукою, какъ могъ, разсорилъ все, что было собрано и сбережено отъ книгъ его. Такъ, а не иначе должно разумѣть оказавшуюся у него сумму. Неразсудно было имѣть въ виду путешествіе и не заботиться о средствахъ и потомъ, увидѣвъ себя уже въ невозможности совершить этотъ путь, держать долѣе собранныя для него средства. Ни за первое ни за второе Иннокентій не подлежитъ зазрѣнію и нареканію въ глазахъ всякаго благонамѣреннаго судящаго. Да, если бы эта сумма не имѣла особой цѣли, она осталась бы по смерти его, какъ обыкновенно бываетъ.... Таково свойство пристрастія къ деньгамъ: онѣ остаются погребенными въ ларцѣ и тогда, когда любитель ихъ уже во гробѣ....

*) Въ пяти томахъ тридцати-лѣтній трудъ его сей явился на конецъ въ свѣтъ и по неизвѣстному мнѣ распоряженію принесенъ ко мнѣ, когда въ дни Пятидесятницы я и умомъ и сердцемъ и всею памятію правилъ годовщину по его кончинѣ. Теперь читаю.

23) Что Иннокентій отвѣчалъ на постоянное желаніе моего сердца — въ монастырскую келлію? Всегда одно: „повремени; если не я для тебя, то ты мнѣ нуженъ, по долгу дружбы“. Такъ Промыслъ устроилъ,—и я съ своей стороны ясно видѣлъ надобность для него моей дружбы, всегда ему присущей и зорко, и вѣрно за нимъ наблюдающей. „Онъ, думалъ я однажды, смотря въ саду его на прекрасную яблонь, подпертую сухимъ древомъ,—онъ—эта яблонь, а я—эта сухая подпорка. Пусть такъ.... я буду ею; только бы плодъ отъ него былъ для Церкви—Матери полезный“. И вотъ по сему ли, или по инымъ судьбамъ Божіимъ,—оба мы сошли съ своего служебнаго поприща въ одинъ и тотъ же годъ и мѣсяцъ, не совѣщаясь:—онъ въ вѣчность, я въ сію Обитель .. въ число Братства.....

Господи! Господи Іисусе Христе! Помилуй насъ, Спаси насъ и не лиши Твоего Царствія, хоть у вратъ его!

24) Оканчивая курсъ семинарскаго ученія въ Сѣвскѣ, Иннокентій имѣлъ въ видахъ не Академію духовную и не иноческое званіе, а Университетъ и чины свѣтскіе. Это онъ повѣдалъ одному другу своему, который, не смотря на простоту и юность свою, прямо сталъ противъ этихъ видовъ его,—доказывая, что и таланты его, и Богословскія познанія и расположенность къ уединеннымъ занятіямъ, призывать его должны не въ Университетъ и не въ свѣтское званіе, а въ Академію и въ монашество.„—Какъ, въ монахи?„—да, въ монахи.—Дружеская пря была долго за полунощь. Наконецъ онъ согласился съ сужденіемъ своего друга, но съ тѣмъ, чтобы обоимъ быть монахами.—Увѣренія, что сколько онъ видится способнымъ быть ученымъ монахомъ, столько другъ его не способенъ къ иночеству, слушать не хотѣлъ и стоялъ на одномъ: „если въ монахи, такъ оба—ты и я“. Промыслъ Божій, при всѣхъ препятствіяхъ, ставшихъ на путяхъ товарища и друга Иннокентіева, устроилъ дивнымъ образомъ такъ, какъ желалъ онъ. Оба они въ монашествѣ, двадцать лѣтъ жили, служили, молились, размышляли, ходили, ѣздили—все вмѣстѣ. Бывали разногласія въ сужденіяхъ и жаркіе споры до дружескаго огорченія....

25) Учась въ Семинаріи Иннокентій такъ высоко стоялъ предъ своими сочениками, что между имъ, всегда первымъ и между вторымъ по немъ въ спискахъ, казалось, оставался пробѣлъ для десяти и болѣе.—На испытаніи Іона Преосвященный послѣ разныхъ ему многихъ вопросовъ и его отвѣтовъ, всегда скорыхъ и умныхъ, вотъ что сказалъ: „довольно, довольно, довольно, о. ректоръ (тогда былъ Гавріилъ, нынѣ Архіепископъ Рязанскій) къ нему можно приложить сіе: паче старецъ разумѣхъ".

26) Думалъ ли онъ? думалъ ли я, что, при немощахъ моихъ, при недугахъ моихъ, среди которыхъ онъ пекся о мнѣ съ материнскою заботливостію и отъ которыхъ онъ и Преосв. Митрополитъ Евгеній, общій нашъ благодѣтель, со дня на день ожидали моей смерти,—думалось ли намъ, что не я буду творить о немъ, какъ о почившемъ другѣ, память, а онъ о мнѣ? Такъ мы и совѣщались въ Кіевѣ. Вышло иначе.—Се Твоя воля, Господи Іисусе Христе! Буди къ намъ милостивъ, и омый Твоею кровію, а нашими слезами, наши согрѣшенія, содѣянныя словомъ, размышленіями, сужденіемъ, перомъ, дѣломъ, намѣреніемъ. Аминь.

27) Иннокентій отъ юности до конца дней своихъ Божественное Лице Господа нашего Іисуса Христа выну имѣлъ въ своемъ (пытливомъ) умѣ и въ мыслях. Предъ судомъ Господнимъ и предъ Матерію своею Церковію, онъ съ упованіемъ на милость Господа можетъ рещи: не судихъ видѣти что, пища и устно бесѣдуя, точію Іисуса Христа и сего распята. И желалъ и старался и всею силою ума своего усиливался, да возмогу разумѣти со всѣми Святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову, и силу Креста и воскресенія Его.

28) Два юношескихъ его сочиненія я памятую: одно семинарское, другое академическое. Семинарское: изъясненіе Прит-

Къ § 26) Напрасно вѣчная моя благодарность ему, за то участіе, которое выразилъ онъ по случаю смертельнаго приключенія моего на дорогѣ въ Одессу и въ Бессарабію въ 1840 году, приключенія, постигшаго меня въ наказаніе за суетный выборъ и явившаго чудодѣйственное милосердіе Божіе.

чи о блудномъ сынѣ. И это юнаго грѣшника сочиненіе такъ было удачно, что о. ректоръ Владиміръ не могъ достойной для него рекомендаціи. Списокъ его распространился по всей Семинаріи, какъ бы нѣкій гласъ объ исправленіи поведенія, кому нужно, и одинъ экземпляръ обрѣтенъ мною въ Кіевской Академіи, когда Иннокентій былъ уже Ректоромъ ея. Я вотъ какъ поступилъ; ожидая къ себѣ Иннокентія, положилъ давнихъ его лѣтъ сочиненіе на столъ, съ мыслію: узнаетъ ли онъ свое чадо? Пришелъ, сѣлъ, взглянулъ орлинымъ обычнымъ своимъ взоромъ и что за рукопись?—спросилъ; взялъ, прочиталъ нѣсколько.... „а гдѣ ты нашолъ?„ И положилъ къ себѣ въ карманъ.... Такъ онъ памятливъ...

Академическое: Это о характерѣ Іисуса Христа курсовое разсужденіе. Сочиненіе было въ большомъ размѣрѣ. Нѣкоторыя мысли изъ него и отрывки онъ присылалъ мнѣ, когда я былъ учителемъ, подъ ректорствомъ Іакова, моего здѣсь бл. Предмѣстника. Не судилъ я тогда о самомъ предметѣ, который былъ конечно наименованъ самимъ начальствомъ Академіи, но о томъ, что для Борисова, равно какъ и для всѣхъ студентовъ перваго курса Кіевской Академіи были раскрыты всѣ, всякаго разума и языка, книги, я жалѣлъ, скорбѣлъ, скорбію друга, и не переставалъ скорбѣть, благодаря вину ко мнѣ милосердый Промыслъ за то, что не смотря на распоряженіе семинарскаго начальства и настояніе Борисова—ѣхать съ нимъ и Соловьеву (иначе онъ не ѣдетъ), я отбился отъ этой чреды академической и въ свое время, послѣ 4 лѣтъ учительства, поступилъ въ Академію С.-Петербургскую въ составъ 7 курса ея, да исполнится совѣщаніе наше дѣтское—обоимъ быть иноками.

29) Иноческое званіе Иннокентій любилъ. Это видно было изъ того, что уставъ церковный въ монастырѣ своемъ поддерживалъ строго и что не только радостно принималъ желаніе студентовъ въ иноки, но и самъ располагалъ разными образами, и

Подъ параграфомъ 28 двѣ выноски: 1-я для спасенія моего отъ самыхъ врагъ смертныхъ и въ увращеваніи... 2-я первымъ Ректоромъ преобразованной Кіевской Академіи былъ Моусей, воспитанникъ перваго курса С.-Петербургской Академіи.....

чрезъ сіе пріобрѣлъ многихъ иноковъ, изъ которыхъ теперь нѣкоторые въ архіерейскомъ санѣ, именно: кромѣ его преемника Преосв. Димитрія, Экзархъ Грузіи Евсевій, Томскій Преосвящ. Парфеній, Антоній Епископъ Читинскій, Макарій Епископъ Тамбовскій, Григорій Епископъ Калужскій, Евѳимій викарій Новгородскій, Аполлосъ викарій С.-Петербургскій и другіе.

30) При назначеніи его въ Ректора Кіевской Академіи, намъ предстояла разлука, казалась, неминуемая: я оставался въ С.-Петербургской академіи. Но Промыслъ Божій устроилъ неожиданное насъ возсоединеніе. Блаженной памяти Митрополитъ Серафимъ, ходя въ залѣ вечеромъ пришелъ къ мысли о насъ обоихъ и говоритъ: „Іереміи будетъ скучно безъ него". На другой день предложилъ Коммиссіи духовныхъ училищъ послать меня Инспекторомъ въ Кіевскую Академію. Освѣдомясь о семъ, оба мы не вѣрили отъ радости такой перемѣнѣ, особенно я, радуясь и о Кіевѣ, въ которомъ быть хоть на одинъ часъ, постояннымъ задушевнымъ было моимъ желаніемъ и о томъ, что не послѣдовало разлуки, тогда какъ явно были другъ другу надобны для поддержки въ этомъ мудреномъ мірѣ. Сѣдши въ одинъ экипажъ, не знаю, что онъ чувствовалъ, а я понялъ и почувствовалъ силу словъ одного древняго мудреца, который, ничего неимѣя, говорилъ: omnia mecum porto. Въ сопребываніи нашемъ при Академіи Кіевской надобна была особенная благодать для того, чтобы насъ соблюсти другъ для друга, по особеннымъ нѣкоторымъ причинамъ.

31) Преосвященный Иннокентій ревновалъ по вѣрѣ. Въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ я былъ Законоучителемъ изъ читальной общей залы, по внушенію нѣкоего лица, изъяты и унесены были книги новые завѣты какъ бы неполезные. Кадеты, возмутясь, спрашивали меня о причинѣ этого внезапнаго распоряженія; чтобы успокоить я увѣрялъ ихъ, что книги въ переплетѣ, будутъ возвращены. Многія мѣры, употребленныя мною для отмѣны этого не христіанскаго распоряженія, остались безуспѣшны и я съ великою скорбію отправился къ Иннокентію; выслушавъ меня, онъ настойчиво послалъ меня сей часъ (вечеръ былъ) до-

нести Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Серафиму, какъ о дѣлѣ важномъ и опасномъ. Митрополитъ, выслушавъ перекрестился... и велѣлъ объясниться Московскому Митрополиту. При содѣйствіи Преосвящ. Иннокентія я неостался во лжи предъ кадетами и къ радости моей снова увидѣлъ священныя книги въ читальнѣ ихъ.—Ревновалъ онъ о Богослуженіи и самъ, не опущая его умѣлъ взыскивать за опущеніе съ другихъ. По совѣщаніи съ Инспекторомъ въ радости, онъ пожелалъ и распорядился, чтобы студенты слушали Богослуженіе во всѣ дни Святыя Пасхи; нѣкоторые изъ нихъ поупрямились и назвали это нововведеніемъ. И Иннокентій уволилъ ихъ вовсе отъ хожденія въ Церковь и на прочіе дни.... Тотъчасъ послѣдовало раскаяніе, скорбь, исправленіе, слезы. Иннокентій нововведеніемъ названное простить велѣлъ и самъ отъ души простилъ во славу Христа воскресшаго.

Кромѣ сего моего ему сопутствія было еще два: въ Смоленскъ и въ Архангельскъ. Отъ путешествія въ Смоленскъ, одинъ случай былъ до самой его смерти нерѣдкимъ предметомъ его воспоминанія и расказа,—случай, который между прочимъ долженъ былъ намъ внушить, чтобы не посмотрѣвъ и не перекрестясь ничего не вкушать и непущаться въ дальнѣйшій путь поздно. Опоздавъ, мы пріѣхали оба больные въ одно Еврейское жилище, наполненное ужасами по дѣлу о христіанскомъ младенцѣ... Изъ путешествія въ Архангельскъ приснопамятны: Флора Холмогорская и скаты горъ, прилежащія родинѣ Ломоносова; Сійскій Монастырь, въ коемъ содержался Филаретъ Никитичъ и который находится при множествѣ озеръ, одно съ другимъ соединенныхъ, наше плаваніе по нимъ, въѣздъ на Олонецкія горы, дорога по берегу рѣки Онѣги, быстротою своею отчасти подобной Кавказскимъ Тереку, Кубани. Тогда я такъ предъ нимъ провинился, что доселѣ каюся...

32) Изъ Псалтири онъ любилъ особенно 17-ю каоисму. Однажды вмѣсто рядовой я приказалъ читать ее: подозванный къ нему я ожидалъ замѣчанія за отмѣну; но онъ, пожавъ мою руку, сказалъ: „вотъ благодарю“. Каоисма 17-я потому ему,

думаю, приходилась по сердцу, что содержитъ въ себѣ молитвы объ удовлетвореніи той потребности, которую онъ вездѣ и всегда ощущалъ;—молитвы о вразумленіи, о просвѣщеніи и помощи въ испытаніи Судебъ Божіихъ. Но не такъ поступилъ онъ въ иной разъ.—Едва ли не тотъ же студентъ, читая пареміи въ великую Субботу, оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ: тогда досталось и студенту и инспектору.

33) Чтобы не остался на душѣ его обѣтъ быть во Іерусалимѣ, я началъ было, при настоящемъ положеніи, помышлять, какъ бы мнѣ вмѣсто его исполнить путешествіе въ градъ Святый. Но при неимѣніи къ тому средствъ, и получивъ внезапно планъ Іерусалима въ томъ видѣ, какъ онъ былъ во время жизни земной Господа, я удалилъ отъ себя помыслъ, который сталъ было мнѣ стужать и ограничился наглядным хожденіемъ по всѣмъ Святымъ мѣстамъ. Увидясь съ нимъ, аще Богъ дастъ, тамъ, скажу, что большаго сдѣлать не могъ по обѣту его.

34) Въ священнослуженіи онъ казался обыкновеннымъ молитвенникомъ. Но когда безъ священнодѣйствія предстоялъ, то всегда былъ углубленъ умомъ своимъ въ созерцаемомъ предметѣ и задумчивъ до забвенія.... и неподвиженъ.

35) Изъ молитвъ особенно, послѣ молитвы Господней, любилъ сію молитву: „помилуй насъ Господи, помилуй насъ, всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву, яко Владыцѣ, грѣшніи приносимъ, Господи, помилуй насъ“.—Тутъ все заключается, говаривалъ онъ.—

36) На свою молитву мало полагался и потому любилъ говорить: помолись, попроси помолиться.—Я слышу, слышу вашу о мнѣ молитву, писалъ онъ изъ пути своего въ Крымъ. Вину сознавая и чувствуя себя еще худшимъ Богомольцомъ, я обыкновенно обращался съ просьбою его и своею о молитвахъ за обоихъ насъ въ Брянскій Ново-Печерскій монастырь къ старцу іеросхимонаху Аѳанасію и отцу Смарагду, въ тотъ монастырь, гдѣ положилъ я начало иноческому житію и откуда волею и

распоряженіемъ старца своего отправленъ въ 1824 году, и 8 сентября прибылъ въ С.-Петербургскую Академію, гдѣ Иннокентій былъ уже баккалавромъ, бывъ вызванъ изъ Академіи Кіевской, какъ ея первенецъ. Съ того года и числа по мая 4 число 1841 года мы неразлучны были. Не смотря на дружбу, для самолюбія моего крайне было щекотливо изъ учителей сдѣлаться ученикомъ и учиться у товарища своего, хотя и друга. Такъ то будетъ, думалъ я, и тамъ—въ будущемъ вѣкѣ: первіи будутъ послѣдними. Господи помилуй! Но хоть бы послѣдними быть, а не отринутыми.

37) Иннокентій про себя любилъ сіе Апостольское слово: видимая временна, а невидимая вѣчна, такъ, помню, въ Академической дачѣ, засмотрѣвшись на цвѣты, его рукою и попеченіемъ взлѣлеянные, какъ бы въ нѣкоторомъ забвеніи о находящихся съ нимъ, говорилъ онъ сіи слова, про себя и для себя;—просто же Апостольскую мысль выражалъ при многихъ скорбныхъ случаяхъ, моихъ и своихъ—такъ: „Стоитъ ли? На долго ли это?..

38) Иногда желалъ онъ рѣшить и сей вопросъ его и меня касающійся: кто изъ насъ ближе или дальше отъ Царствія небеснаго? Этотъ вопросъ особенно однажды занималъ насъ на одной изъ горъ Днѣпровскихъ.—Я думалъ и говорилъ ему, что онъ ближе, заслуживая то душеполезными своими сочиненіями. А меня, присовокуплялъ я, что приблизитъ? Какая заслуга? Какое полезное для Церкви Христовой дѣло?.. Теперь почившій ясно видитъ, такъ ли я рѣшалъ сей и многіе, очень многіе, великой важности, вопросы?—

39) Чтобы возстановить упадавшее мое здоровье и по другимъ причинамъ, онъ нашелъ нужнымъ, въ Маѣ, отправить меня на недѣлю въ Академическую дачу, самъ оставшись на хозяйствѣ, дома. Но на другой день, внезапно для него, я возвратился. „Что это значитъ?“ „Соскучился“. Какъ можно соскучиться? Тамъ воздухъ ароматный, тамъ соловьи“. Такъ, но тамъ не слышно: Помилуй мя Боже. А что помилуй мя Боже занимало его душу, это съ радостію вижу изъ того, что предъ смертію онъ и самъ читалъ и заставлялъ читать сей псаломъ.—

40) На день Святаго Духа у Иннокентія всегда бывали проповѣди, нѣкою особенностію отличавшіяся. На день Святаго Духа онъ началъ священнослуженіе свое и священнодѣйствіе слова въ Одесскомъ Соборѣ, въ коемъ покоится нынѣ прахъ его. Въ день Святаго Духа онъ скончался.—Духу Святому онъ маливался сею молитвою Святаго Симеона, новаго Богослова:

„Пріиди кристалловидный Животе и прещѣнный, и вседержительная десница, Всесвятый и Животворящій Душе, Иже сый во властительмъ равночестіи Отеческомъ и Сыновнемъ, Иже есть въ Трісхъ Лицахъ тождество достоинства и Божества, совѣта же согласіе, и еже во едино воля, пріиди, Господи мой, Его же вожделѣетъ и желаетъ душа моя.

„Пріиди Единъ къ единому, зане единъ есьмь, яко же видиши во мнѣ, и очисти мя отъ всякія скверны и соблюди мя отъ всякаго прилога и навѣта сопротивнаго. Благословимъ Тя, яко отъ Тебе есть намъ же быти, еже дыхати, еже мудрствовати, еже знати Бога, Тебе Всесвятаго —Духа, и безначальнаго Отца и Единороднаго Его Сына. Благословимъ Тя, яко отъ Тебе намъ смотрѣти доброту небесную, солнечное теченіе, лунный кругъ, звѣздамъ украшеніе. Благословимъ Тя, яко отъ Тебе есть намъ разумѣти часовомъ измѣненіе, премѣненіе временъ, премѣненіе вѣтровъ, лѣтомъ обхожденіе... Тебѣ нынѣ молюся, Тебѣ припадаю: преклонися мнѣ рабу Твоему и благостію посѣти мя и возведи изъ глубины прегрѣшеній, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, ихъ же не разумѣю.... Владычествуя буди во мнѣ, храня и вся богатые дары подавая. Ты бо совершенное дѣйство еси всѣхъ благъ.....

Мнѣ извѣстно, что у Иннокентія было нѣсколько систематическихъ словъ о Духѣ Святомъ, сказанныхъ въ Кіево-братской Святаго Духа Церкви, но не знаю, гдѣ онѣ?—

41) Иннокентій часто порѣвался изъяснить для себя самаго, по особенному сердца побужденію, псаломъ, служащій за-

ключеніемъ Божественной Литургіи: Благословлю Господа на всякое время и пр. Если онъ не исполнилъ желанія сего, то далъ бы милосердый Искупитель, распятый за насъ, исполнить ему оное тамъ, гдѣ теперь душа его.

42) Иннокентію множество разума и познаній многообразныхъ не служили въ успокоеніе и утѣшеніе. И съ нимъ сбылось слово Экклезіаста: приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь. Однажды въ Академической дачѣ онъ рѣзко высказалъ мнѣ это чувство: „Со мною поступлено такъ и такъ *) на сихъ дняхъ.... Мнѣ крайне больно; и я не знаю, куда мнѣ съ этимъ сором знаній дѣвать себя“. Куда? Ко Христу и Кресту, смирясь, сказалъ я. Вскорѣ послѣ того онъ приступилъ къ сочиненію страстной седьмицы.

43) Христе Іисусе Боже и Спасе нашъ! Упокой душу его. Друга заступати не усрамлюся, говоритъ сынъ Сираховъ. Кромѣ изъясненнаго о немъ въ надгробномъ словѣ,—скажу съ симъ же Премудрымъ: девять (и болѣе) помышленій о почившемъ ублажихъ въ сердцѣ моемъ, а десятое здѣсь изреку языкомъ: Промыслу Всевышняго дѣйствующу и благоустрояющу, въ одно время—въ одинъ часъ услышалось нами призваніе къ Святому иночеству; въ одно время, хотя въ разныхъ мѣстахъ, приняли оное—онъ въ столицѣ Сѣвера, я предначинательно въ Печерскомъ Брянскомъ монастырѣ.—Въ одинъ годъ и мѣсяцъ, не совѣщаясь, сошли мы съ служебнаго поприща—на покой, онъ въ вѣчность, я—въ обитель сію, Кіево-подобную. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія, предшествовавшія его кончинѣ говорятъ мнѣ, что духовное и душевное его состояніе—предсмертное точно такое же было, какъ и мое, въ послѣднее время моего служебнаго поприща. Таково оно было: возскорбѣхъ печалію моею и смятохся.... Сердце мое смятеся во мнѣ и нѣкая боязнь нападе на мя. Страхъ и трепетъ прінде на мя и покры мя тьма. И рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полечу и почію отъ многихъ гласовъ и стуженій“.... (читается на шестомъ часѣ). И вотъ, Господь милосердый даровалъ ему и мнѣ крилѣ, яко голуби-

*) Это одна изъ непріятностей по службѣ.

ны мудрости Своея и мы улетѣли и почили—Онъ своимъ, а я своимъ покоемъ, по смотрѣнію Божію глубиною мудрости Своея вся намъ грѣшнымъ, требующимъ очищенія, на пользу и спасеніе строющему.... Сладкоглаголивый проповѣдникъ Креста, онъ почилъ на Крестѣ и сіе да будетъ по благости Божіей въ знаменіе для почившаго во благо....

44) Наконецъ, что принесу на гробъ его? И что препошлю душѣ его?—Сіе: Душе всесвятый! Душе любви и истины! Молю Тя, подолгу вѣдомыхъ Тебѣ, моихъ къ нему соотношеній,—молю Тя: сотвори и устрой, да и тамъ за своимъ гробомъ, спасительно и душеутѣшительно воспомнитъ онъ тѣ же молитвы, которыя упомянуты мною т. е. 1) Давидову: помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ, очисти беззаконія моя... Тебѣ Единому согрѣшихъ... Не отверже мя отъ лица Твоего!...". 2) Святаго Димитрія Ростовскаго повседневное исповѣданіе: „Боже Преблагій, благости Источниче, милости бездно, Создателю мой! Тебѣ вѣдущему сокровенная сердца исповѣдаю грѣхи мои и приношу предъ всевѣдящее Твое око, въ слухъ всѣхъ Ангелъ и Архангелъ беззаконія моя. Согрѣшихъ Господи мой и Творче... Не помяни моихъ беззаконій, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ"... 3) Молитву сію: помилуй насъ Господи, помилуй насъ, всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву грѣшніи приносимъ: Господи, помилуй насъ". 4) Моленіе Святаго Симеона, новаго Богослова, къ Тебѣ лично, о Душе Святый „пріиди кристалловид„ный и прецѣнный.... буди мнѣ Самъ вся во всѣхъ.... буди ми „свѣтъ невечерній и солнце незаходимое, гдѣ скрытися не„имущее. Тебе благословлю и кланяюся со безначальнымъ Испу„стителемъ Твоимъ Отцемъ и присносущнымъ и сраслеинымъ „Его Сыномъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Даруй, даруй ему сіе, о Душе Всеблагій! Довольно и сего на гробъ друга, сопутника, сослуживца, начальника, благодѣтеля. Да не будетъ отриновенно имъ и отъ Господа, по благодати Христа Іисуса, Сына Божія, Его же онъ возвѣщалъ сладко и

учительно, и Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ буди слава и поклоненіе и тамъ, гдѣ онъ теперь и здѣ—въ юдоли нашего пришельствія и странничества отъ всѣхъ насъ вкупѣ. Аминь.

Преосвященный Иннокентій скончался въ праздникъ Пятидесятницы. Чрезъ годъ, въ дни сего праздника въ воспоминаніе о почившемъ, я все, кажется, исполнилъ—и помолился, и поразмыслилъ, и прочиталъ нѣсколько статей изъ его седьмицъ и повторилъ описаніе его болѣзни и кончины. Къ сему глубоко желалъ я приложить еще два дѣла, изъ коихъ одно—узнать о судьбѣ, упоминаемой здѣсь книги: послѣдніе дни жизни Господа,—книги, которую онъ началъ печатать въ послѣдніе дни своей жизни и которая по неблагопріятствамъ нѣкіимъ могла быть задержана. И вотъ, въ продолженіи праздника Пресвятой Троицѣ, внезапно приносятъ мнѣ рано по утру въ пяти частяхъ послѣдніе дни жизни Господа, единственный экземпляръ здѣсь.... Какъ не вознести еще и еще молитвы о составителѣ ихъ?—Упокой Господи душу его!—Но вотъ удивительно: кто-то безъ моего предваренія доставилъ мнѣ твореніе Преосвященнѣйшаго Иннокентія, какъ будто вѣдая, что я крайне занятъ имъ именно въ эти дни и что единственный здѣсь экземпляръ его первѣе всѣхъ принадлежитъ мнѣ и по дружеству и потому, что покойный трудился надъ дѣломъ симъ въ виду моемъ и съ нѣкоторымъ моимъ участіемъ, и еще потому, что почившій до Архіерейства своего всякое почти свое сочиненіе прямо изъ подъ пера присылалъ ко мнѣ въ свиткѣ.... Господи Іисусе! Не оставь насъ.... *) 1857 года. 17 октября.

Письма Преосвящ. Іереміи Епископа къ Иннокентію Архіепископу (въ Харьковъ).

I.

Привѣтствуя Ваше Преосвященство симъ всерадостнѣйшимъ гласомъ Святыя Церкви, усерднѣйшую приношу Вамъ благодар-

*) Эти воспоминанія были доставлены намъ въ Редакцію келейнымъ Преосвященнаго Іереміи о. Никономъ, нынѣ іеромонахомъ при Казанскомъ Архіерейскомъ домѣ.

Редакторъ.

ность за страннопріимство, оказанное кавказскому путешественнику. Напутствованный молитвенными Вашими благожеланіями, я благополучно совершилъ длинный путь свой. Прибывъ въ Ставрополь въ великую субботу, въ 8-мь часовъ, въ день Пасхи имѣлъ радость служить и утреню и Божественную литургію, и вечерню—все обрѣлось въ готовности къ Архіерейскому Богослуженію; за что не знаю какъ отблагодарить доброму и преусердному Ставрополю и всей Паствѣ.

За нѣсколько передъ симъ дней, получилъ я полное облаченіе отъ Преосвященнѣйшаго Архіепископа Исидора съ такою припискою: *„я увѣренъ, что въ проѣздѣ Вашъ чрезъ Харьковъ, Преосвященный тамошній снабдилъ Васъ всѣмъ потребнымъ“*. Жаль, что Его Преосвященство въ семъ случаѣ обманутъ.... Развѣ въ слѣдъ меня Преосвященнѣйшій Харьковскій отправилъ что нибудь для новой каѳедры, по обычной ему скромности?—О, тогда бы былъ я очень благодаренъ не за себя токмо, но отъ лица Кавказа всего.—Кавказа я не видалъ еще по причинѣ дней не ясныхъ. Увижу, опишу Вамъ.

Пріюта себѣ я не нашелъ еще; ищу, и не обрѣтаю.... Жалѣю, что многихъ привезъ съ собою изъ Кіева. Здѣсь людей способныхъ и готовыхъ къ дѣлу довольно.

Матвѣю Алексѣевичу усердное мое почтеніе свидѣтельствую, и благодарю за благорасположеніе, коимъ такъ много обрадованъ я, въ бытность мою въ Харьковѣ.—

Его Сіятельству Господину Генералъ-Губернатору Вашему передайте мою глубочайшую благодарность за распоряженіе, истинно благодѣтельное для путника.

Простите. Будьте здоровы.

26 Апрѣля 1843 года.

Ставрополь.

Іеремія.

II.

Съ нами Богъ! Новый подарокъ Вашъ я имѣлъ радость получить въ такое время, что, кажется, при посылкѣ его расчитаны были дни, часы и минуты. Ибо полученъ онъ тотчасъ по окончаніи вечерняго бдѣнія, наканунѣ праздника. Такая точность привела меня къ той утѣшительной мысли, что и мнѣ остается еще мѣсто не въ памяти токмо Вашей, а въ сердцѣ. Благодарю Вашею благодарностію.

Если бы получены были здѣсь до 50 экз. сея полезныя книги, то коммисіонеръ Вашъ получилъ бы за нихъ все должное, хотя не такъ скоро, по обширности Епархіи и не совершенной устроенности.—Гостя своего Пр. Исидора ожидаю около 20; Онъ пишетъ, что отправился 13 минувшаго Декабря въ Москву, отсѣлѣ чрезъ Воронежъ на пресловутый Кавказъ.

Не поручите ли что передать ему?

А преемникъ нашъ по Кіеву Пр. Варлаамъ все путешествуетъ. Непонятно!

У насъ зима и зима великая. Да будетъ она гробомъ врагу нашему, коего боялися—саранчи,—къ чему да споспѣшествуютъ молитвы молящихся, и Ваши Святительскія, коихъ испрашивая и моему окаянству, есмь всегда....

І. Е. К. и Ч.

1-го Генваря 1845 года.

Новый сей годъ для насъ съ Вами сугубо новъ: ибо отнынѣ Вамъ свершилось три отъ назначенія въ Харьковъ, мнѣ два (года) отъ назначенія на Кавказъ.

III.

Наипріятнѣйшее письмецо Ваше получено мною, въ бытность у меня Высокопреосвященнѣйшаго Исидора. За удовольствіе, которое оно доставило намъ, примите отъ него и отъ меня

усердную благодарность. Погостилъ онъ у меня около десяти дней. Въ недѣлю Закхея соборнѣ служили мы въ соборѣ. Чтобы видѣть небывалое здѣсь служеніе двухъ Архіереевъ, сограждане мои, на сей разъ, едва не всѣ были Закхеями, по усердію и усилію—увидѣть. Преосвященнѣйшій Исидоръ не чуждъ страха и опасеній разныхъ, но благодушествуетъ. Здоровье его, кажется, хорошо. Въ бесѣдахъ нашихъ, Васъ сто разъ вспоминали съ любовію.

Но здоровы ли Вы, Ваше П—во?—У меня родилось опасеніе на счетъ Вашего здоровья. Поводъ къ опасенію подало письмо Ив. Мих. Скворцова, въ коемъ, между прочимъ, пожалѣвъ, что давно не получаетъ ничего отъ Васъ, усумнился: здоровы ли Вы? —А въ двѣ послѣднія ночи, Вы привидились мнѣ во снѣ.

Что-то, въ обѣ ночи, представилось о Васъ такъ живо и рѣзко, что я тотчасъ пробудился. Не укосните успокоить, если Вы живы и здоровы. Книги получилъ: надлежащее вышлютъ, десять экз. взялъ въ Тифлисъ Пр. Экзархъ. У насъ все зима, зима, отъ которой много страждутъ люди и стада.—Намѣстникъ кавказскій, говорятъ, будетъ ѣхать чрезъ Одессу, моремъ.

Простите и благословите.

І. Е. К. и Ч.

11 Февраля 1845 года.

Сейчасъ въ Москвитянинѣ прочиталъ я описаніе Вашего празднества—искусное. Честь и хвала Матвѣю Алексѣевичу, и поклонъ отъ меня. А Ив. Мих. прислалъ мнѣ книжку Вашу съ бесѣдами, въ Святогорскѣ говоренными.

IV.

Привѣтствовавъ Васъ съ наступленіемъ Св. Пасхи, привѣтствую и съ преполовеніемъ ея: *Христосъ воскресе!* Купно съ привѣтствіемъ примите покорнѣйшую мою просьбу сію:

Каѳедральный мой отецъ протоіерей имѣетъ въ Харьковскомъ университетѣ сына Василія Кластилевскаго, въ нынѣшнемъ году оканчивающаго курсъ.—По родительскому сердобольному вниманію къ этому важному пункту въ судьбѣ своего первенца,

онъ просилъ меня просить у Васъ отеческаго воззрѣнія на него и содѣйствія къ опредѣленію его въ учители гимназіи *Воронежской* или *Таганрогской*, или *куда либо* въ Харьков. округѣ *по правовѣдѣнію*.

Въ полномъ надѣяніи, что общая наша о студентѣ Кластилевскомъ просьба—просьба моя, его отца и благочестивой матери, благосклонно Вами примется, и, испрашивая Вашихъ молитвъ и благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ благодарною о Господѣ Воскресшемъ любовію, честь имѣю быть....

Іеремія Е. Кавказ. и Черноморскій.

10 Апрѣля 1847 года.

Съ нынѣшняго дня, начинаю 48-й годъ моей неплодной жизни. Благословите.

P. S. Я ожидаю душеполезныхъ Вашихъ твореній, новыхъ, для епархіи Кавказской.—У насъ нѣсколько дней дуетъ восточный вѣтеръ, не полезный для воскресающихъ и сѣемыхъ прозябеній, а осенью вовсе не было дождей. Господи помилуй! Прошу Вашей молитвы. Изъ Кіева отъ Высокопреосвященнѣйшаго Филарета что-то давно нѣтъ писемъ; здоровъ ли маститый старецъ?—Мнѣ глубоко хочется при Крестовой церкви устроить придѣлъ во имя преподобныхъ отецъ Печерскихъ Антонія и Ѳеодосія. Если бы Богъ помогъ молитвами Вашими!

Письма эти сообщены профессоромъ петербургской духовной академіи *Н. И. Барсовымъ*.

Примѣчаніе. Въ концѣ воспоминаній Преосвященнѣйшаго Іеремія о Преосвященнѣйшемъ Иннокентіи, на страницѣ 22, строка 26, выставленъ 1857 годъ, 17 октября. Въ подлинникѣ 1857 годъ, 17 октября поставлены въ началѣ статьи означенныхъ воспоминаній, какъ время начатія писанія оной. *Протоіерей Виноградовъ.*

№3563
86

2007042002